

ФОРУМ: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ НАУЧНОГО ЛАНДШАФТА

Аннотация: Этот «Форум» посвящен недавним переменам в институциональном устройстве науки и их последствиям. Участники дискуссии обсуждают изменившиеся условия научной деятельности: государственную научную политику разных стран, положение (молодых) сотрудников академических институтов и университетов, грантовую систему и работу исследователей в кратковременных проектах и коллективах, критерии, по которым оцениваются результативность научной работы и успешность ученого, надежность наукометрических показателей, расхождения в позициях и взаимное недоверие научных администраторов и исследователей. Авторы реплик указывают на наиболее острые проблемы, предлагают решения, которые помогут улучшить нынешнюю ситуацию, и альтернативные схемы устройства науки.

Ключевые слова: институциональное устройство науки, научная политика, оценка результатов исследований.

Для ссылок: Форум: Тенденции изменения научного ландшафта // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 11–124.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-11-124

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/forum.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 46

FORUM: CURRENT TENDENCIES OF THE ACADEMIC LANDSCAPE

Abstract: This “Forum” deals with recent changes in the institutional structure of academia and their consequences. Discussants talk about new conditions for scholarly research: the state policies of several countries towards social sciences and the humanities, the situation of (young) researchers in research institutes and universities, the system of grants for short-lived projects and ad hoc research groups, the criteria for evaluating the results of research and the qualification of scholars, the reliability of quantitative instruments of assessing academic quality, as well as misunderstandings and mutual mistrust between scholars and university administrators. The authors of the remarks identify the most acute challenges, offer solutions that could improve the current situation, and discuss alternative ways to organize research.

Keywords: institutional structure of academia, scholarly policies, assessment of research results.

To cite: ‘Forum: Tendentsii izmeneniya nauchnogo landshafta’ [Forum: Current Tendencies of the Academic Landscape], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 46, pp. 11–124.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-11-124

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/forum.pdf>

В форуме «Тенденции изменения научного ландшафта» приняли участие:

Игорь Александрович Алимов (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Тимофей Александрович Архангельский (Университет Гамбурга, Гамбург, Германия)

Елена Львовна Березович (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия / Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Юрий Евгеньевич Березкин (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Андрей Анатольевич Бесков (Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия)

Алима Бисенова (Назарбаев университет, Нур-Султан, Казахстан)

Маргарита Игоревна Вайсман (Сент-Эндрюсский университет, Сент-Эндрюс, Великобритания)

Валерий Юрьевич Вьюгин (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Александр Юрьевич Желтов (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Наталья Васильевна Ковалева (Университет Техаса, Остин, США)

Александр Григорьевич Козинцев (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Кульшат Медеуова (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)

Николай Александрович Митрохин (Центр исследований Восточной Европы при Бременском университете, Бремен, Германия)

Никита Викторович Петров (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / Московская высшая школа социальных и экономических наук / Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)

Жаксылык Муратович Сабитов (Национальный центр государственной научно-технической экспертизы, Астана, Казахстан)

Марина Валентиновна Хаккарайнен (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Форум

Тенденции изменения научного ландшафта

Этот «Форум» посвящен недавним переменам в институциональном устройстве науки и их последствиям. Участники дискуссии обсуждают изменившиеся условия научной деятельности: государственную научную политику разных стран, положение (молодых) сотрудников академических институтов и университетов, грантовую систему и работу исследователей в кратковременных проектах и коллективах, критерии, по которым оцениваются результативность научной работы и успешность ученого, надежность наукометрических показателей, расхождения в позициях и взаимное недоверие научных администраторов и исследователей. Авторы реплик указывают на наиболее острые проблемы, предлагают решения, которые помогут улучшить нынешнюю ситуацию, и альтернативные схемы устройства науки.

Ключевые слова: институциональное устройство науки, научная политика, оценка результатов исследований.

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ситуация в науке, с наукой, вокруг науки постоянно меняется. Кто-то считает, что все изменения ведут к худшему, помещая этим самым «золотой век» науки в прошлое, кто-то уверяет, что «золотой век» в будущем, кто-то считает, что его не было и быть не может. Однако дело не в оценках. Оценить «процесс в целом», как и изменения «для всех наук» заведомо невозможно: ситуации в разных областях науки, в разных странах и даже в разных городах могут сильно различаться.

Задача настоящего «Форума», как ее видит редколлегия, — обсудить несколько конкретных вопросов, которые в последние годы у всех на виду и на слуху, собрать мнения относительно того, полезны ли происходящие изменения для социальных и гуманитарных наук и для их конкретных представителей: этнографов, антропологов, фольклористов... Ставим многоточие, поскольку не хотим ограничивать области, относительно которых планируем собрать мнения. Редколлегия «АФ» предлагает вам ответить на следующие вопросы:

1 **Изменения в институциональном устройстве науки**

Мы привыкли, что «наукой занимаются» в стабильных солидных организациях, институтах или университетах. Сейчас, однако, можно наблюдать одновременно несколько тенденций, за которыми просматривается иная, новая форма организации науки. Постепенно вымывается понятие постоянного контракта. В институтах РАН на постоянных контрактах остались одни «старожилы». Получить повышение теперь можно, только перейдя на срочный контракт. В университетах срочные контракты уже стали нормой. Все большую долю в работе (и зарплатах) научных сотрудников занимают гранты, все труднее получить грант на индивидуальное исследование. Подогнать один коллективный проект под существующий научный отдел института или кафедру университета непросто, поэтому для участия в таких проектах научные коллективы собираются *ad hoc*, а когда грант заканчивается — распадаются и перераспределяются между другими проектами¹. Успешность и мобильность для исследователя постепенно становятся синонимами. Какие последствия может иметь такая подвижность для науки, преподавания, научного музея? Какими должны быть современные научные центры? Имеет ли в таких условиях смысл понятие «научная школа»?

2 **Что происходит с научной работой и ее результатами?**

Всем известна ситуация работы по грантам, в условия которых включены регулярные публикации статей в журналах той или иной «базы». В случае большого проекта коллектив, как правило, успевает собрать материал и выдать необходимые статьи, однако значительная часть материала остается необработанной и неопубликованной, поскольку времени на это нет: грант кончился, идет уже следующий, по которому также нужно опубликовать статьи. Собранные материалы оседают в архивах, с тем чтобы так никогда и не дойти до читателя. Действительно ли такая система сокращает «продуктивный выход» научной работы или более высокий темп работы, более лаконичные публикации, быстрая смена тематики исследования, наоборот, способствуют приращению научного знания? Какие еще изменения в этой сфере произошли в последнее время?

3 **Как оцениваются результаты научной работы?**

Результаты научной работы институтов и университетов прежде оценивались ведомственными комиссиями, состоявшими,

¹ См. недавнюю публикацию об «интеллектуальных корпорациях», приходящих на смену традиционным научным институтам: <http://www.ng.ru/science/2020-04-21/9_7849_institutes.html?fbclid=IwAR2ap0ig09K8y1jYdnA1xGBYBeEHtTgT089L6YX-N9Uhf6Onl3-FcjEvM>.

как правило, из научных сотрудников других институтов. Сейчас результаты научной работы оцениваются главным образом с помощью так называемых наукометрических показателей. Как вы относитесь к этим и другим способам оценки научной работы? Какую форму оценки результатов могли бы предложить вы?

ИГОРЬ АЛИМОВ

1

Что касается меня, то я уверен, что любой науке разнообразие ее проявлений только на пользу. Разнообразие диктуется поставленными учеными и научными коллективами, а также государством задачами. Если задача такова, что решить ее можно только в стабильной солидной организации на протяжении многих лет, то подобная возможность должна быть. Если задача решается путем объединения ученых разных учреждений во временный коллектив, который по завершении задачи распадается, такая возможность тоже должна быть. Если для решения научной задачи ученому требуется периодически работать в разных научных учреждениях и центрах с последующим возвращением к основному месту работы, то и эта возможность должна быть предусмотрена.

Все это очевидно, если во главу угла мы ставим научную истину, а не научное обслуживание общества. Однако ученым настойчиво предлагают принять потребительскую точку зрения: наука — это услуга (а мы-то много лет считали за честь служение!). Здесь сталкиваются две совершенно разные модели понимания сущности, целей и задач науки. Одно традиционное, требующее коллектива единомышленников, которые подолгу в одном и том же месте изучают фундаментальные проблемы бытия, в результате чего

Игорь Александрович Алимов

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
hp.alimov@gmail.com

формируются устойчивые научные школы. Другое постмодернистское, в модном ныне предпринимательском стиле, когда требуются не единомышленники, а рабочая группа исследователей, обслуживающая государственный заказ или осваивающая в оговоренный срок грант на модную тему. В последнем случае правит не только мобильность, но и сервильность.

Между тем фундаментальная наука не может существовать по принципу «чего изволите?», это скорее свойство науки прикладной, но и там без живого интереса исследователя к изучаемой проблеме хороших результатов не добиться, а интерес рождается из-за непрактичной воодушевленности ученого и его любви к предмету исследования. Как правило, ученый — однолюб, но теперь ему все чаще предлагают случайные связи и временные союзы. От него требуют успешности: чем больше грантов освоено, чем больше участия в междисциплинарных проектах, чем больше статей (которые, правда, никто не читает), чем больше мелькания на конференциях, тем успешнее виртуальный образ ученого. В результате за формальными показателями теряется реальное содержание.

Нынешнее устройство нашей науки ориентировано именно на форму: каждые три года все как один должны переменить темы научных исследований на отличные от предыдущих (и упаси Будда, если темы будут похожи!), в течение каждого текущего года должно быть опубликовано заданное сверху (по разнарядке) количество статей в высокорейтинговых журналах, причем нарастающим итогом, т.е. из года в год все больше. Дробление и вынужденно поверхностная реализация постепенно убивают большие научные проекты, требующие значительного времени для работы, не оставляя перспективы для развития и общего труда в одном направлении. Попробуйте за три года составить академический словарь современного русского языка! Это просто невозможно, а значит словаря не будет, тем более что такой том оценивается в наукометрии как одна статья. Или же ученым придется выкручиваться, подавая трехлетний план на первые три буквы словаря, и далее по трехлеткам и алфавиту. Абсурд.

Не всем новомодным (или навязанным сверху) веяниям надо следовать вслепую, иначе мы просто разучимся видеть общий смысл и далекую перспективу, зато усвоим трехлетний горизонт ожиданий и выучимся кусочничать — раз в три года. При таком подходе ни о каких научных школах говорить не приходится. Нам бы день простоять да ночь продержаться. Впрочем, если мир и дальше будет обесмысливаться, то зачем ему научные школы? Ему нужны мобильные группы исследователей, порхающих из института в университет, с грантика на проектик, все

в ореоле презентаций и с индексом Хирша в виде галстука-удачки.

С победой дивного нового мира научные школы будут уходить в небытие: ушли титаны, уйдут их ученики, переобучатся ученики учеников (или их насильственно переобучают), а смены им уже не будет...

2

Признаться, мне никогда не была понятна эта странная система, когда тема научного исследования по основному месту работы ни в коем случае не должна совпадать с темой, на которую получен грант, и работу по гранту следует выполнять в некое абстрактное «свободное» время. Ученый привлек грант по теме, которой он занимается согласно государственному заданию, — что в этом плохого? У ученого появились дополнительные деньги для работы по теме, при этом он не должен разрываться между темой НИР и темой гранта — что в этом плохого?

И здесь мы возвращаемся к вопросу о том, что в современном мире есть наука. Если это услуга, то у нее должна быть цена. Цену назначает государство, и оно страшно боится переплатить, поэтому в соответствии с ленинскими заветами вводит всюду учет и контроль. Как управленцу, который кроме управления и распределения ничего не умеет, оценить работу ученого, в коей он ничего не понимает? Правильно, нужно определить контрольные параметры и тщательно следить за их исполнением. Отсюда все эти чудовищного вида формулы, по которым теперь вычисляют «научные нормативы».

Здесь также нужно учесть, что гуманитарное знание прирастает не статьями, а только монографиями. Давно прошли те времена, когда важная статья обсуждалась всем научным сообществом, когда выходили обстоятельные рецензии на сборники и научные альманахи. Пришла дефляция — слишком много авторов, слишком много названий, часто слишком узенькие и малюсенькие темки. Исследователи по старинке пишут статьи как часть будущей книги, публикация которой закроет проблему, сами же статьи не более чем расходный материал.

Современная организация науки заставляет ученого кусочничать. Без полноценной обработки материала (и последующей его публикации в рамках монографии) речь идет не о приращении науки, а о бестолковом ее разбухании: один кусочек пошел в статейку, другой кусочек лег в архив, третий кусочек лежит на рабочем столе и просит доработки, но какое там! У нас новый грант, новая научная тема, а еще новый междисциплинарный проект. И всюду надо успеть отчитаться.

При этом я вовсе не против грантовых исследований, они дисциплинируют, но у ученого должна быть возможность продолжить начатые исследования и издать книгу, чтобы наука действительно прирастала. Вне гранта не следует ограничивать ученого во времени, которое потребуется ему для решения научной задачи, тема гранта вполне могла бы быть продолжена как личная научная тема наряду с обязательными темами НИР. Да только это более сложное и менее контролируемое устройство науки, нежели способен понять современный управленец.

Нынешняя система не дает времени задуматься. Она, разумеется, сокращает продуктивный выход и ухудшает его качество. По сути, такая система пригодна лишь для решения сиюминутных задач. Будучи выходцами из разных научных петербургских школ, выученные искать содержательность в труде, мы работаем вопреки ей. И только это пока сохраняющееся «вопреки» позволяет развиваться большим научным проектам. Однако уже приходит (пришло!) молодое поколение, которое сориентировано именно на сиюминутные задачи. Для нас основное научное высказывание ученого делается в монографии, для них определяющий тип работы — публикация в высокорейтинговом журнале. Мы хотим оставить после себя если не научную школу, то хотя бы книжную полку в мировой библиотеке, а чего хотят они?..

3

Наукометрию победить нельзя, но можно умерить ее аппетиты. По сути дела, наукометрия сейчас нечто вроде прокрустова ложа, которое обрубает все лишнее для «учета и контроля» параметры научной деятельности, заботясь лишь о форме, но никак не о содержании.

Все мы чуть ли не ежедневно получаем приглашения из различных «международных» журналов, которые выпускают статьи по всем научным направлениям исходя из самого простого алгоритма действий: 1) зарегистрировать автора; 2) оформить материалы в соответствии с требованиями редакции; 3) прислать статью на электронный адрес издания для прохождения рецензирования (рецензирование проводится редакционной коллегией журнала в течение одного дня); 4) дождаться положительного ответа о принятии статьи для публикации и инструкций *по оплате* публикации. Цели и задачи таких журналов формулируются следующим образом: «Донести к научному сообществу результаты передовых исследований, повысить уровень стандартов текстов научной направленности, помочь стереть границы научной деятельности по всему миру»¹.

¹ Стилистика источника сохранена, см. идентичные описания в "Norwegian Journal of Development of the International Science" на портале НЭБ elibrary.ru: <https://elibrary.ru/title_about.asp?id=63254>

И вот сижу я и думаю, что это за передовые научные результаты, которые будут опубликованы сразу после оплаты? Нужно называть вещи своими именами: публикации в журналах, учитываемые при подсчете ПРНД¹ в рамках наукометрических требований. И снова на первом месте количество, а не качество. Науку вписывают в предпринимательство: ученый должен оплачивать публикации в журналах, входящих по недоразумению в известные базы данных, чтобы получить прибавку к жалованию и не лишиться премий.

Какие могут быть другие методы оценки научной деятельности? Они давно известны: это опубликованные монографии и рецензии на них. В свое время покойный А.С. Мартынов написал большую и интереснейшую статью-рецензию, к которой его подвигла моя первая научная книга. И это был взаимопользительный опыт, способствовавший приращению китаеведной науки. Но, увы, миновали те времена!..

ТИМОФЕЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

1

Я занимаюсь наукой всего десять лет. Собственно, ничего, кроме описанной в этом вопросе проектно-грантовой системы, я в своей жизни и не видел, так что сравнивать ее мне не с чем. Мне кажется, она не мешает существованию научных школ или устойчивых коллективов, не оформленных официально. Например, с 2012 г. я участвую в проекте по описанию бесермянского диалекта удмуртского языка. Он начинался в 2003 г. как вполне официальная экспедиция Отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) МГУ, но со временем перерос в такую неформальную коллаборацию, в которой участвовали и участвуют лингвисты из полудюжины организаций, причем состав участников меняется с течением времени. То есть это проект в смысле «дело с общими целями и методами работы», а не в смысле «четко очерченный круг задач с дедлайном, под который выделены деньги». Финансировался он в одни годы из грантов, полученных специ-

**Тимофей Александрович
Архангельский**

Университет Гамбурга,
Гамбург, Германия
timarkh@gmail.com

и "Magyar Tudományos Journal" на его сайте: <<http://magyar-journal.com/mtj/magyar-tudomanyos-journal>>. — Прим. ред.

¹ Показатели результативности научной деятельности. — Прим. ред.

ально под бесермянский, в другие — из каких-то более общих грантов, где бесермянский был всего лишь частью, иногда — из собственного кармана. То, что я с 2017 г. работаю в Германии, причем с июля перейду на работу в уже третий по счету проект (во втором смысле), не мешает мне ездить в поле и публиковаться вместе с коллегами-бесермяноведами, с которыми я далеко не всегда состоял в общих грантах.

Что касается мобильности и постоянных ставок, то самым неприятным следствием временных контрактов мне видится необходимость постоянно переезжать из одного места в другое. На Западе такая мобильность давно является нормой жизни и даже, кажется, считается правильной и полезной для науки. Однако постоянные переезды существенно снижают качество жизни ученого. В первую очередь сложности возникают с семьей. Если один из супругов нашел работу в другом городе, второй должен найти работу там же. Если оба занимаются наукой (как часто бывает), то одновременно найти работу в одном и том же месте обычно затруднительно, а если они еще и связаны с одной и той же областью науки (так почему-то часто случается с лингвистами), это практически невозможно. Детям приходится менять окружение, а при переезде в другую страну учить с нуля новый язык. Кроме того, сам по себе переезд — изматывающее и утомительное мероприятие. Если на этапе учебы или аспирантуры эти проблемы возникают не так часто или ощущаются не так остро, то в более зрелом возрасте они очень сильно осложняют жизнь.

Я в принципе за мобильность в широком смысле — в смысле возможности менять тематику исследований или переходить из одной формальной или неформальной научной группы в другую, но уверен, что пользы от регулярной смены места работы для науки нет. Конечно, сидеть на одном месте всю жизнь и читать исключительно работы своих ближайших коллег неправильно. Но если ты несколько раз в год едешь на международные конференции и время от времени проводишь пару месяцев в других городах на стажировке или в рамках какого-нибудь совместного гранта, этого вполне хватает для создания научных связей и понимания того, что происходит в мире.

2

Вопрос, очевидно, предполагает, что быстрая смена тематики исследований следует из проектно-грантовой системы. По моему, это не всегда так. Гранты действительно постоянно сменяют друг друга в жизни ученого, но при этом часто тема следующего гранта естественным образом вытекает из результатов, полученных в предыдущем, так что в целом тематика исследований одного человека или коллектива, в который он

входит, остается прежней или меняется естественным, эволюционным путем.

Так или иначе, проблема собранного, но необработанного материала в полевой лингвистике и в некоторых других гуманитарных дисциплинах существовала задолго до появления краткосрочных проектов и грантов. На расшифровку и разнообразную разметку минуты звучащей речи запросто может уйти час рабочего времени. Поэтому неудивительно, что практически каждый проект по документации какого-нибудь языка, помимо публикаций и прилично подготовленных текстов, производит «кладбище данных» — огромное количество аудио-, видео- и фотоматериалов, в лучшем случае как-нибудь рассортированное и снабженное обрывочными метаданными, а в худшем даже и без этого. К этому добавляется практика «сидения на материалах», когда исследователь или институт сам не имеет ресурсов для обработки своих данных, но никого к ним не подпускает.

На Западе придумали как минимум два способа борьбы с этой проблемой: обязательное архивирование и гранты на обработку данных.

Принцип обязательного архивирования означает, что все исходные данные до окончания проекта должны быть сданы в подходящий электронный архив или центр долговременного хранения. Многие университеты обзавелись такими центрами; что касается лингвистических архивов, то в Европе давно действует сеть CLARIN, разные центры которой специализируются на разных видах материалов. К архивам и хранимым в них данным предъявляются требования по ряду критериев (так называемые FAIR data: Findable, Accessible, Interoperable, Reusable). Совместной задачей архива и ученого является приведение данных к такому виду, чтобы тот, кому они понадобятся, легко мог их найти и ими воспользоваться. Для этого архивы следят за тем, чтобы все материалы имели метаданные надлежащего качества и хранились в файлах широко распространенных и легко читаемых форматов, используют версионирование, присваивают каждому материалу doi или аналогичный идентификатор (это нужно для облегчения обмена информацией в автоматическом режиме) и т.п. Если данные были сданы в такой архив, про них вряд ли можно сказать, что они «осели в архиве» в традиционном смысле. Все эти усилия направлены как раз на то, чтобы ими впоследствии могли воспользоваться и другие люди. Все большее количество фондов уже на этапе заявки требуют от ученого предоставить data management plan — краткое описание того, какие исходные данные в проекте планируется собрать, нельзя ли вместо сбора новых данных воспользоваться существующими в архивах, как новые данные будут храниться

и обрабатываться в ходе проекта и куда попадут по его окончании. Мне нравится эта тенденция, и я надеюсь, что до России она тоже дойдет.

Некоторые фонды позволяют по окончании проекта либо ненадолго продлить его, либо получить новый, меньший по объему грант специально для дообработки данных. В рамках такого проекта ученый работает исключительно с тем, что он собрал ранее, не собирая новых данных. Из примеров в России могу привести Лабораторию языковой конвергенции Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), которая в 2017 г. выдала несколько грантов на доработку и публикацию уже существующих, но не до конца расшифрованных звуковых корпусов. Мне кажется, это очень полезное дело. Жаль, что такое пока случается довольно редко.

3

Прежде всего хотелось бы уточнить, что наукометрические показатели не везде настолько распространены, как в современной России. В Германии, где я работаю сейчас, они играют намного более скромную роль. При оценке CV отдельно учитываются рецензируемые и нерецензируемые публикации, но более сложных градаций я не встречал. Не знаю, требует ли здесь кто-то статей в Скопусе или WoS'e. А обозначения вроде Q1 и Q2, давно знакомые каждому в России, скорее всего, введут немецкого ученого в ступор, поскольку он никогда не сталкивался с ними и со стоящими за ними понятиями.

В НИУ ВШЭ, где я работал до этого, считается, что использование наукометрии стимулирует ученых публиковаться больше и писать лучше. На наукометрические показатели ориентированы и кнут в виде минимального необходимого количества баллов, начисляемых за публикации, и пряник в виде существенных надбавок за публикации в высоких квартилях. Должен сказать, что применительно ко мне этот стимул не работает. Первые два года в Германии я работал по стипендии Гумбольдта, в которой вообще никаких требований нет. Тебе дают фиксированное количество денег в месяц — и исследуй что хочешь и как хочешь. Вместо отчета в конце предлагают заполнить анкету с вопросами вроде «ну как Вам понравилось в Германии?». За время получения стипендии я успел сделать больше, чем за пять лет работы в НИУ ВШЭ, включая публикацию трех статей в Скопусе, которых от меня никто не требовал. Оказалось, что для этого были нужны только достаточное количество времени на исследования и рабочий кабинет. То же самое, кстати, мне недавно рассказывала подруга, работающая в Google: «У нас даже дедлайнов нет, но все как-то все равно все вовремя делают». Контроль на входе и создание благоприятных для работы условий делают свое дело.

Основная проблема постоянного жесткого контроля (или, выражаясь более мягко, стимулирования публикационной активности), на мой взгляд, состоит в разрушении доверия. Если университет, фонд или государство постоянно проверяют человека на соответствие формальным требованиям, тот ощущает себя по другую сторону баррикад и, как следствие, начинает придумывать разные способы выполнить эти требования с минимальными затратами, включая не самые честные. Так появляются платные публикации, хитрости вроде включения переводчика текста статьи или руководителя коллектива в число авторов, картели взаимных ссылок и просто халтурные работы. На науке все это сказывается отрицательно.

Если отвлечься от этой общей проблемы, то у меня вызывает беспокойство качество наукометрической оценки. Я не могу сказать, что она не работает вообще. Если у ученого X за последние три года есть пять статей в первом квартиле Скопуса, а у ученого Y, работающего в той же области, таких работ нет вообще, это, скорее всего, означает, что X как ученый лучше и продуктивнее, чем Y. Тем не менее во многих случаях существующие методы дают очень неточную оценку. Возьмем, например, лингвистику. Если отсортировать скопусовские журналы в разделе “Language and Linguistics” по импакт-фактору, мы увидим, что далеко не только качество журнала определяет его место в таблице. В верхней части списка оказывается много журналов о многоязычии или обучении языку, просто потому что это большие области, в которых работает много людей. Журналов, посвященных уральским языкам, которыми занимаюсь я, в первом квартиле нет и вряд ли они там когда-нибудь появятся, потому что это относительно узкая область, интересная довольно небольшому (в общелингвистических масштабах) кругу людей. Таким образом, представители разных субдисциплин оказываются в неравных условиях. В лучшем случае это приведет к разнице в зарплате и карьерных возможностях у лингвистов из разных областей, в худшем — университет может решить, что небольшие области, не приносящие ему скопусовских очков, нужно ликвидировать из-за «нерентабельности». Это серьезные побочные эффекты, которые было бы правильно устранить или уменьшить, уточнив алгоритм оценки.

Еще одна проблема состоит в нестабильности критериев. Квартили вычисляются заново каждый год, и при оценке работ принято брать самые свежие. Но для журналов не из самого топа этот параметр довольно волатилен. Если сегодня журнал находится во втором квартиле, нет никакой гарантии, что он будет там же через год. Поскольку от отправки рукописи в редакцию серьезного журнала до публикации проходит в лучшем

случае год (по крайней мере в лингвистике), выбор журнала превращается если не в полную лотерею, то в какое-то подобие игры на бирже. Если автор стремится максимизировать свои наукометрические показатели и зарплату, ему нужно обладать хорошим чутьем, чтобы определить журналы, которые в следующую пару лет «поднимутся в цене» или хотя бы не упадут. Как и на бирже, от чутья тут кое-что зависит, но во многом это все равно случайный процесс. В НИУ ВШЭ такая неопределенность дополнялась еще тем, что правила поощрения сотрудников в зависимости от всей этой наукометрии менялись примерно каждый месяц (как обстоит дело сейчас, не знаю).

Сильно сомневаюсь, что в России в ближайшее время вектор развернется в другую сторону. Но если уж в принципе без оценки научной деятельности не обойтись, то я бы предложил две вещи. Во-первых, критерии оценки, какими бы они ни были, должны меняться медленнее. Каждый, кто подает статью в журнал, должен иметь возможность понимать, какие наукометрические бонусы он получит, если статья будет принята. Во-вторых, я бы предложил комбинацию наукометрии и рецензирования. Если ученый «прошел» наукометрический контроль — прекрасно. Если нет, результаты его работы за оцениваемый период отправляются двум-трем рецензентам из той же области, которые могут заметить и оценить то, чего не заметил алгоритм. Может быть, он опубликовал первоклассную статью в не самом популярном журнале или издал первичные данные, которыми смогут воспользоваться другие ученые? (Кстати, публикация исходных данных, для сбора и подготовки которых требуются квалификация и время, сейчас почти ничего не добавляет к рейтингу — это еще одна большая проблема.) Если да, рецензенты смогут поднять оценку, поставленную алгоритмом. По крайней мере это позволит сгладить неточности в работе автоматических систем и сделать процедуру более прозрачной и честной в глазах ученых.

ЕЛЕНА БЕРЕЗОВИЧ

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия /
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия
berezovich@yandex.ru

1

По поводу всех вопросов этой анкеты мои суждения будут скорее консервативными. Уверена, что понятие традиционной научной школы имеет смысл, уверена, что сильные школы с крепкими традициями всегда способны к самообновлению, освоению новых сфер и методов работы и, разумеется, к кооперации с исследователями из других школ. Конечно, у традиционных школ бывает

некоторая «закапсулированность», высокая «взаимоцитируемость», но это слишком мелкая «побочка», чтобы низвергать такие школы (повторю, «здоровый коллектив» с молодежью всегда сможет преодолеть болезни роста). Уверена, что жесткая регламентация грантовых условий, видов и способов научной кооперации бывает контрпродуктивной. Скажем, в конце 2019 г. был объявлен грантовый конкурс на проект с хорошим финансированием с такими, мягко сказать, причудливыми условиями: получатели должны представлять несмежные области знания (например, историкам и лингвистам вместе нельзя) и несмежные регионы (так, коллективу екатеринбуржцев и пермяков участие заказано). Разумеется, можно представить себе, что такой конкурс действительно породит прекрасный новый коллектив: предположим, топонимисты из Екатеринбурга и картографы из Москвы объединятся для выполнения результативного проекта. Но что-то мне подсказывает, что подобные коллективы должны создаваться (и создаются!) по причинам внутренней необходимости (или внешней — скажем, консолидация представителей разных наук для осмысления проблем пандемии), а не в условиях административного принуждения, когда за полтора месяца перед самым Новым годом нужно срочно изобразить этакий невиданный кульбит: высока вероятность, что он будет носить ярко выраженную печать «остапо-бендеризма».

Нереально (в подавляющем большинстве случаев) выполнить условие мегагранта, предполагающее проживание великого ученого, предположим из Тель-Авива, Ханоя, Бобруйска или Брянска, в другом регионе (в созданной «под него» на три года лаборатории) на протяжении трех месяцев в году. В действительности никогда не отпустит его родной Бобруйск на такой срок. Ясно, что в каких-то пяти случаях из ста такую «загогулину» можно организовать — и она даже будет продуктивно работать. Но когда 95 больших коллективов тратят кучу нервов, времени и виртуальной бумаги на «прилаживание» к этим условиям, это тоже следует признать контрпродуктивным для развития науки и его нормального планирования. Еще одна попутная деталь, иллюстрирующая положение о том, что, как часто бывает, правая рука у нас действует против левой: грантовые условия, как говорилось выше, нередко предполагают объединение ученых из разных институций, но при этом возникает сакраментальный вопрос, куда «посадить» грант (для получения финансирования) — в институцию А, В или С. Если грант посадили в А, то ученые из В и С тратят кучу времени и сил для оформления туда на работу, но главное не это: администрации В и С совершенно в этом не заинтересованы, ибо в таком случае возникают проблемы с аффилиацией (гранто-

держатели из А и грантодающие фонды хотят, чтоб ученые из В и С писали о своей принадлежности к А, а администрации В и С активно препятствуют этому, поскольку тогда публикации не идут в рейтинговый зачет их институций).

Если даже все эти вопросы как-то удастся решить, на пенообразование уходит куда больше времени, чем на создание собственно напитка...

Что касается схемы современного научного центра, то для меня это старая добрая кафедра или отдел в академическом институте (ну и научная школа при кафедре или отделе — и пусть не одна), которые для решения новых задач кооперируются с другими школами, выработывают надстроечные структуры (ну пусть какой-нибудь новый научный центр, объединяющий несколько институций, и т.д.). Все новые структуры должны быть гибки и подвижны. Если они докажут свою продуктивность, через сколько-то лет на их основе можно будет создать новые кафедры. Но это должно идти изнутри научного сообщества, а не извне. Грантовым организациям следует допускать самые разные условия и конфигурации для выполнения научной работы и не придумывать нежизненные конструкции.

2

«Действительно ли такая система сокращает “продуктивный выход” научной работы?» Да, да, да, еще раз да!!!

Разумеется, по части «продуктивного выхода» ситуации в разных областях науки и разных проблемных полях в данном случае принципиально различны. Так, в сфере естественных наук, особенно медицины, исключительную значимость имеют не только фундаментальные монографии, но и — особенно — оперативный обмен результатами экспериментов и испытаний и мнениями. Более чем ясно, что это в наибольшей степени востребовано в тех случаях, когда наука должна максимально мобилизоваться для решения какой-либо принципиальной задачи: сейчас, во время упомянутой уже пандемии коронавируса, об этом и говорить излишне. Здесь, конечно, нужен формат журнальных публикаций, но даже возможности «быстрых» журналов иногда оказываются недостаточными, особенно если учесть, что скорость у серьезных журналов, разумеется, относительно низкая за счет времени, отводимого на рецензирование, редактуру, оформление всяческой пристатейной «периферии» (которая по степени затрачиваемых на нее усилий уже перестала быть периферией), огромных очередей из желающих опубликоваться авторов и т.д. Поэтому оказываются нужны какие-то мгновенно разворачиваемые публикационные «полевые госпитали», где бы печатались и обсуждались небольшие сообщения и подводились промежуточные итоги исследований. Это рассуждение лишний раз говорит о том, что единый на все

науки и все ситуации журнальный формат представления результатов научного исследования невозможен и неэффективен.

Собственно, здесь я повторяю банальнейшие и много раз формулировавшиеся (особенно в последнее время) вещи. Повторяю для того, чтобы с новой для себя стороны зайти к многократно уже провозглашенной (но все равно важнейшей) истине: каждая наука путем многовекового отбора сама вырабатывает наиболее эффективные формы представления результатов, и у гуманитарных наук они, естественно, отличаются от наук естественных. Отечественная филология «питалась» монографиями, знаменитыми серийными сборниками, словарями, атласами, комментированными изданиями старых текстов и т.д. Статьи в журналах еще лет пятнадцать назад стояли отнюдь не на первом месте и уступали публикациям в сборниках, не говоря уже о монографиях. Наукометрический вихрь, идолопоклонство перед скопусовскими и прочими рейтинговыми журналами наносят непоправимый урон филологии. Тут можно снова поднимать ворох проблем, в том числе язык публикаций, но в свете нынешней постановки вопроса выделю два момента.

Первый справедливо отметили инициаторы «Форума»: гранты кончаются, часть материалов остается неопубликованной, а главное зачастую не обобщается, не фундируется, не доводится до монографии (отчитываться надо главным образом высоко-рейтинговыми статьями, получившими в народе обобщенное имя «дойных», или «скопусовских»). Журналы из-за наплыва авторов немилосердно режут объем статей, а огромная «периферия», упоминавшаяся выше, съедает очень большую часть текста (скажем, если диалектологу или этимологу при написании статьи нужны для верификации данных 30 словарей (а часто и больше), то их библиографическое описание со всеми редакторами и перевод названий на английский язык составляет практически половину объема). Гонка за грантовыми показателями и абсурдная ситуация, когда статьи «весят» больше, чем монографии, приводят к тому, что фундированные и выверенные результаты все реже попадают в научное пространство, заменяясь бесконечными промежуточными результатами.

Гибнут или подвергаются жесточайшему «обрезанию» важнейшие жанры научного творчества, например лингвистические атласы. Подвижники их делают, но стимулирования для этого практически нет, публикация промежуточных результатов затруднена (филологические журналы не очень любят связываться с воспроизведением карт) — здесь нужны именно «крупные формы»: нестандартные, ныне не учитываемые и не поощряемые.

Дам еще одну более подробную иллюстрацию. Ясно, что лексикографическое описание русских диалектов («растянутых» пространственно больше, чем в любом другом языке мира) — одна из важнейших задач не только русистики, но и всего сравнительно-исторического языкознания как минимум в евразийском масштабе. Несмотря на то что коллективом подвижников издается фундаментальный Словарь русских народных говоров, он не может вместить в себя все огромное разнообразие публикуемых диалектных словарей, в том числе любительских (особенно на первую половину алфавита). Нынешняя ситуация краткосрочных грантов, контрактов, отчетов подвигает многие коллективы авторов делать маленькие «словарчики» (отдельного района, бассейна реки и т.д.). Крупные «игроки» на этом поле тоже есть (скажем, коллектив Архангельского областного словаря, Псковского областного словаря), но маленькие словарчики тоже следует учитывать в научной работе (особенно если принять во внимание необследованность многих территорий России), а число их таково, что, кажется, в стране при десятках сильных диалектологов вряд ли найдутся пятеро, кто способен не то что пользоваться всем нужным количеством словарей, но и вообще знает об их существовании! Таким образом, следствием «временщичества» грантов и прочих краткосрочных проектов становятся резкое сокращение возможностей реализации нужных филологии фундаментальных форматов (сводный словарь, корпус, атлас, энциклопедия и т.д.) и взрывная энтропия филологического знания.

Подобной энтропии способствует еще одно обстоятельство. Существенные содержательные последствия имеет такая, казалось бы, «техническая» процедура, как наше «перелезание» из упоминавшихся уже серийных сборников в журналы. Скажем, были знаменитые, всемирно известные серии «Этимология», «Славянский и балканский фольклор», «Балто-славянские исследования» и др. Имея комплект таких сборников, ты мог получить весьма полное представление о проблемном поле, инструментарии какой-то области, объеме сделанного в ней. Сейчас, когда многие серии либо прекратили свое существование, либо выходят значительно реже, либо потеряли часть своего престижа, приходится заново «собирать» проблемное поле интересующей тебя области знания, которое рассыпалось по большому количеству самых разных журналов. При этом если сборники были тематическими, то журналы чаще всего объединяют пласты самой широкой проблематики; узкопрофильные журналы в филологии редки. Таким образом, в целом ряде областей знания центростремительные тенденции сменились центробежными, и мы можем говорить о том, что, несмотря на огромные подвижки, которые дают цифровизация и воз-

можность электронного знакомства с источниками, научное поле вступило во вторую волну «рассыпания» (первая была в 1990-е гг.), поскольку собирать литературу в «наукометрические годы» стало труднее, чем в предшествующий период.

3

К наукометрическим оценкам отношусь резко отрицательно; писала об этом и на страницах «Антропологического форума» (плюсы есть, но минусы их резко перевешивают). Сама не жалуясь на низкие показатели в области наукометрии, но категорически против суммирования и сравнения круглого и зеленого.

Что касается оценки результатов научной работы, то ничего лучше, чем профессиональная экспертиза и репутационные механизмы, не было придумано. При этом эксперты ни в коем случае не должны быть самовыдвиженцами, как это иногда происходит.

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

1

По мере того как мне становится все дальше за 70, я чувствую себя все увереннее и защищеннее. Не рассматривая экстремальные сценарии (они не исключены, но все же необязательны), кто или что может мне мешать работать? Хорошо иметь грант и зарплату, но проживу и так, много ли мне надо? Поэтому на нынешние проблемы науки я смотрю несколько отстраненно.

При всех оговорках, эффективность науки, как и общества в целом, более всего зависит не от формы организации, а от разумности, честности и доброжелательности членов общества. Аристотель не утверждал, что демократия лучше аристократии или монархия хуже демократии. Противопоставление выглядело иначе. Есть хорошие формы правления (демократия, аристократия и монархия) и есть плохие (охлократия, олигархия, тирания). В чем между ними разница? Во всем и ни в чем конкретно. Одно общество разумно, честно и гуманно, а другое — иррационально, коррумпировано и жестоко.

Юрий Евгеньевич Березкин

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
berezkin1@gmail.com

Не может быть определенных стандартов для организации науки. Важно, чтобы те, от которых что-то зависит, вели себя адекватно, ставили интересы дела, которым занимаются,

выше сиюминутной выгоды, были заинтересованы, компетентны и не забывали, что работают с людьми, а не с компьютерами. Если это требование худо-бедно выполняется, остальное как-нибудь образуется. Культура лабильна и приспособится к разным условиям. Наука тоже приспособится.

Говорить о науке в целом вряд ли возможно. У генетиков или физиков совершенно другие деньги, другие темпы работы и другой масштаб результатов, нежели в науках о человеке. Наши науки медленные, ничего стоящего в них за три года не сделаешь, да и за десять лет не всегда. Лет двадцать — более или менее нормально. И вообще хочется спросить — куда мы торопимся? До поглощения Земли Солнцем еще 400 миллионов лет — время есть. Во Франции при Людовике XVI поторопились, и эту кашу мы расхлебываем до сих пор. В гуманитарных дисциплинах критически важны общая эрудиция и знание языков. Соответственно процесс обучения растягивается на всю жизнь и уж точно не завершается с окончанием вуза или аспирантуры. Многие из нас занимаются темами, которые не требуют большого числа специалистов, это число измеряется единицами или немногими десятками, причем не в России, а в мире. В такой ситуации решительно все равно, где эти специалисты локализованы: в одном отделе, институте, городе, стране или в разных странах. Удобно, если можно пообщаться лично, но если лично нельзя, тоже не страшно. Главное, чтобы понимали друг друга. Поэтому распад и создание исследовательских коллективов, мобильность или ее отсутствие — это не наши проблемы. Только не мешайте нам, не пытайтесь ломать через колено. Нас не очень-то и сломаешь, но неприятно.

2

Материал оседал и оседает в архивах не из-за работы по грантам, а по многим причинам. Общая же, видимо, такова. Непродуктивно работать впрямую с расчетом на то, что собранное может потом понадобится. Если это рутинная деятельность вроде обязательного обследования всех археологических памятников на определенной территории, то тут ничего не поделаешь. Но это не проблема науки в узком смысле слова. В исследовательском же проекте все немедленно идет в дело, а если не немедленно, то никто об этом отложенном материале не забудет. Есть и еще один существенный момент. Над своей темой я буду работать независимо от того, платят мне за это деньги или нет. Конечно, лучше, если платят: можно куда-то съездить, нужные книжки купить — сделать это в магазине в Цюрихе или Стокгольме гораздо удобнее, чем по интернету. Для этого и нужны гранты. Но это не имеет критической важности.

3

Отчетность необходима — должен быть страх божий. Даже самый ответственный человек может расслабиться и разбол-

таться. А вот дальше все индивидуально. Опять же для физиков или генетиков критерий истины — практика, а если не практика, то всем видимый и понятный наглядный результат, о котором легко рассказать пятикласснику. Есть результат — хорошо, нет — нехорошо, повод для волнений. В гуманитарных науках (если это науки, а не что-то другое) тоже должен быть результат, но, во-первых, чтобы его получить, требуется больше времени; во-вторых, он может не быть впечатляющим для неспециалиста в данной области; в-третьих, могут пройти годы, прежде чем станет ясно, верен результат или нет, и даже верно ли само направление, в рамках которого велась работа. Все это необходимо учитывать людям, которым положено контролировать, но это не значит, что оценивать деятельность исследователя в принципе невозможно. Все мы более или менее знаем, кто занимается делом, а кто дурью и видимостью, кто может рассказать о том, что открыл, а кто не может, потому что не о чем. Достижения или их отсутствие не всегда адекватно отражаются в отчетах, но будет преувеличением сказать, что они там вовсе не отражаются. Полные справедливость и объективность недостижимы, но частичные — почему же нет.

Что до наукометрии, то в основе нынешних проблем — развитие цивилизации пусть не по самому плохому (хуже всегда возможно), но и не по лучшему сценарию. В XX в. Германия и Россия как самостоятельные научные центры прекратили существование. Это трагедия, но что есть, то есть. Центр остался один. Совершенно естественно, что связанные с ним люди создали систему оценки научных работ исходя из собственных целей, нужд и возможностей. Мы, как бы ни старались, никогда не сможем в эту систему вписаться на равных, причем по одной-единственной и довольно глупой причине: наш родной язык не английский. Это обстоятельство вряд ли существенно для наук о природе, но в гуманитарной сфере даже запятая в статье имеет значение. Как эту проблему решить? Есть один способ: сделать из России богатую процветающую страну, которая щедро инвестирует в науку и образование — и далее по списку. А раз это случится не вскорости, то придется работать с тем, что есть — не вешаться же. Тем более что многие статьи, которые не попадают в рейтинговые журналы, действительно никуда не годятся. Борьба за честную, серьезную и интересную науку против халтурщиков, жуликов, бездарей и дураков не может быть выиграна. Она будет вестись всегда с переменным успехом при любых формах отчетности и организации.

АНДРЕЙ БЕСКОВ

Мой ответ на заданные редакцией вопросы будет не совсем обычен, т.к. как он попросту отвергает эти вопросы как несущественные. При этом я вовсе не хочу сказать, что редакция не в состоянии сформулировать актуальные вопросы. Просто сложившуюся в сфере социогуманитарного знания ситуацию можно ощущать по-разному, и в зависимости от той системы координат, которой мы придерживаемся, одни и те же вопросы могут выглядеть либо важными, либо едва ли не бессмысленными. Здесь я хочу показать читателями другую систему координат.

И для начала прибегну к неожиданной аналогии, сравнив ситуацию в науках социогуманитарного круга с положением дел в шахматах, тем более что их в некоторой степени роднит свойственное им тяготение разом и к точным наукам, и к искусству. Впрочем, как я покажу ниже, не будут лишними и спортивные аллюзии.

Так вот, в шахматном мире есть много вопросов, которые можно обсуждать: система контроля времени, регламент проведения турниров, схема распределения призовых фондов и многое другое. Но некоторые игроки (причем великие, например чемпионы мира Капабланка или Фишер) неоднократно призывали к тому, чтобы реформировать сами шахматы, поскольку (вот ведь парадокс!) эволюция шахмат постепенно лишает эту игру смысла.

Дело в том, что развитие шахматной теории порой не оставляет игрокам простора для самостоятельных решений — они наперед знают (выучили!), как нужно действовать в определенной ситуации. В итоге выиграть партию может не шахматный гений, а посредственный, но очень старательный игрок, вызубривший множество партий. Сегодня реальная борьба в шахматных партиях между гроссмейстерами начинается на втором, если не на третьем десятке ходов, в итоге начало партии больше похоже на ритуал,

Андрей Анатольевич Бесков

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Россия
beskov_aa@mininuniver.ru

первоначальный смысл которого помнят лишь старики. На мой взгляд, современная наука (под наукой здесь и далее я буду подразумевать социальные и гуманитарные дисциплины) тоже в значительной степени превратилась в такой ритуал. Вот почему вопросы о том, хороша ли мобильность в науке, что происходит с научными школами, способствует ли ускоряющийся темп работы ученого приросту научного знания и т.п., во многом утрачивают смысл.

Но почему я так думаю? Ведь, казалось бы, если не считать вечных жалоб ученых на недостаток финансирования, наука развивается поступательно — находятся новые темы и направления, учреждаются новые журналы, количество ученых и публикуемых ими статей постоянно растет, изобретаются все новые наукометрические показатели. В общем, работа кипит. Так в чем проблема?

Для того чтобы понять, что именно не так, ученым стоит взглянуть на работу этого научного муравейника со стороны общества. Все-таки мы существуем на те деньги, которые государство взysкивает с общества в виде налогов и часть из них вкладывает в науку. По всей видимости, взамен мы должны приносить обществу какую-то пользу. А вот теперь, положи руку на сердце, давайте ответим на вопрос — много ли пользы мы приносим обществу и зачем вообще сегодня существует наука?

В последние годы я занимаюсь проблематикой отражения в общественном сознании вненаучного знания; в частности, меня интересует, как российская массовая культура впитывает представления, присущие отечественной неоязыческой среде. Чем больше я погружаюсь в эту проблематику, тем больше осознаю, как слаба оказывается наука перед натиском низкопробной галиматши. Ученые нередко склонны винить в этом государство, перечисляя его грехи — недофинансирование науки, неудачные реформы в области образования, слабая поддержка культурной сферы. Но не виноваты ли в этом сами ученые?

Для кого мы пишем свои статьи? В чем конечная цель производства нами научного знания? Да и знание ли мы производим или просто научные тексты? Дает ли новый научный текст новое знание, и если да, то кому?

Сегодня мы публикуем свои статьи прежде всего для того, чтобы отчитаться о проделанной работе (например, по гранту) и обрести чуть больший научный вес, который в дальнейшем должен способствовать получению новых грантов и в конечном итоге повысить наше собственное благосостояние (думать о котором ученым приходится наравне с другими категориями

населения). Следовательно, мы очень заинтересованы в публикации своих статей и потому готовы делать их такими, какими их хотят видеть солидные журналы, даже если это идет вразрез с нашими представлениями о том, какими на самом деле должны быть хорошие статьи. Наша цель при подаче статьи — сделать так, чтобы она понравилась редакторам и рецензентам. Не читателям! И дальше мы хотим, чтобы статью цитировали другие ученые. Нам не нужна широкая аудитория — главное, чтобы статью процитировало побольше коллег (причем саму статью для этого даже необязательно читать, часто хватает и аннотации). Впрочем, если честно, мы будем рады уже самому факту публикации нашей статьи авторитетным журналом, даже если ее вовсе не будут цитировать (по крайней мере поставим галочку в отчете и, может быть, получим премию). Публикуя статьи, мы хотим кому-то угодить, перед кем-то отчитаться, среди кого-то выделиться: грантодатель, работодатель, редакция журнала, коллеги — вот те, ради кого мы пишем. Нас не заботит, будет ли статья востребована обществом, нужна ли она человечеству — это звучит даже как-то чересчур высокопарно.

Сложно надеяться и на то, что наши труды оценят если не сегодня, то когда-нибудь потом, ведь даже в требованиях некоторых журналов отдельно отмечается необходимость цитировать статьи последних лет, о чем с негодованием упоминала М.В. Станюкович в недавнем выпуске «Антропологического форума» [Форум 2020: 49]. (Очевидно, что в этом нет особого научного смысла, но такая практика соответствует интересам самих научных журналов и особенно индексов цитирования, которые и являются главными бенефициарами этой вселенской кампании по учету цитирований.)

Приходится сделать вывод, что статьи мы пишем преимущественно потому, что так положено — мы играем по правилам, получаем за это деньги и за счет этого живем. Такая практика производства и продажи никому не нужного товара до того абсурдна, что достойна пера писателя-постмодерниста с его фирменной манерой иронизировать над, казалось бы, серьезными вещами. И действительно, Пелевин в своих книгах при каждом удобном случае потешается над современной гуманитаристикой. Трудно отрицать, что у него есть для этого основания...

Впрочем, трагикомичные истории из жизни науки хлеще всякой сатиры. То научные журналы публикуют под видом научных статей бессмысленные тексты, созданные компьютерными программами [Бочаров 2009]. То разгорается скандал из-за того, что ряд серьезных международных журналов публикует совершенно вздорные и абсурдные статьи, написанные в рамках

провокационного эксперимента группой западных исследователей [Плакроуз и др. 2018а; 2018б].

Между прочим, упомянутый эксперимент показывает, что залог успешности современного ученого вовсе не мобильность, как пишет редакция «АФ» в преамбуле к своим вопросам, а, пользуясь спортивной терминологией, *техничность*. Достаточно лишь хорошо усвоить правила игры и делать то, чего от тебя ждут научные журналы. (Так, на создание одной из статей у этих авторов ушло всего 6 часов!) Если же вдобавок избрать модную тематику и освещать материал с идеологически востребованной точки зрения (в упомянутом эксперименте это гендерные исследования и феминистский подход), то можно удостоиться прямо-таки дифирамбов в свой адрес от лица прогрессивной научной общественности!

В итоге статьи, достойные публикации в престижном журнале, должны не столько соответствовать научным стандартам (стандарты размыты, и в конечном счете все зависит от позиции редакции), сколько быть изготовлены по востребованным рецептам. В частности, мое «восхищение» вызывают статьи, где, прежде чем перейти к изложению каких-то конкретных вопросов (ради которых я и читаю эту статью), автор долго и ловко жонглирует цитатами из современной научной литературы (лучше всего англоязычной, свежей и опубликованной в журналах, индексируемых в Scopus и WoS). Я прямо-таки представляю, как редактор журнала довольно потирал руки и как задумчиво хмурили лбы рецензенты, продираясь к сути сквозь тернии теории. Кстати, упомянутый Пелевин придумал интересный термин «лингводудос» — это «техника НЛП¹, на которой основаны современная философия и теоретическое искусствоведение. Суть Л. — создание и использование языковых конструкций, не отражающих ничего, кроме комбинаторных возможностей языка, с целью парализации чужого сознания. По сути это лингвистическая ddos-атака, пытающаяся “подвесить” человеческий ум, заставляя его непрерывно сканировать и анализировать малопонятные комбинации слов с огромным числом возможных смутных полусмыслов» (Виктор Пелевин «iPhuck 10»). Лучше не скажешь.

Разумеется, общество — российское уж точно — научных журналов не читает, и, учитывая вышесказанное, понятно почему. Поэтому место науки в общественном сознании все больше занимает псевдонаука — она как раз нацелена на активную коммуникацию с обществом, за счет чего и живет. Интересно и в то же время жутко наблюдать за тем, как псевдонаучные

¹ Нейролингвистическое программирование. — Прим. ред.

представления расползаются по крупным СМИ — газетам, федеральным телеканалам, даже таким, казалось бы, уважаемым, как «Культура». (Чтобы не быть голословным, могу показать это на примере распространения в обществе предствлений о «славянских рунах» [Бесков 2019; 2020].)

Что российское научное сообщество может сейчас этому противопоставить? Ничего! Те ученые, что посильнее, обычно тратят все свое время на написание высокоумных статей, содержание которых вряд ли когда-нибудь станет достоянием российской общественности (особенно если эти статьи написаны на английском). Те, что послабее, занимаются плагиатом, множественной публикацией одних и тех же текстов либо печатают не имеющие никакой научной ценности статьи в «мусорных» журналах за деньги. Так можно ли всерьез обсуждать предложенные редакцией вопросы? Не пора ли осознать, что наша работа не имеет сегодня конечного потребителя и потому, как бы продуктивно мы ни работали, не имеет смысла?

Можно ли предложить какой-то выход из того тупика, который я только что обрисовал? В общих чертах да. Главное, на мой взгляд, перестать питать иллюзии, что для российской науки полезна интеграция в мировую науку. Не спешите меня освистывать и записывать в охранители и обскуранты! Я не призываю к разрыву научных связей и каким-то ограничениям прав и свобод ученых. Но считаю, что нам нужна именно *национальная* наука, нацеленная прежде всего на развитие *нашего* общества, вовлеченная в общественные дискуссии, предлагающая пути решения возникающих перед нами проблем. Не нужно расценивать это как призыв к замкнутости: разве не была русская наука до революции частью мировой науки? Была, конечно! Но при этом отечественные ученые учреждали журналы на русском языке, писали преимущественно на русском языке, на нем же читали лекции, ратовали за развитие национального образования, открытие общественных библиотек, которые нужно было наполнять русскоязычной литературой. Российская наука была частью мировой, оставаясь при этом национальной. Отчаянно пытаюсь инкорпорироваться в мировую науку, мы словно садимся сейчас в новый, пока еще виртуальный «философский пароход» и отплываем к чужим берегам, забывая, что там и так переизбыток собственных интеллектуалов. (Одно только восточное отделение Американской философской ассоциации насчитывает более 3000 философов, притом что горстка древнегреческих философов сделала для философии больше, чем все они вместе взятые [Mittelstrass 2015: 81].) И, как показал упомянутый выше эксперимент-провокация, волнуют этих интеллектуалов вопросы, пока еще, к счастью, далекие от российских реалий.

Полное слияние с мировой наукой грозит российской науке гибелью — но не организационной или финансовой, а идейной. Если в шахматах и прочих логических играх их доведенная до логического же конца эволюция чревата так называемой ничейной смертью (все ходы просчитаны, и результат неизбежно сводится к ничьей), то будущее социогуманитарных наук может быть определено как «никчемная жизнь», под которой я понимаю ритуальную имитацию поиска научной истины вне всякой связи с насущными потребностями общества.

Изменить ситуацию способно сейчас только государство. Надеяться на то, что наука сама себя отрегулирует, так же наивно, как рассчитывать на то, что рыночная экономика, предоставленная самой себе, наилучшим образом удовлетворит все потребности общества — пандемия коронавируса прекрасно показала, что без госрегулирования не обойтись. Пока наше государство борется за престиж российской науки за рубежом, повышая процент статей российских авторов в общем массиве публикаций, учитывающихся международными базами цитирования. Это благое на первый взгляд начинание обернулось тем, что российским ученым требуется играть в чужую игру по невыгодным правилам. Причем участие в ней в любом случае не несет стране никакой пользы, кроме разве что морального удовлетворения от достижений неких запланированных показателей, выглядящих в данном случае очень похоже на план по «завоеванию» олимпийских медалей. Но превращение науки в спорт явно не добавляет ей осмысленности...

Способно ли наше государство иначе расставить приоритеты и начать бороться за реальное оздоровление (или скорее реанимацию) своей национальной науки? Наверное, да. Для этого нет каких-то фундаментальных препятствий, но нужна явная политическая воля, способная преодолеть отчаянное сопротивление среды — чиновников разных рангов, наделенных незаслуженными научными степенями, ректоров вузов, чьи заслуги перед наукой вызывают большие сомнения, армии вузовских преподавателей, успевших наловить немало рыбы в мутной воде отечественной науки, членов редколлегий «мусорных» журналов, разнообразных «экспертов», чья репутация может быть уничтожена.

И вроде бы лед тронулся. В начале этого года новости о массовой ретракции научных статей в российских журналах прогремели на весь научный мир, удостоившись даже упоминания в журнале “Nature” [Schiermeier 2020]. Однако впереди еще много работы. И даже если ее доведут до конца, непонятно, последуют ли за этим дальнейшие шаги. Скажем, будет ли ученый, для которого публиковать свои статьи по несколько раз —

норма и который является экспертом бюджетного грантового фонда, смещен с этой позиции после ретракции нескольких его статей? А учитывая, что и попал он туда по рекомендации (читай, по знакомству), а не на основе какого-то объективного отбора, спираль оргвыводов должна бы, раскрутившись, вытолкнуть из экспертного совета еще кого-то. Но ведь там сидят все сплошь уважаемые люди, которые тоже не просто так туда попали. Кто станет тем Гераклом, которому по силам будет очистить авгиевы конюшни? Я не могу дать ответ на этот вопрос. Но думаю, что честная дискуссия на тему перспектив российской науки может приблизить его появление.

Источники

- Бочаров К. «Корчеватель», дубль два // Троицкий вариант — Наука. 2009, 1 апр. № 25. С. 2. <<https://trv-science.ru/2009/04/01/korchevatel-dubl-dva/>>.
- Плакроуз Х., Линдси Дж., Богосян П. Научные исследования недовольств и конфликтов и разращение науки (ч. 1) // Россия сегодня: ИноСМИ. 2018а, 11 окт. <<https://inosmi.ru/science/20181011/243440625.html>>.
- Плакроуз Х., Линдси Дж., Богосян П. Научные исследования недовольств и конфликтов и разращение науки (ч. 2) // Россия сегодня: ИноСМИ. 2018б, 12 окт. <<https://inosmi.ru/science/20181012/243451148.html>>.

Библиография

- Бесков А.А. «Славянские руны» на российских экранах: репрезентация неязыческого мифа // ПРАЭНМА: проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 225–253. doi: 10.23951/2312-7899-2019-3-225-253.
- Бесков А.А. Символы раздора: руническая письменность в зеркале российской и западной прессы // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 77–92.
- Форум: Коллективные проекты в социальных науках // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 11–80. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-11-80.
- Mittelstrass J. Humanities under Pressure // Humanities. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 80–86. doi: 10.3390/h4010080.
- Schiermeier Q. Russia Aims to Revive Science after Era of Stagnation // Nature. 2020. Vol. 579. No. 7799. P. 332–336. doi: 10.1038/d41586-020-00753-7.

АЛИМА БИСЕНОВА, КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

«Серая зона» Академии

Академия наук Казахской ССР, которая в позднесоветский период пользовалась огромным престижем и являлась главным очагом фундаментальной науки, в период независимости потеряла статус и оказалась «не у дел». Изучая, каким образом это произошло, мы столкнулись с интересным фактом, с которым до нас имела дело не одна плеяда реформаторов 1990-х: большинство «полезных» для экономики научных предприятий и институтов находилось в так называемой «серой зоне». К началу 1980-х гг. в Казахстане насчитывалось 140 научных учреждений. Несмотря на то что только 31 из них, т.е. меньше четверти от общего числа, относилось к Академии наук, считалось, что основные научные силы были сосредоточены именно там.

Однако после развала Советского Союза попытки Академии наук взять под управление казахстанскую науку на всей территории Казахстана оказались безуспешными. Академия, несмотря на свою зафиксированную визуальную локацию «главного» научного центра в столице республики, была только видимой частью айсберга институциональной науки советского периода. Тем не менее сегодня престижность, «храмовость» (как «храма науки») и кажущаяся очевидной встроенность Академии наук Казахской ССР в стройную вертикаль советской науки продолжают будировать постсоветскую ностальгию о «высокой» и фундаментальной науке, которая была «раньше».

После распада Советского Союза содержание Академии наук стало непосильной ношей для молодого государства. В период после обретения независимости перед правительством стояла задача реформатирования управления как подотчетными республиканскому центру научными учреждениями, так и научными учреждениями «серой зоны», куда входили отраслевые научно-исследова-

Алима Бисенова

Назарбаев университет,
Нур-Султан, Казахстан
abissenova@nu.edu.kz

Кульшат Медеуова

Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
mkulshat@gmail.com

тельские институты и научно-исследовательские институты и лаборатории, связанные с военно-промышленным комплексом — полигонами, космодромами, заводами — вплоть до отдельных городов «в степи», таких как Степногорск. Ответственный за науку министр только что созданного Министерства науки и новых технологий Галым Абильсиитов формулировал эту задачу так:

Необходимость изменений определяется тем, что Казахстан сегодня является самостоятельным государством и вся организация науки и техники в этом куске бывшего Союза требует абсолютного переосмысления, поскольку все связи нарушены, все структуры нужно стыковать заново. Я имею в виду и семипалатинский ядерный полигон, и Байконур, и Сары-Шаган, и Ульбинский металлургический завод. Как их органично вписать в экономику Казахстана, как разумно распорядиться их солидным научно-техническим потенциалом? [Абильсиитов 1993]

Эта цитата из интервью Галыма Абильсиитова в целом очерчивает основную проблему: большинство флагманов военно-промышленного комплекса и отраслевой науки не подчинялись ни Академии наук, ни какой-либо другой властной научной структуре в Казахстане. Несмотря на отсутствие прямых властных полномочий, у Академии наук был достаточно высокий статус и как центра фундаментальных и фундаментально-прикладных исследований, и как своеобразного хоста для различных экспедиций, полевых исследований, которые проводились на территории Казахстана внешними научными институциями.

В качестве представителя более «прикладных» наук из «серой зоны», доктора технических наук, специалиста в области лазерной техники, бывшего директора Научно-исследовательского центра по технологическим лазерам Академии наук СССР в г. Шатура и, что самое главное, одного из пионеров конверсии и коммерциализации бывшей военной индустрии Галым Абильсиитов вошел в конфликт с основным академическим ядром Академии наук, заикленным на собственной «фундаментальности» и стремившимся сохранить свой статус уже в новых условиях.

Этот конфликт в конце концов был разрешен первым президентом Нурсултаном Назарбаевым не в пользу академии. Выступая на общем собрании Академии наук 2 февраля 1994 г., Назарбаев сказал, что он устал от бесконечных разговоров академиков о «фундаментальности» их исследований и чуть ли не прямо обвинил академию в бесполезности для экономики Казахстана:

Признавая исключительную важность фундаментальных исследований, я должен заметить, что у нас чаще всего о них

ведутся лишь разговоры, ими нередко прикрывают откровенную бездеятельность, творческую несостоятельность и непонимание реалий дня. Ни одного нового фундаментального исследования Академия наук, как это ни парадоксально, в последнее время не предложила. И при этом многие ученые считают ниже собственного достоинства заниматься конкретной работой, связанной с подготовкой средне- и краткосрочных программ для производства. А ведь именно в них проявляют огромную заинтересованность финансово-промышленные группы, коммерческие структуры, зарубежные инвесторы. При этом не учитывается тот факт, что это новые реальные источники финансирования научных программ и разработок. Но их почему-то не хотят замечать привыкшие к иждивенчеству академические институты, как и десятки лет назад уповавшие только на бюджет [Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 5Н. Оп. 1–3. Д. 3343. Л. 5–6].

В этом выступлении Назарбаев, по сути, сформулировал новую форму госзаказа и новую форму отношений государства и науки в отсутствие оборонно-промышленного комплекса и четко дал понять, что «высокую науку» или «науку ради науки» казахстанский бюджет не потянет. С этого момента началась концептуальная перестройка механизмов финансирования науки. Перед еще существовавшим на тот момент Министерством науки и новых технологий Казахстана была поставлена задача заново согласовать между собой производство и научные исследования, научные исследования и высшее образование, сформулировать, для кого собственно необходимо производство научного знания и как сделать это знание конкурентоспособным в новых условиях, когда само государство находится в состоянии транзита. Другой (возможно непосильной) задачей министерства было объединение рассредоточенной («ризоматической») сети «серой зоны», доставшейся в наследство от советского военно-промышленного комплекса, и конвертирование научно-технологического потенциала для новых проектов независимого государства. Часть этих дискуссий отражена в газете «Наука Казахстана», выходявшей с 1993 по 2000 г. Министерство науки и новых технологий просуществовало всего четыре года — на два года дольше, чем Абильситов был его министром. За несколько лет реформирования сменилось восемь наименований головной организации, ответственной за казахстанскую науку. Помимо того что менялись названия (Министерство науки и технологий, Министерство науки, Академия наук, Министерство науки и высшего образования), создавались новые министерства, происходило их разделение или слияние с непременным перераспределением функций. В конце концов управление наукой было по-

ручено Комитету науки в составе Министерства образования и науки.

Обобщая в формате этой короткой заметки все усилия по реформированию и выстраиванию новых структурных иерархий и связей, можно отметить, что из упомянутых выше Абельситовым объектов «серой зоны» неплохо конвертирован и более или менее встроен в казахстанскую экономику только Ульбинский металлургический завод. Семипалатинский полигон закрыт, Байконур отдан в аренду России. Все бывшие научно-исследовательские учреждения, входившие раньше в состав Академии наук, структурно являются частью Министерства образования и науки и существуют за счет грантового финансирования. Управлением же ликвидными остатками советского военно-промышленного комплекса занимается АО «Национальная компания “Казахстан ижиниринг”», созданная в 2003 г.

При этом локусом ностальгии о существовавшей систематической «высокой» науке и символом кажущейся преемственности с советской наукой продолжает выступать сам монументальный комплекс Академии наук в центре Алматы, спроектированный известным советским архитектором Алексеем Щусевым, где продолжают свою деятельность ряд институтов, включая все научно-исследовательские институты социально-гуманитарного блока, подчиняющиеся сегодня Министерству образования и науки. Но реальная жизнь этого комплекса, помимо той аренды, которую оплачивает Министерство образования и науки, поддерживается функционирующей библиотекой и музеями — Музеем природы, Музеем археологии, Мемориальным музеем первого президента Академии наук Каныша Сатпаева, воссозданным в его когда-то персональном кабинете, и Музеем истории казахстанской науки. Как сообщается на сайте республиканского государственного предприятия «Гылым Орда-сы», в ведении которого находятся музеи и библиотека, в 2019 г. эти музеи посетило 105 783 человека <<http://www.gylымordasy.kz/>>. То есть и структурно, и визуально в общественном пространстве Академия наук музеифицировалась и стала выглядеть как единственная история утерянной советской науки.

В самом начале этого короткого очерка мы ввели метафору «серой зоны» именно для того, чтобы показать, что Академия наук — это далеко не единственная история казахстанской науки советского периода. Эта метафора сформировалась в результате анализа отношений (или их отсутствия) между самой Академией наук Казахской ССР, считавшейся флагманом казахстанской науки, и многочисленными отраслевыми и военными научными институтами, существовавшими на территории Казахстана. Эта метафора нужна для описания промежуточных,

спорных и конфликтных историй во множественном числе, в которых происходило формирование казахстанской институциональной науки советского периода.

Архивные материалы

Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 5Н. Оп. 1–3. Д. 3343. Стенограмма выступления Президента РК Назарбаева Н.А. на общем собрании Национальной академии наук РК. 2 февраля 1994 г.

Источники

Абильситов Г. Организация науки требует переосмысления: выступление министра // Наука Казахстана. 1993, 1 июля.

МАРГАРИТА ВАЙСМАН

1

Думаю, что любой ответ на эти вопросы будет обусловлен личным опытом «ответчика». В моем «анамнезе» два года работы ассистентом на кафедре крупного регионального российского вуза (по факту — преподавателем двух-трех курсов в семестр), а затем, после магистратуры и докторантуры, сначала годовая временная ставка, потом почасовая работа, а затем постоянная ставка в британском вузе. В рамках такого транзитивного опыта ситуация, описанная в вопросах редколлегии, с одной стороны, кажется типичной, а с другой — результатом специфического российского научного опыта последних тридцати лет. Главное, на мой взгляд, что отличает российские дискуссии о срочных и постоянных контрактах от дискуссий в британском научном сообществе — это вопрос о «благополучии» (и материальном, и физическом) работника. На мой взгляд, к вопросу «Какие последствия может иметь такая подвижность для науки, преподавания, научного музея?» хорошо было бы добавить и «научного работника». Потому что требования мобильности часто отсекают целые группы людей, особенно если это мобильность не только между институциями, но и между городами и странами, т.е. существуют разные причины, по которым чело-

век на практике не может поменять место жительства. Мобильность в середине карьеры — это то, что мы видим довольно часто, но в идеале, конечно, хотелось бы, чтобы у карьерного продвижения было больше, чем одна стратегия: кто-то «уходит на повышение», а кто-то движется по внутренней «лестнице». Таким образом, карьерный рост «приоткрывается» для людей с разными личными обстоятельствами (теоретически). Как для человека постсоветской культуры, для меня шокирующим стало открытие, что в британской академии решением таких вопросов занимается профсоюз, который по-настоящему отстаивает права работника перед работодателем. Понимания, кто не утопически, а реально мог бы взять на себя эту функцию в российской системе, у меня нет, но возможно стоит подумать о том, как вывести такие переговоры из сферы ответственности рядового научного работника.

Что касается мобильности между институциями, с моей точки зрения-сидения, это общая проблема современной гуманитарной науки, поскольку запрос грантодателей на междисциплинарные исследования часто плохо сочетается с фактически чрезвычайно разделенной по дисциплинам реальностью научной жизни. Одно из решений этой проблемы — внутренние «площадки» университетов, которые становятся бюрократическим проводником междисциплинарной работы. По моему опыту, такие структуры работают хорошо и в России, и за рубежом, если все понимают, для чего они созданы — они могут называться «кафедрой», «институтом», «научным центром», это неважно. Такая зонтичная организация позволяет иметь внутреннюю научную сеть, части которой можно активировать для заявок на конкретные гранты. Это не идеальный вариант, т.к. такие сети инертны все остальное время (кроме, может быть, совместного руководства аспирантами), но в целом он работает.

Понятие «научной школы», вероятно, стоит сегодня в целом переосмыслить. Если НШ — это когда всех учил только один человек и еще второй, его лучший друг, то по стандартам современной науки это не очень хорошо (не говоря уже о пространстве для злоупотребления властью, которое открывается в такой ситуации). Если это целая группа людей, которая применяет в исследовательской деятельности один и тот же метод — тоже не замечательно. Вероятно, в современной науке НШ — это некие общие ценности, которые разделяют исследователи и их ученики, и тогда в принципе мобильность не является угрозой для существования НШ.

2

Если я правильно понимаю историю возникновения такой системы, то она рассчитана на публикацию и проведение исследований в естественных науках и не адаптирована под

социальные и гуманитарные. В естественных науках, как мы все знаем, процесс *исследование — обработка материала — публикация* проходит совсем по-другому, к тому же статьи пишутся и печатаются коллективом авторов. Поэтому, на мой взгляд, указанные «плюсы» не распространяются на гуманитарную науку. Важно не забывать, что это не универсальная система: многие страны работают по другой схеме, когда грант не оплачивает деятельность ведущих сотрудников (у них постоянная зарплата) и идет напрямую в бюджет университета, позволяя реализовать исследование, на которое у университета нет своих средств (спонсировать работу в архивах, нанимать постдоков и т.п.). В этой ситуации процесс работы по гранту идет иначе, т.к. заявку на следующий грант можно подать только тогда, когда работа по предыдущему будет завершена.

3

В целом мы, кажется, все относимся к наукометрии негативно. Отчасти опять же потому, что системы замера скопированы с естественных наук и плохо применяются к процессу производства гуманитарного знания. Если никак нельзя отказаться от наукометрии в целом, хотелось бы хотя бы адаптировать имеющиеся критерии к гуманитарным наукам. Главное, что беспокоит меня в сегодняшней ситуации применительно к литературоведению, — статус монографии, который оказывается под угрозой. Вполне может быть, что это действительно устаревший формат репрезентации научного знания, но тогда его нужно выводить из критериев карьерного роста. Сейчас же и в России, и в Великобритании с точки зрения научной отчетности монография не так важна, как статьи в ведущих журналах. А с точки зрения продвижения по карьерной лестнице количество (и качество, измеряемое уровнем издательства, хотя понятно, что на самом деле издание книги в конкретном издательстве обусловлено не только качеством рукописи, но и встроенностью автора в существующие научные сети) монографий по-прежнему остается важным фактором.

ВАЛЕРИЙ ВЬЮГИН

Полезны ли происходящие изменения для социальных и гуманитарных наук?

Прежде всего хочу искренне поблагодарить журнал «Антропологический форум» за неожиданную возможность поделиться мнением по поводу такой важной темы.

В отношении того, что происходит со всеми нами сегодня, моя позиция очень эгоистична

Валерий Юрьевич Вьюгин
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН /
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
valeryvyugin@gmail.com

и ограничена: с одной стороны, когда сам участвуешь в процессе и целиком в него погружен, замечаешь только самое близкое — то, с чем непосредственно и постоянно сталкиваешься; с другой стороны, очень трудно избавиться от вольного или невольного субъективизма, продиктованного заботой о собственном комфорте. Я четко осознаю эти вещи, но не вижу в них ничего страшного. Мне кажется, что осознанный субъективизм более плодотворен, чем ратование за благо науки в целом. Когда мы говорим о социальном институте вообще, будь то наука, медицина, семья и т.п., мы склонны забывать о тех, кто его реально представляет.

Предложенный нам опросник содержит три рубрики: «Изменения в институциональном устройстве науки», «Что происходит с научной работой и ее результатами» и «Как оцениваются результаты научной работы». Мои ответы будут выглядеть как монолог и отчасти как недовольное ворчание человека, которой в любом случае мало на что может повлиять. В принципе мой взгляд на будущее гуманитарной науки в России (а именно о ней я только и могу судить с какой-то долей уверенности) фаталистичен. Мне кажется, что основными факторами, влияющими на ее развитие, стагнацию или деградацию, являются факторы внешние: экономические и социальные, выражающиеся в конкретной государственной политике.

«Мы привыкли, — говорится в опроснике, — что наукой занимаются в стабильных институтах и университетах». Это действительно так, и приходится признать, что отвыкнуть от такого положения трудно. Стабильность — вещь неплохая: постоянный оклад придает уверенности в завтрашнем дне, даже если он небольшой.

Впрочем, тут же напрашивается оговорка, касающаяся конкретной, по крайней мере российской, ситуации: если на стабильно мизерный оклад трудно прокормить семью и себя, о какой уверенности может идти речь? Такая стабильность покажется совершенно недостаточной. Придется раздваиваться, «растраиваться» и «расчетверяться» между другими работами, что, можно сказать с уверенностью, вряд ли способствует концентрации на научных исследованиях и долгосрочных, т.е. главных для каждого исследователя, темах.

Что касается лично меня, до известной степени я к такой стабильности на грани выживания привык. Стоило моему поколению поступить в аспирантуру, а затем на работу в Пушкинский Дом на рубеже 1990-х, как зарплаты в Академии наук рухнули. Пришлось осваивать новые профессии и уделять им больше внимания, чем главному занятию. Благодаря этому я, конечно, многому научился. Например, освоил несколько

«классических» (теперь уже, пожалуй, «древних») языков программирования, и никогда не посчитаю такого рода знание лишним для филолога. Но с точки зрения распределения сил много все-таки было упущено — не прочитано вовремя, не осмыслено более детально, не обсуждено с коллегами. В конечном счете пришлось, как когда-то перед поступлением в университет, снова делать выбор: либо литература, либо манящая материальность, на этот раз сферы IT.

Сейчас, как справедливо отмечено в опроснике, вымывается понятие постоянного контракта. Хорошо это или плохо, на мой взгляд, трудно решить, пока не окажешься перед реальным выбором между постоянным и временным, при условии, конечно, относительно сопоставимой заработной платы. Если же серьезно, не думаю, что найдется много охотников каждые несколько лет, а то и каждый год добровольно проходить конкурсы и согласования. Ясно, что это отнимает массу нервов и времени.

Не нужно большого ума, чтобы понять, почему это происходит. Университетские и академические «кадры» постоянно испытывают недоверие со стороны управляющих, в принципе даже не академических, структур, как в квалификации, так и в благонадежности. И это при том, что свою квалификацию преподаватели университетов и работники академических институтов уже не раз доказали в процессе учебы, защитами диссертаций, наконец, в большинстве случаев — публикациями.

Мой предварительный, очень субъективный тезис человека, который тоже постоянно испытывает на себе стратегию временных контрактов, прост: лучше иметь один постоянный оклад, позволяющий достойно жить, чем несколько временных.

Впрочем, большинству университетских педагогов и академических работников в России даже постоянный контракт, сложенный с несколькими временными, не гарантирует обеспеченной жизни.

«Уравнительному социализму» сейчас все чаще противопоставляют идею конкуренции: пусть те, кто не может выдержать соревнования с лучшими, просто уйдут. Но примитивно понятые законы дарвинизма и конкуренции не работают нигде, в науке тоже.

Разумеется, есть особые случаи, своего рода академическая элита, чей вклад в общее дело признается значительным большинством коллег по цеху. Ее представители по праву получают дивиденды от заработанного «символического капитала», но это совсем не значит, что другие профессионалы должны жить впроголодь и бояться потерять место. Если упрощать до предела: что будет делать элита, если не станет «обычных» ученых?

Кто будет ее цитировать и поднимать ей рейтинг? Кто ее будет читать? Кто, в конце концов, может однозначно отделять модное от нового, помимо эффектной риторики сразу, в реальном, как говорится, времени, узнавать за неброской формой эффективный способ мыслить? Сейчас же все движется в том направлении, когда даже очень активным исследователям все сложнее удерживаться в устойчивом положении без постоянной интенсификации своего труда, без разбрасывания.

«Грантовая политика» в идеале, в «лабораторных» обстоятельствах, дело, на мой взгляд, очень неплохое. При условии, что заявки на исследования оцениваются настоящими экспертами и проходят строгий, но справедливый отбор, получение гранта означает кредит доверия и какое-никакое дополнительное материальное вознаграждение. В принципе это очень хорошо. Все меняется, когда мы сталкиваемся с реальностью. Как известно, получение гранта в России не избавляет от необходимости заниматься другой работой: преподавать в полном объеме или заниматься плановыми темами института. Делать и то и другое с одинаковым рвением трудно. Как ни крути, время невозможно растянуть, а себя клонировать. В результате мы постоянно находимся в зоне опасности: провалить либо грант, либо основную работу.

Все это тривиально, все об этом знают, а изменить ничего не получается. Дело снова сводится уже означенному тезису: управляющим структурам, а опосредованно и обществу, которое они представляют, кажется, что академические и университетские работники работают мало, да и вообще только в свое удовольствие. С последним, конечно, лично мне спорить трудно: многие из нас действительно получают удовольствие от своей работы. Иначе как бы нас удержали постоянные реорганизации и мизерные зарплаты?

Если же оставить сетования в стороне, грантовые проекты хороши, когда они становятся на время исполнения проекта основной сферой деятельности. Другие нагрузки при получении гранта должны быть снижены или сняты совершенно, причем в российских условиях с крайне низкой заработной платой — с сохранением основного оклада.

Гранты — очень хорошая и правильная вещь и по другой причине, не экономической. Участие в разных проектах, предусматривающих поиск актуальной темы, существенно расширяет кругозор, без чего современная наука жить не может. Работа в проектах, не совсем совпадающих с изначальной специализацией исследователя, подразумевает практическое повышение квалификации. Такие проекты чаще всего коллективные, что при хорошей организации предполагает постоянную дискуссию

и обмен знаниями. Я не вижу в этой практике проигрышных моментов и всегда благодарен коллегам, которые меня в такое дело вовлекают.

То, что индивидуальные гранты редуцированы до минимума, конечно, очень печально и говорит, прошу прощения за навязчивый рефрен, о том же недоверии к личности академического работника. Наука все больше мыслится фабрикой или, может быть точнее, командой грузчиков, где работает только один принцип — навалиться гуртом и пошло. Ясно, что в реальности такой принцип не работает, но ясно, к сожалению, только самим академическим работникам, а не управляющим ими структурам. В качестве практической меры в грантовой сфере уместен, полагаю, единственный лозунг: больше грантов хороших и разных при сохранении за академическими работниками их постоянных окладов и мест.

Отрыв управляющих структур от исследовательских и педагогических, по крайней мере в России, очень трудно скрыть. Выражается это раздвоение по-разному. В университетах, например, в пренебрежении к кафедрам. Заведующий кафедрой, который является и исследователем, и преподавателем, на глазах утрачивает возможность формировать коллектив и сообщать его мнение высшим инстанциям. Нужен ли институт кафедры (или отдела, если говорить об исследовательском институте)? У меня нет никаких сомнений в том, что нужен. Складывающаяся годами кафедральная жизнь со своими традициями и отношениями как раз и может обеспечить необходимые комфортные условия, в которых можно заниматься продуктивными исследованиями и преподаванием одновременно. Разумеется, это не единственный залог успеха. Институт кафедры не идеален, кафедральные отношения зачастую полны противоречий. Но здесь, как с демократией, лучшего пока не придумали. Совсем необязательно, чтобы отношения между ее членами были радужными. Важно, что в какие-то критические для всех моменты такой коллектив способен спланироваться и сообща решать трудные проблемы, как научные, так и этические. Я уже не говорю о том, что устойчивые кафедры или отделы способствуют проведению сбалансированной возрастной политики, при которой в общей жизни находится место и вчерашним аспирантам, и набравшим силу и авторитет докторам, и тем, кто может поделиться большим жизненным и научным опытом.

Если же говорить о необходимой в современных условиях модернизации кафедр, то очень важно дополнять кафедральную жизнь теми же самыми грантовыми проектами. Получение гранта во многом нивелирует недостатки иерархической системы, при которой заведующий оказывается все же первым среди

равных. Признание со стороны дополняет единственный административный властный центр рядом неформальных авторитетных фигур и позволяет таким образом поддерживать паритет в рамках научного сообщества. Это помогает избежать отношений давления и подчинения.

На мой взгляд, лучше не разрушать «традиционные» структуры, а осторожно дополнять их работу новыми практиками, заманивая очевидными выгодами нововведений. Нежизненное отпадет само собой. Конечно, очень хорошо, когда администрация приближена к академической работе и зависит от коллегиального мнения, реализуемого, например, при помощи регулярных выборов (видимо, я снова о «демократии»).

Что же касается «научной школы», то сегодня это понятие мне кажется архаическим. Оно предполагает закрепление авторитета только за одним, пусть даже очень уважаемым, исследователем и мешает (теперь уже в положительном смысле слова) методологическому «разбрасыванию». Современная гуманитарная наука вбирает в себя множество зачастую остро конфликтующих между собой направлений, приемов работы и даже стилей изложения. Это не порок, а богатство, которым следует дорожить, создавая условия, при которых антагонистические отношения превращались бы в равноправные, предполагающие не вытеснение, а дискуссию или даже просто молчаливое сосуществование.

То, что сейчас в России все больше требуют печататься в журналах, входящих в рейтинговые базы, тоже нельзя, на мой взгляд, признать вещью отрицательной. Во-первых, это настоящая интеграция в мировую науку. Во-вторых, это движение, парадоксальное для нынешних российских условий, к открытому обществу. Как показывает опыт, многие студенты-русисты, хотя мы уже давно не в СССР, до сих пор пренебрегают иностранными языками. Конечно, такая ситуация ущербна, и ориентация на Scopus и WoS явно способствует ее преодолению.

Другое дело, что и тут требуется мера. Участие в гонке только за журнальными публикациями не может привести к хорошим долгосрочным результатам. Заменять ею подготовку монографий — для гуманитарной науки дело губительное. Я глубоко убежден, что далеко не всегда можно высказать существенные мысли и обосновать их на десяти-двадцати страницах. Кроме того, детали и мелочи, из которых складываются монографии, иногда оказываются более жизненными и важными, чем главный тезис. Так что поощрять следует и то и другое.

Полагаю, что возможны случаи, когда преподавателю университета вообще лучше не публиковаться регулярно. Если его

главный талант заключается в том, чтобы уметь аккумулировать последние научные взгляды, быть способным их критически осмыслить и разъяснить студентам, разве это не достойная миссия? В конце концов далеко не каждый тренер играет в ту игру, навыкам которой он призван научить. Не нужно навязывать грантов, не нужно навязывать публикаций — пусть исследователь сам решает, стоит ему повышать ставки или нет. Необходимо только одно — чтобы он мог спокойно думать о завтрашней лекции или о задуманной монографии, а не о том, что с ним случится через полгода, когда контракт закончится.

Плоха или хороша наукометрия? На мой взгляд, это все равно что спрашивать, лучше ли *distant reading*, чем *close reading*. Стоит учитывать как количественно-статистические методы, так и качественно-интерпретационные. Непререкаемо только одно. Мы редко можем предвидеть, насколько фундаментальны достижения того или иного исследователя, пока не пройдет какое-то время. Лучше поливать все, что посадил, а не только те семена или корешки, которые пробились из-под земли первыми.

Высокорейтинговый автор получает свои дивиденды и без «наукометрического» статистического учета — за счет своей популярности, тиража своих книг, хороших лекционных гонораров, что очень справедливо. Наукометрия же, когда она из аналитической дисциплины превращается в нормативную и регулирующую, решающую судьбу каждого в отдельности простым вычитанием живых людей из списка профессионалов, — это беда.

Никакие специальные, новые методы оценки исследовательской и педагогической работы, на мой взгляд, не требуются. Они все равно не помогут вывести породу эйнштейнов, как не смог в свое время Горький вывести породу «красных львов толстых». Складывающиеся очень постепенно правила игры — кафедральные, «отдельские», в каждом случае особенные — помогают смягчить «естественный отбор», который в науке, как и в любой конкурентной области, все же неизбежен. Современным преподавателям и исследователям, на мой взгляд, требуется только одно — доверие и хорошая зарплата.

ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ

1

Изменение в институциональном устройстве науки — это естественный процесс преобразований, направленный на рост качества исследований и рационализацию управления. Если изменений в сфере организации научной деятельности не происходит, то могут складываться предпосылки к стагнации. Современная ситуация в российской науке характеризуется постепенным переходом к системе временных контрактов. С одной стороны, это оказывает влияние на мобильность исследователей, позволяет им обрести новый опыт на новом месте. С другой стороны, подобная ситуация размывает понятие научной школы. В частности, в системе временных контрактов заключено много сдерживающих факторов для разработки фундаментальных направлений. Многие разработки требуют десятилетий и не укладываются в грантовую темпоральность. Зачастую трехлетний грант (иногда с возможностью продления) позволяет лишь наметить перспективы исследований, завершаясь с появлением новых наработок, которые можно было бы усилить и развить. При прекращении финансирования коллектив становится эфемерным, ориентированным в основном на результаты индивидуальных исследований и на темы других текущих разработок. Гранты и временные контракты во многом позволяют структурировать научный поиск. В рамках подобного дисперсного состояния материалы и результаты не концентрируются в определенном месте, а перемещаются вместе с учеными и зачастую, особенно при изменении темы исследования, остаются невостребованными. Многие проекты ориентированы на собирание различного рода баз данных, обработку полевых материалов, но при отсутствии продолжения финансирования достигнутый опыт и полученная информация используются лишь частично.

Владимир Николаевич Давыдов

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
davydov.kunstkamera@gmail.com

Временные позиции усиливают конкуренцию ученых за рабочие места, заставляют их

постоянно повышать степень своей квалификации. Несомненно, постоянные позиции «удобны» для занимающих их ученых. Они также помогают «удерживать» кадры в определенных организациях, что позволяет проводить исследования в рамках более долгосрочной перспективы. Тем не менее подобная система, сопровождающаяся заниженными квалификационными требованиями для различных категорий научных сотрудников и работников, может вести к стагнации исследований и инертности тех, кто данные позиции занимает. Отсутствие в ряде организаций эффективных механизмов оценки качества работы исследователей в совокупности с заниженными требованиями делает эти позиции практически незамещаемыми. Другая крайность — система эффективных контрактов, где от исследователя или преподавателя вуза требуется определенное количество работ в высокорейтинговых журналах, которые не всегда возможно опубликовать в поставленные сроки. Полный переход на временные контракты в целом удобен работодателям и позволяет привлекать новые кадры в организацию. Тем не менее не следует абсолютизировать суждения о плюсах и минусах той или иной формы контракта. Качество научной работы во многом зависит от конкретного человека. Часто имеет место гибридная ситуация, когда ученый работает на постоянной позиции, в рамках которой он выполняет государственное задание и параллельно участвует в различных временных коллективах, получая грантовую поддержку.

Как показал опыт работы в удаленном режиме во время пандемии Covid-19, физическое присутствие ученого на рабочем месте в организации не всегда обязательно для результативности исследований. Такие практики, как ротация кадров в научных коллективах, а также долгосрочное сотрудничество ученого с работодателем, в совокупности являются важнейшими составляющими эффективного научного поиска. Полный отказ от замещения должностей исследователей, а также отсутствие возможности сохранения научной школы за счет увеличения сроков работы членов научного коллектива в конкретной организации создают препятствия для развития науки. Ротация исследователей и академическая мобильность необходимы для генерации новых идей и увеличения инновационного потенциала. Концентрация интеллектуальных ресурсов в конкретном месте, сопровождающаяся передачей опыта представителям молодого поколения ученых, имеет большое значение для качества дальнейших научных разработок. В этом смысле сочетание временных и постоянных контрактов в рамках одной организации может создавать благоприятную для научной работы почву. Тем не менее многие российские научные организации нуждаются в существенном пересмотре должностных обязанностей

2

научных работников. Сохраняя систему постоянных контрактов при существующих минимальных требованиях к аттестации занимающих их сотрудников, бюджетное учреждение рискует не выполнить государственное задание.

В науке сейчас происходит ровно то же самое, что и в других сферах. Основные тенденции современности — цифровизация, рационализация управления, реорганизация. Кардинально меняются принципы оценки результативности научной работы. Для отчетности по грантам, проектам и программам требуется публиковать статьи в «высокорейтинговых» изданиях, индексируемых в международных базах данных. Отчетность требует публикации или принятия к печати определенного количества подобных единиц, подготовленных за ограниченное время. Результат подобных процессов — изменение жанров письма, которое становится все более прагматичным. В ряде стран написание диссертации в виде монографического труда заменяется защитами на базе опубликованных работ, выполненных на одну общую тему. Это позволяет ученому быть более конкурентоспособным при участии в конкурсах на получение постдоков, но приводит к изменению стиля письма. Фактически работы современных ученых создаются под влиянием необходимости печатать относительно короткие тексты, в основном объемом от 0,5 до 1,5 п.л., часть из которых составляет обширный список использованных источников. Прагматика научной жизни позволяет исследователям проводить бриколаж, издавая статьи, большей частью состоящие из аналитических обзоров опубликованных работ. Основной фокус статей нередко смещается с описания и анализа конкретных собранных в поле материалов на разбор методологических аспектов исследования, сопровождающийся большим количеством деталей и нюансов, часто отражающих субъективный опыт ученого, а не изучаемых им людей. Если подытожить, крупные научные разработки практически заменяются жанром аналитического эссе. Таким образом, упомянутая выше грантовая прагматика ведет прежде всего к изменению стиля письма и, как следствие, к господству определенных жанров. В результате доминирующей отчетной единицей становится статья, а не монография. Можно сказать, что устанавливается доминирование определенного типа письма в науке, или, точнее, «насилие письма» [Деррида 2000: 156], существенно меняющее весь спектр научной продукции. Прежде всего «осязаемость» грантовой отчетности, понятность ее для принимающих решения о финансировании лиц (нередко также опирающихся на результаты экспертизы проектов) делает жанр рецензируемой статьи основным.

В сфере оценки результатов научной деятельности происходит реализация идеи символического капитала [Бурдьё 2001]. Набор

наукометрических показателей, с которыми ежедневно имеет дело современный ученый, ранжирует его работы в рамках большого количества рейтингов (таких как, например, количество цитирований, импакт-фактор журналов, где он публикуется), позволяет сравнивать их с достижениями коллег. Подобные рейтинги и требования ведут к тому, что меняются представления о престижности публикаций в определенных изданиях, вследствие чего ученые начинают мыслить прагматически, задумываться о том, куда «инвестировать» свои идеи. В последние годы произошло сильное «обесценивание» тезисов выступлений на конференциях, статей в сборниках, выросли требования к изданиям, где ученые публикуют свои труды. Происходит общее переформатирование ландшафта науки, в результате чего жанры, которые были привычны для ученых старшего поколения, постепенно исключаются из всякого рода отчетности.

Наука — это подвижный и живой социальный институт. Она всегда менялась. Трансформировались и этические принципы. В любой период изменений можно было наблюдать позитивные и негативные тенденции. Положительным на современном этапе является то, что благодаря росту требований к отчетам ученые стали задумываться о качестве изданий, в которых они публикуются. Для многих исследователей публикации в новом формате представляют сложность, связанную прежде всего с необходимостью осваивать новые жанры письма. Этим и объясняется большое количество «хищнических» изданий, зарабатывающих за счет обеспечения скорости выхода публикаций и отсутствия фактического рецензирования. Многие ученые под давлением меняющихся форм отчетности попадают в эту ловушку, нанося урон своей репутации.

В переходный период, 1990–2000-е гг., требования к качеству публикаций были значительно ниже. Тем не менее интересно, что изданные до широкого внедрения наукометрии тексты этнографов, некоторые из которых не выдержали бы современной критики и были бы отклонены большинством периодических изданий, сейчас представляют собой интересные источники, содержащие важные этнографические данные. В науке постоянно происходит изменение механизмов «дистилляции», или многоуровневой «очистки» научного знания. Во многом следуя за образцами западного способа апробации результатов научного исследования, современные ученые стремятся писать работы, опираясь на обсуждения с коллегами, в контексте многочисленных правок и доработок пытаюсь улучшить качество проработки и анализа материала.

Похожая практика существовала и в советское время. Например, в конце 1930-х гг. при подготовке книги «Народы Сибири»,

в которой были задействованы ученые из разных научных организаций, написанные ими главы проходили иногда целую серию обсуждений на заседаниях кабинета Сибири МАЭ. Авторы получали большое количество комментариев, которые необходимо было учесть при доработке. Комментарии коллег довольно часто опирались на идеологические установки [АМАЭ¹]. В ходе подобных обсуждений и взаимодействия с редакторами главы книги проходили многочисленные уровни «фильтрации» и «дистилляции» и сильно трансформировались. Представленные в опубликованном варианте книги взгляды отражали результат работы гораздо большего числа ученых, чем те, которые числились в их заголовках, и зачастую имели коллективный и отчужденный характер. Иногда кажется, что современные ученые работают совсем по иным принципам, чем их советские предшественники. Тем не менее некоторые качественные составляющие научной работы могут иметь сходство в разные эпохи, и нам есть чему поучиться у прошлых поколений исследователей. В этом смысле, когда мы говорим о современных проблемах научной работы, довольно полезным оказывается обратиться к примерам из истории науки.

Особенностью современной науки является тотальная зависимость ученого от технических средств, таких как машинный поиск информации, автоматический перевод и т.д. Интернационализация науки ведет к изменению ее языка. Работа над современной статьей для многих оказывается невыполнимой без использования огромного количества источников, показывающих эрудицию автора и мощь поисковой машины, которую использует ученый. Если раньше подобный научный багаж собирался годами, то сейчас многое решают поисковые системы. Ученый же должен осваивать навык быстрой фильтрации и обработки информации. Технические средства оказывают сильнейшее влияние на мышление ученого. Зачастую современные научные тексты представляют собой большое количество перекрестных ссылок, являясь сложнейшими продуктами современности, причем анализ напластований смыслов в таких текстах напоминает работу археолога.

Для понимания сущности современной прагматичной и ориентированной на наукометрическую систему оценок работы ученого может быть полезна теория макдональдизации Дж. Ритцера, которая вполне применима для анализа научной и образовательной сферы [Ритцер 2011]. В последние годы написание статьи превращается в технологию, в которой задействовано большое количество акторов и технических средств. Ученый,

¹ Документы находятся в научно-технической обработке.

как на кухне, подбирает необходимый «соус» и набор элементов для изготовления «продукта». Полевая работа в привычном смысле начинает терять свое значение. Метод онлайн-анкетирования, который набирает обороты в рамках текущей эпидемиологической ситуации, существенно меняет представление о самом процессе полевой работы. Современную ситуацию в социальной антропологии можно охарактеризовать как «дефицит поля». Здесь я согласен с суждением Тима Инголда о том, что «мы не можем делать антропологию в креслах» [Ingold 2008: 82], поскольку необходим баланс между полем и процессом его осмысления в другом месте.

Для современной науки характерен именно переход к технологиям письма, причем технологичность письма не всегда коррелирует с глубиной проработки материала. Фактически, как было упомянуто выше, обесценился ряд жанров письма — статьи в сборниках и тезисы на конференциях. Они не включаются в отчетность организации и не приносят своим авторам баллы. Многие исследователи отказываются публиковаться в изданиях, у которых отсутствуют doi. Все это приводит к переформатированию сложившейся системы оценки статуса научных журналов, перераспределению их символического капитала. У каждого издания есть своя аудитория, но подобная ситуация влияет на качество статей. В журналах, имеющих высокий импакт-фактор и индексируемых в международных базах данных, ученые публикуются охотно, а в журналах, которые не включены в Scopus или WoS, часть авторов планировать свои публикации уже не будут.

3

Во многом современные тенденции в науке позволяют оценить не столько результат и инновационный потенциал самого исследователя и качество его работы, сколько технологию его письма и компетентность в определенной области. Существенной проблемой в оценке результатов научной работы представляется отсутствие высоких показателей у молодых и начинающих исследователей. Индекс Хирша может не только показывать качество научных достижений, но и отражать научную моду на определенные идеи, популярность или дискуссионность трудов исследователя. При этом фактически наукометрия подталкивает ученых писать работы, ориентированные на более широкую, массовую аудиторию. Если научная работа ориентирована на очень узкий круг специалистов, у нее меньше шансов быть процитированной.

С 2020 г. государственное задание бюджетных научных организаций привязано к комплексному баллу публикационной результативности (КБПР), который рассчитывается по специально разработанной методике. Эта система вызвала волну дискуссий

среди ученых. Введение подобного показателя изначально преследовало цель оценки качества результатов научных исследований. Появление комплексного балла удобно для лиц, принимающих решения. Все, что выполнено в организации, фактически сводится к одному числовому показателю. Введение подобного показателя результативности было направлено на повышение качества публикуемых работ. Эта проблема представляется крайне актуальной. Многие ученые довольно инертны в выборе изданий для публикации — печатаются везде, где принимают их тексты, и зачастую не готовы подавать статьи в высокорейтинговые журналы, поскольку не рассчитывают на положительные отзывы рецензентов. Для многих получить рецензию, требующую существенной переработки текста, или отказ психологически трудно. К тому же, если комментарии обстоятельные, доработка может потребовать много времени, а грантовая система подталкивает к стратегии быстрых публикаций. Поэтому выбор журнала зачастую определяется прагматикой — предпочитают тот журнал, который быстрее напечатает статью и позволит включить публикацию в отчет.

Комплексный балл был введен для того, чтобы авторы старались печататься в журналах с высоким импакт-фактором, т.к. для отчетности необходим высокий рейтинг журнала. Фактически была добавлена важная составляющая, стимулирующая авторов публиковаться в высокорейтинговых журналах, заставляющая думать о квартильности изданий. Сейчас у всех на слуху Q1 и Q2, которые стали требованием для участников ряда грантовых конкурсов. Необходимость выполнять завышенные требования в условиях эффективного контракта (например, в некоторых организациях требуют две или более статьи, индексруемые Scopus, в год) или грантового соглашения заставляет ученых прибегать к публикациям в «хищнических» журналах. Внедрение КБПР было направлено на то, чтобы публикация в подобных изданиях была невыгодна авторам и организациям, где они работают.

Одной из инноваций в методике расчета данного показателя является фракционный счет. Многие ставили на статьях сразу несколько аффилиаций, при этом иногда включая подобные публикации в отчеты по научно-исследовательской работе сразу в двух организациях. Стратегией увеличения показателя организации стало распространение временных контрактов, создание различных центров, лабораторий, появление института ассоциированных научных сотрудников и т.д. Эти тенденции позволяют увеличивать количество участвующих в отчетности организации сотрудников. В рамках системы фракционного счета авторам становится невыгодно участвовать во внешних грантах в других организациях, т.к. нужно ставить другую аффи-

лиацию, а организация, являющаяся основным местом работы, не принимает статьи с другими аффилиациями к отчету. То есть фактически данная система требует от ученых увеличивать количество публикаций за отчетный период.

Как мне кажется, оценка труда ученого не может целиком опираться на числовые показатели. Количество статей в журналах, индексируемых в Scopus и WoS, может отражать не столько инновационный потенциал исследователя, сколько его конформность современным методам оценки результатов и умение адаптироваться к подобной системе. Значимость научных работ может оценить только само научное сообщество. В этом смысле оценка результатов труда ученого должна опираться на качественные характеристики, для чего необходимо совершенствовать институт экспертизы, прежде всего за счет налаживания механизмов обратной связи, дающих ученым возможность получать значимые комментарии об оценке результатов своих исследований.

Архивные материалы

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН. Заседания Кабинета Сибири 1938–1940 гг. Протоколы.

Библиография

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.

Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. 218 с.

Ingold T. Anthropology Is Not Ethnography // Proceedings of the British Academy. 2008. Vol. 154. P. 69–92. doi: 10.5871/bacad/9780197264355.001.0001.

АЛЕКСАНДР ЖЕЛТОВ

Александр Юрьевич Желтов
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН /
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ajujeltov@mail.ru

Начать свои рассуждения о поставленной проблеме я бы хотел с реакции на упоминание (в преамбуле к вопросам для обсуждения) дискуссии о «золотом веке» науки. Мне разговор об идеальных условиях для науки представляется невозможным прежде всего из-за гетерогенности того, что мы называем наукой — для столь сложного понятия не может быть общего идеала («золотого века»). Помимо этого, сам термин «золотой век» (идеал) в моем понимании не применим к человеческому обществу ни в каком прак-

тическом или научном смысле — это уход в сферу веры и религии. Характерно, что среди вариантов «золотого века» упоминаются «прошлое» и «будущее», но отсутствует «настоящее». Хорошо ощущаемая невозможность идеала в объективной реальности «сегодня» уводит его в сферу или мифологического «вчера», или утопического «завтра». Наличие проблем в науке и образовании сегодня не вызывает у меня ностальгии по «советским» временам. Признавая серьезные достижения науки того времени и ее достаточно высокий общественный статус (в том числе в материальном эквиваленте), не могу отнести к «золотому веку» заморенного голодом после издевательств на допросах Н.И. Вавилова, сломанную, опять же на допросах, челюсть С.П. Королева, тысячи уничтоженных ученых, ostrakизм А.Д. Сахарова, всесильное давление в гуманитарной сфере вульгарного марксизма-ленинизма. В принципе современная научная жизнь обладает несомненными достоинствами: это свобода перемещения и общения, доступ к объекту изучения, огромный массив доступной информации. Хотя превращение, например, истории в результате ряда последних законодательных инициатив (причем не только в РФ) из площадки для важных для общества дискуссий в, по сути, партийный устав очень настораживает.

В моем восприятии «научный ландшафт» структурируют прежде всего не «устройство, результаты и оценка» научной работы, а внешние материальные условия научной деятельности (меценаты, государство, ФАНО, Минобрнауки и т.д.) и взаимоотношения с ними ученого, с одной стороны, и собственно научный процесс с учетом меняющегося времени, систем передачи информации, коммуникации между учеными, их эффективности не в отчетах, а перед самими собой и ближайшими коллегами — с другой. Исходя из этого я попробую поделиться своими соображениями, базирующимися на достаточно долгом параллельном существовании в системе университетской и академической науки, по двум аспектам: 1) наука и ее администрирование; 2) наука и меняющийся мир. В устранении противоречия между этими двумя измерениями, видимо, и можно увидеть цель предложенной «Антропологическим форумом» дискуссии.

1. Наука и администрирование

1.1. Разделение на «профессионалов» и «администраторов»

Год назад я беседовал со своим бывшим одноклассником, работающим в банке. Он, рассказывая о своей работе, упомянул системно проводимое в структуре управления разделение на «профессиональные» и «административные» отделы и функции. То есть те, кто занимается содержательными профессиональными функциями, отделены от управления. Это очень напо-

нило мне происходящие в высшем образовании и науке преобразования: ученые и преподаватели должны заниматься только наукой и преподаванием, а «администрировать» их должны совершенно другие люди — «эффективные менеджеры». Я спросил, эффективна ли эта система для банка, и получил ответ «не очень...». Соотнеся принципиальную разницу в функциях банка и университета / института, можно предположить, что для последних ответ будет «очень не...».

Жесткое разделение на АУП (административно-управленческий персонал) и ППС (профессорско-преподавательский состав) в вузах, ФАНО (Минобрнауки) и Академии приводит к тому, что многие решения принимаются «менеджерами», не имеющими отношения ни к преподаванию, ни к науке. В принципе в менеджмент попадают и коллеги из профессиональной (я бы назвал ее содержательной) сферы, но если руководители-профессионалы (деканы, зав. кафедрами, зав. отделами) все же (до сих пор) выбираются их же коллегами и существуют в режиме «обратной связи» с коллективами, хоть и под сильным административным давлением, то весь АУП назначается и жестко подчинен административной вертикали. При этом проведение границы между двумя системами осложняется появившейся у представителей бюрократии модой получать научные степени. Возникающие отношения выглядят как попытка строгих, но справедливых «родителей»-администраторов заставить наконец работать ленивых и косных «детей»-ученых, которые хотят ничего не делать и получать зарплату. Ученые и преподаватели как-то незаметно превращаются из главных действующих лиц процесса в зависимых, постоянно контролируемых «батраков», «оказывающих образовательные услуги обучающимся» — так сейчас называется процесс преподавания. Но ведь без них не будет ни науки, ни образования, а вот без администраторов вполне может быть — есть много прецедентов, для учебного и научного процесса ученым и преподавателям гораздо нужнее секретари и лаборанты, чем «начальники». Из опыта общения с коллегами у меня складывается ощущение, что большинство из нас будут заниматься наукой и доносить ее результаты до студентов и без нарастающего контроля, причем, скорее всего, многие — гораздо эффективнее. Создание дополнительной прослойки — это лишние несодержательные затраты и создание таких же несодержательных сущностей в виде разнообразных директив, приводящих в смятение научную общественность.

1.2. Чего же хотят от ученых администраторы?

Не считая возможным априорно оценивать действия административной «вертикали» как направленные исключительно на создание более тяжелых условий для ученых / преподавателей,

попытаемся разобраться в целях проводимых преобразований. Если структурировать действия условного АУПа в образовании и науке, я бы выделил четыре основных направления-цели: 1) реорганизация привычных институций и структурных подразделений, 2) стремление свести результаты научной работы к наукометрии и рейтингам (с очевидной тенденцией ко все более узкой трактовке «значимой» наукометрии, по сути, сведение всех научных результатов к двум коммерческим наукометрическим базам), 3) тенденция как можно чаще ставить ученого и преподавателя в ситуацию «отчета», «конкурса», выводить ее/его из «состояния комфорта», 4) жесткое «стимулирование» к поиску грантов (внешних источников финансирования), доступ к которым в очень большой степени зависит от той же узкой наукометрии (гранты РФФИ). В вузах отсутствие грантов чревато уже серьезной угрозой увольнения. Разберем эти пункты последовательно.

1.2.1. Наука и образование в принципе являются сферами, в которых очень важна традиция (не традиционность!), устойчивость, предсказуемость правил игры. Причина в том, что и наука, и образование — это весьма длительный процесс, его последовательность и успешность напрямую зависят от последовательности в функционировании системы. Инновационность мысли появляется при стабильной устойчивости условий, в которых существует наука. Конечно, и эти сферы должны меняться в соответствии с меняющимися условиями. Но изменения должны глубоко продумываться, причем прежде всего самими учеными / преподавателями, и происходить тогда, когда старые структуры очевидно не справляются с современными задачами. Но я искренне не понимаю, чем так «провинились» факультеты и кафедры, на которых было создано все то, чем мы гордимся, какому содержательному процессу они мешают. Если в каких-то областях эффективнее «направления», и это осознают сами коллективы, пусть будут направления, но почему нужно отказываться от работающей структуры там, где она работает, непонятно. Кафедра тематически логично объединяет несколько профилей (теперь направлений) и представляет собой устойчивый коллектив, продолжающий и развивающий определенные научные школы. Если целью изменений является как раз разрушение этого коллектива, замена его на трех-пятiletние временные собрания преподавателей или грантополучателей с непонятной дальнейшей судьбой, то я не вижу здесь ничего позитивного. Если основной идеей является замена избираемых заведующих и деканов на назначаемых и соответственно жестко зависимых от таких же невыбираемых администраторов, «руководителей» и «директоров», то это имеет отношение лишь к созданию

системы послушания, противоречащей сути академической деятельности.

В этой же парадигме находится и анонимная статья о «научных корпорациях», приходящих на смену научным отделам академических институтов (ссылка на данную статью дана в преамбуле к дискуссии). Любой, даже очень небольшой отдел — это самый сложный многомерный организм, состоящий из разных личностей, традиций, внешних связей и т.д. Понятно, что у подобной структуры можно найти массу недостатков, но все гораздо сложнее и многомернее, чем предлагаемая в статье схема (удивительно похожая на изображения коронавируса) новой структуры института: в ней есть место для двух советов, коллегии, администрации, логистики и аспирантуры, но очень мало места для обычного научного сотрудника и его работы. В общем данный проект существующие институты, отделы и школы, скорее всего, уничтожит, а возникнет ли на этих руинах что новое, неочевидно.

1.2.2. Понятно, что никогда не будет придуман оптимальный механизм, который бы позволял чиновнику оценить содержательность научного процесса, так же как никогда не будет такого, чтобы ученый получал зарплату и ничем не отчитывался. В принципе оценить содержательность научного результата часто может только узкий круг ближайших коллег, но это не означает, что нельзя придумать некий сбалансированный рейтинг различных видов научных работ, каждый из которых может быть подвергнут экспертной оценке (как, например, анонимное рецензирование, при всех его недостатках). Уже существующие «положения о рейтинговых надбавках» (регулярно обсуждаемые на Ученых советах МАЭ) или «положение о научной премии» на Восточном факультете СПбГУ могут корректироваться, но они значительно более сбалансированы, чем любые присылаемые сверху «контрольные показатели». Они были бы еще более сбалансированы, если бы не давление этих самых показателей, имеющих все более устойчивую привязанность к двум коммерческим базам, которую все сложнее рационально объяснить. Понятно, что все это вызывает немедленную коммерциализацию, мы все завалены соответствующими предложениями. И я искренне не понимаю, чем статья в очень серьезном зарубежном сборнике или коллективной монографии менее ценна, чем статья, опубликованная в рамках подобных коммерческих предложений. Конечно, в этих базах много действительно серьезных журналов, но они были серьезными и до этих баз, и публикация в них высоко ценилась коллегами, но не как единственная научная ценность. К тому же мы конкурируем за место в этих базах не только между собой, но и с исследователями в других областях знания, для которых базы

и были созданы, — в точных и естественных науках. Подобное соревнование напоминает состязание пловцов и бегунов в подвиге тяжестей на фоне участия в том же соревновании профессиональных штангистов. Наука — принципиально очень разнообразная деятельность, она не может существовать ни без монографий, ни без статей (причем очень разных, от годами шлифуемой научной концепции, публикуемой в очень престижном журнале, до небольшого фактологического очерка в сборнике), ни без конференций, тезисов, рецензий, переводов и т.д. Представляющие собой сейчас «наукометрический ноль» фэстшрифты — это ведь реальная фиксация научной школы: учитель, его коллеги, друзья и ученики. Это то, где школа из названия материализуется в зафиксированный обмен научными идеями в рамках определенной традиции и тематики. Кто-то из коллег больше склонен к одним жанрам, кто-то — к другим. Можно примерно высчитать удельную трудоемкость жанра и даже отсечь не соответствующие научному уровню тексты (но рецензированием, а не наукометрией). Ученый должен выполнять некие квалификационные требования при переизбрании / переаттестации, но эти требования должны рассчитываться на долгосрочную перспективу (не менее пяти лет, два-три года при первом избрании) и содержать вариативность.

Очевидно, что вся эта «скопусомания» объясняется стремлением войти в сотню первых по рейтингу университетов, куда мы почему-то должны попасть в соответствии с принятыми руководством решениями (к чему эта же гонка за «скопусами» должна привести академические институты, пока не очень понятно). Но рейтинги и наукометрия, даже если сделать их максимально объективными, могут быть следствием успешных научных и образовательных процессов, но никак не их целью. В качестве эпиграфа к своему докладу о рейтинге QS его представитель Бен Саутер приводит цитату из Элисон Ричард, бывшего проректора Кембриджского университета, который вышел в то время на 1-е место в этом рейтинге: «Рейтинги имеют много недостатков (faults), неадекватно описывают университеты и не могут показать, лучше ли один университет другого <...>, но я очень радуюсь, когда Кембридж попадает в ведущие университеты мира» [Sowter 2013: 42].

Кстати, в этом рейтинге доля публикаций в базах имеет существенно меньший вес, чем, например, критерий репутации, определяемой опросами ученых.

Собственно, почему мы уверены, что должны быть лидерами в рейтингах? Университеты и наука появились в России достаточно поздно. В Италии, Испании, Англии, Франции университеты возникли еще до того, как у нас установилось пре-

словутое монголо-татарское иго, а в Германии, Португалии, Швеции, Польше — до времени, традиционно считающегося его окончанием. Первый российский университет (Санкт-Петербургский) основан только в 1724 г., а реально начал работать позже. Да, конечно, современное развитие идет гораздо более быстрыми темпами — «молодые» американские университеты сейчас прочно обосновались на ведущих местах в различных рейтингах, а в российской истории науки и культуры был относительно успешный девятнадцатый век. Но двадцатый век был вовсе не таким однозначно успешным для нашей науки: уничтожение (Н.С. Гумилев) и эмиграция (всем известный «философский пароход») образованных слоев после революции (правда, на фоне выравнивания общего среднего уровня образования), войны, репрессии, борьба с космополитизмом, генетикой, кибернетикой, сравнительно-историческим языкознанием, идеологическое давление в гуманитарной науке. В постсоветское время можно констатировать серьезное ослабление идеологического давления, но и катастрофическую потерю кадров — тяжелейшее материальное положение ученых и преподавателей в 1990-е, да и в 2000-е гг. привело к эмиграции части ведущих специалистов и к огромным временным затратам на различные приработки, необходимые для выживания, для оставшихся (по сути, внутренняя эмиграция). В этом контексте возникает скорее вопрос, как в принципе выжили наши наука и образование, а не почему мы не на первых местах рейтингов.

1.2.3. Понятно, что система краткосрочных договоров / контрактов — это не выведение из «зоны комфорта» для более эффективного проявления творческого потенциала, а выведение из равновесия и создание ситуации нестабильности и гонки за показателями, при которой преподаватель / ученый попадает в положение постоянной зависимости от отдела кадров. Я в принципе не настаивал бы на бессрочности контрактов (может, некоторое «структурное напряжение» и должно быть), хотя многие мои коллеги за рубежом работают именно на таких, «бессрочных», условиях, а люди, сохранившие научные школы и специальности в долгие годы безденежья, заслуживают по крайней мере уважительного отношения. Компромиссное решение может быть найдено, если цель — улучшение, а не сокращение. Конечно, должны быть требования к кандидатам на определенные позиции. В этом контексте, по-моему, важна роль диссертаций как демонстрации способности осуществить долгосрочное научное исследование, признанное коллегами¹. Но для этого нужно вернуть диссертациям статус верифицированного

¹ Здесь, правда, тоже вредна абсолютизация критерия — мы все знаем примеры, когда научный авторитет коллеги существенно превосходил его научные звания.

научного достижения. Первый раз новый сотрудник может избираться на два-три года, но соответствующий требованиям постоянный преподаватель или ученый не должен проходить никаких аттестаций / конкурсов чаще, чем один раз в пять лет (а для некоторых, наверное, и раз в десять лет). И требования должны рассчитываться именно на пять (десять) лет и предполагать вариативность видов научной работы, а не жесткую детерминированность цифр. В принципе должны существовать как «презумпция доверия» к сотруднику, так и стремление добиться научных результатов, но результаты не надо понимать слишком узко. Постоянные переизбрания — либо путь к сокращению преподавателей и ученых, а часто вслед за ними и целых специальностей, либо просто бессмысленная трата времени и нервов.

1.2.4. Требование обязательного получения грантов для избрания на должность — это уже реальность в вузах; оно вроде пока еще не дошло до академических институтов, что парадоксально, учитывая преподавательскую нагрузку профессоров и доцентов. Абсолютно всем понятно, что количество всех возможных грантов в разы меньше, чем число доцентов и профессоров, а ведь есть еще и сотрудники академических институтов, которые тоже претендуют на гранты. Сама логика идеи непонятна: работодатель должен быть заинтересован в полной отдаче сотрудника по месту работы и по научной теме заведения, а не в его приработках. В принципе в грантах нет ничего плохого, в моей научной жизни получение гранта программы Фулбрайта и семь месяцев в Университете Калифорнии в Беркли сыграли очень важную роль. Успешным был и университетский коллективный грант, который почти полностью использовался для системной полевой работы в Африке преподавателей кафедры. Но постоянная включенность в гранты не представляется возможной из-за вовлеченности в очень большое количество различных текущих обязанностей. Да и особенность моей научной деятельности предполагает постоянное переключение на разные темы. Отношение к грантам, так же как и почти все в науке, предполагает вариативность: для кого-то это органичный способ научной работы, для кого-то — не очень, но это точно не может быть единственным вариантом существования науки и научных коллективов. В принципе в науке очень много индивидуальной работы — читать, думать и писать, как правило, приходится индивидуально. Да, в процессе всего этого очень важны среда и общение, но тотальная «коллективизация» грантов слишком многое важное может оставить «на обочине».

Такое большое количество «букв», которые приходится тратить на обсуждение «внешних» для науки и образования

вопросов, говорит о серьезности оказываемого на них давления. Эффективность научной деятельности никогда не получится адекватно оценить без содержательного анализа, совершаемого самими учеными. И они не без сложностей, но справились бы с этой задачей самостоятельно, без постоянно меняющихся, придумываемых где-то «контрольных цифр». Иногда кажется, что, если даже просто попробовать «забыть», хотя бы на время, про пару наукометрических баз, научная жизнь вернулась бы к естественному живому процессу с достойным отношением к разным видам научной деятельности. Выбор между безденежьем и административным диктатом, в котором существует наша наука длительное время, не ведет вперед, это движение по кругу, из которого хотелось бы вырваться.

2. В этом разделе я попытаюсь кратко поделиться некоторыми соображениями о внутренних проблемах гуманитарной науки, вызванных быстрыми изменениями в скорости и объеме передачи информации в современном мире.

2.1. Помимо экономических, технологических, социально-политических линий развития не меньшую роль в истории человечества играет процесс революционных изменений в передаче информации. На наших глазах происходит завершение третьей и четвертой информационных революций: мобильная связь уничтожила пространственные ограничения в передаче информации, а интернет дал доступ к неограниченному массиву данных. И значимость этих изменений соотносима с преодолением временных ограничений в передаче информации благодаря возникновению письменности. Очевидно, что как возникновение письменности привело к появлению науки и образования, так и нынешние изменения оказывают огромное влияние на функционирование того и другого. Динамика происходящих процессов ведет к сложности формулирования устойчивых научных концепций, создает атмосферу постмодернистской реляционности. Поэтому, казалось бы, совершенно очевидная мысль А.А. Зализняка: «Истина существует, и целью науки является ее поиск», — превращается в современном мире из очевидного высказывания в далеко не всеми признаваемую идею. Подобная реляционность вызвана (помимо других причин) огромным объемом накопленной и доступной информации и объективной сложностью многих проблем, стоящих перед наукой и обществом. При этом для всех работающих в рамках научной парадигмы (при всей трудности ее определения) очевиден и другой постулат А.А. Зализняка: «В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант». Пуб-

личное высказывание стало легко доступным, для него нет образовательного ценза.

Все это заставляет задуматься о том, что именно профессиональная наука предлагает обществу в качестве истин, оспаривание которых говорит о необразованности субъекта оспаривания, а что остается открытым для обсуждения. В естественных и точных науках набор подобных истин достаточно широк. Гораздо сложнее формулирование «истины» в гуманитарных науках. Причины этого понятны: все, что имеет отношение к человеку, гораздо труднее поддается дискретизации, часто зависит от субъективной оценки, взглядов и интересов исследователя, непосредственно затрагивает социальные интересы и культурные идентификации и ученого, и его аудитории и, следовательно, очень легко переводится из сферы науки в публицистическую риторику. Граница между научными и политико-идеологическими взглядами самого исследователя в гуманитарной области весьма зыбка. При этом отсутствие научных ориентиров затрагивает не только медийное пространство, но и профессиональную среду, и, что крайне опасно, пропагандистские субъективные замены научных фактов и дискуссий начали попадать в область законодательства.

2.2. Существующая ориентация на цифровые показатели только увеличивает вал работ, которые еще больше размывают информационное научное пространство. Как реакция на это возникают идеи о закреплении в качестве нормы «разрешения» для ученых публиковать только одну статью в год (идея одной британской исследовательницы, недавно мелькнувшая в Фейсбуке). Думаю, что унифицированная норма в любом варианте для науки — путь неправильный, но определенная логика в этой идее есть (если оценивать такую работу / статью содержательно, а не по тому, в какой квартиру она попала). Существенную роль в науке (в том числе и гуманитарной) начинают играть компьютерные базы данных и корпусы, и это ставит вопрос о еще большей вариативности научной работы: кто-то должен создавать все это (а как отчитаться?), но кто-то должен и анализировать собранные данные. Очевидно, достаточно остро (особенно в контексте нынешней «самоизоляции») встанет вопрос о взаимодействии дистанционной и очной формы занятий и конференций. Можно предсказать, что факт довольно успешной адаптации к переходу на дистанционные формы актуализирует идею о замене десятка преподавателей на один экран с записанной лекцией. Интуитивное понимание неправильности подобного подхода потребует оформления этой интуиции в понятные для общества и чиновников формулировки. В качестве предварительного варианта отмечу, что десять преподавателей создают среду и предполагают вариативность и динамику, когда

через один-два-три года потребуются внести в курс существенные изменения, их будет некому вносить, если мы эту среду потеряем. Кроме того, при всей важности «гаджетизации» нашего пространства, человек рискует лишиться некоторых существенных качеств при утрате меняющегося, но все же крайне важного личного общения между коллегами, между учителем и учениками.

2.3. Еще один аспект, на котором представляется важным остановиться, — это серьезное отставание терминологического и аналитического инвентаря гуманитарных наук от реалий современного мира и даже некоторый регресс в этой области, наблюдаемый в последние годы. По крайней мере в российском политическом и обществоведческом дискурсе такие термины, как «толерантность», «либерализм», «общечеловеческие ценности», «глобализация», приобрели отрицательный и часто высмеиваемый смысл («толераст», «либераст» и т.д.). На смену этим понятиям пришли популярные «национальные интересы», «национальные идеи», «геополитика», «суверенная демократия», «скрепы» и т.д., т.е. термины из прошлого, сопровождаемые популярными цитатами из совершенно других исторических реалий прежних времен, воспринимаемые как аксиомы и руководство к действию: «Хочешь мира — готовься к войне», «У России два союзника — армия и флот», «Не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую». Подобная «архаизация» гуманитарной сферы противоречит объективным тенденциям развития общества (информационная революция уже создала единое мировое пространство) и приводит к крайне опасному конфликту современных военных, технических и других достижений естественных наук (геновая инженерия и т.д.) с устаревшей парадигмой гуманитарного осмысления человеческого общества. За этим процессом стоит неправильная интерпретация одних терминов и принципиальная «нетерминологичность» других.

Серьезные проблемы с гуманитарными понятиями существуют не только в российском, но и в общемировом контексте, что еще более обостряет проблему. Мировой политический дискурс оперирует, на первый взгляд, сугубо позитивными концептами: право нации на самоопределение, неизменность существующих границ, государственный суверенитет и невмешательство в дела других государств, международные гарантии прав человека. Однако очевидно, что право на самоопределение принципиально неосуществимо при сохранении границ, а суверенитет и невмешательство не сочетаются с международными гарантиями прав человека. При этом и по отдельности все подобные принципы проблематичны. Границы менялись на протяжении всей истории, и многие существующие границы сложились в резуль-

тате не самого справедливого процесса. Что мы понимаем под «нацией», которая «имеет право на самоопределение», кто может быть субъектом этого процесса — существующие территориальные образования, этнические группы? Позитивной ли была политика невмешательства во время геноцида в Руанде 1994 г. (900 000 погибших за три месяца)? Кто имеет право и при каких условиях защищать права человека в других государствах? Что считать агрессией, кому и как на нее реагировать? К этому надо добавить и крайне обостряющуюся в условиях глобализированного информационного (да и логистического) пространства проблему неравенства в условиях жизни между регионами. Представляется, что гармонизация существующей конфликтности и «нетерминологичности» международных норм становится весьма актуальной задачей для гуманитарной науки, и крайне желательно, чтобы этим занимались ученые: многие политики, к сожалению, слишком привязаны к своим представлениям о «национальных интересах» (которые всегда являются интересами лишь находящейся в данный момент у власти правящей элиты), а это совсем не то, что способствует формулированию компромиссных решений.

Источники

Sowler B. QS World University Rankings and Russian Universities [Presentation of the report]. 2013, April. <<https://www.hse.ru/data/2013/05/06/1299325719/Moscow%201%20-%20MGIMO%20Training.pdf>>.

НАТАЛЬЯ КОВАЛЕВА

1

Здесь представлены мои размышления на тему первого вопроса «Форума» об институциональной организации современной науки. Мои наблюдения основаны на опыте, полученном в американских университетах, а также во время короткого пребывания в Университетском колледже Дублина в Ирландии, но похожую картину можно наблюдать и в других контекстах. Общий мой тезис не нов: переменами в научном мире движут рыночные силы, допущенные к реструктуризации университетов во имя повышения качества и эффективности. Из множества элементов современной науки, которые подвергаются трансформациям, я остановлюсь на росте количества междисциплинарных проектов

Наталья Васильевна Ковалева
Университет Техаса,
Остин, США
nvk@utexas.edu

и устройстве их финансирования, чтобы на их примере показать, как работает рынок в академической сфере.

Начну с короткого замечания о *неолиберализме*, который представляется ведущим фактором многих перемен, в том числе в науке. Неолиберализм — это теоретическая / философская концепция, согласно которой наилучшим способом организации практически для всего в этом мире является свободный рынок. Во главу угла помещается право частной собственности, и все отношения перестраиваются в соответствии с рыночной логикой. Многие, если не все, изменения и реформы в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении сейчас осуществляются согласно такой логике, навязанной этим сферам сторонниками неолиберальных мер. В соответствии с императивом рынка университеты и исследовательские центры теперь рассматриваются не как пространства, где пестует любознательность, а как корпорации, задача которых — приносить доход, предлагая продукт, имеющий высокий рыночный спрос. Соответственно, в своем новом статусе потребителей, которые покупают образовательные услуги, студенты приходят в аудиторию не для того, чтобы социализироваться, взрослеть и учиться думать, а чтобы приобрести востребованные на рынке навыки и после выпуска получить доходную работу.

Примечательно, что мир науки довольно долго гордо провозглашал себя рынком идей (a marketplace of ideas), но при этом не акцентировал внимание на денежной компенсации авторам популярных идей и наиболее сильных аргументов. До недавнего времени государственная поддержка научных исследований, которая подпитывалась стремлением одержать верх во всеяческих войнах (в том числе в холодной войне), особо не обсуждалась и воспринималась как само собой разумеющаяся. Но как только самые страшные враги отступили и рыночная логика окрепла, подбодренная крахом советского социализма, на кампусах началась встряска по поводу эффективности затрат, так же как ранее она уже прошла по цехам заводов, корпоративным офисам и правительственным кабинетам.

Прежний способ производства знаний в университетах и научно-исследовательских центрах оказался под угрозой. Чтобы выжить в новых обстоятельствах, этим институциям пришлось искать, образно говоря, как заработать себе на жизнь, и эта необходимость становилась все более острой по мере того, как их миссия хранителей истины и вечных ценностей, которая подчеркивалась в течение нескольких столетий, теряла свою убедительность. Дискуссия о том, что направляет интеллектуальную жизнь в новом мире тотальной датафикации и инновационных прорывов, продолжается, но вдали от администра-

тивного корпуса, занятого бесперебойными поставками образовательного контента (как теперь называется преподавание), чтобы удовлетворять растущие требования потребителей (как теперь называются студенты) и таким образом набирать и поддерживать высокие рейтинги, привлекая новых инвесторов (также известных как партнеры).

Неудивительно, что университет, подчиненный логике рынка, все чаще оценивает своих научных работников по их результатам в терминах готовой продукции и чистой прибыли. Их научные публикации в журналах с высоким импакт-фактором в соответствующей области легко переводятся в показатели престижа университета и повышают его рейтинг. Проекты, спонсируемые крупными грантодателями, покрывают расходы на текущие и будущие исследования. Видные эксперты из числа преподавателей узнаются публикой наравне со «звездами» и привлекают будущих студентов. Взять такую планку без предпринимательских качеств трудно: исследователи должны не только искать ответы на важные вопросы, но и выгодно представлять свои проекты потенциальным спонсорам, не только проводить исследования и анализировать их результаты, но и демонстрировать их практическую значимость, генерировать не только идеи, но и подписчиков в социальных сетях. Другими словами, они должны быть выдающимися во всем и приносить немедленные и очевидные результаты, переводимые в конкурентные преимущества их работодателей.

Вышеописанный режим академического труда с недавних пор приобретает все более четкие формы, и сигналы тревоги по поводу трещин, ползущих по стенам храма науки, звучат так часто, что стали уже привычным фоном в академическом мире. Разрушительные процессы, которые идут в фундаментальной системе ценностей университета, нашли отражение, например, в междисциплинарности, к которой я и перехожу далее.

Междисциплинарность

Развитие междисциплинарных исследований встречает неоднозначные реакции в мире науки. Даже если оставить в стороне ожесточенные методологические дебаты, достаточно сказать, что междисциплинарные исследователи часто оказываются в авангарде неолиберального передела многих устоявшихся практик. В некотором смысле саму междисциплинарность можно рассматривать как результат действия неолиберальных сил.

Прежде всего, междисциплинарные исследования идут вразрез с принципами разделения академического труда, которые запирают экспертов внутри их дисциплин. Междисциплинарность

возникает и развивается только в условиях «перекрестного опыления» идей. Благодаря этой особенности она выявляет зоны застоя, невосприимчивые к идеям извне. Кроме того, она демонстрирует, что отдельные дисциплины не могут в одиночку выработать решения для многих современных проблем. Последнее обстоятельство можно, конечно, рассматривать как свидетельство сложности проблем современного мира, но оно служит и приглашением к объединению ресурсов и привлечению экспертов из разных дисциплин. Однако практики производства знания, характерные для каждой отдельной дисциплины, сочетаются с большим трудом, чем значительно усложняют междисциплинарный подход и создают огромное количество препятствий на его пути. Научные дисциплины веками занимались размежеванием и выявлением различий между собой, трудились над определением своего объекта анализа, покорного именно их методам, и устанавливали конвенции, на основании которых новое знание может быть признано вкладом в теорию именно той, а не иной дисциплины.

Следуя этим путем, разные науки утверждали свой авторитет, ученые обретали профессиональную идентичность, скажем антропологов или математиков, с более тонкими градациями специализаций по предметным областям (например, исследователь Шекспира или американист, специализирующийся на внешней политике США XX в.). Дисциплины (и факультеты, их пристанища на кампусе) обязались учить студентов, выдавать им дипломы и присуждать ученые степени, воспроизводясь в своих выпускниках.

Междисциплинарность, которая возникла из необходимости собирать ресурсы и разнообразное экспертное знание для решения неотложных проблем, плохо работает в этой системе координат. Охватывая несколько областей знания одновременно, она остается на дисциплинарной периферии (как раз там, где больше шансов для пересечения различных областей), а междисциплинарным исследователям приходится вести нелегкую борьбу за признание на традиционных факультетах, если только им не повезло оказаться в тех немногочисленных исследовательских подразделениях, которые вписали междисциплинарность в свои названия и обучают студентов по собственным междисциплинарным программам или предлагают возможность двойной специализации.

Сделать успешную карьеру в междисциплинарных исследованиях очень непросто. И причиной тому не только консерватизм башни из слоновой кости и ученого совета, но и та самая печать рыночного мышления, присущая междисциплинарности как таковой. Повторю: в мире, полном проблем, которые десяти-

летиями не поддаются никакому решению, на фоне почти ежедневных кризисов невозможно найти такого универсала, который бы в равной степени хорошо знал, скажем, химию, поэзию и политологию и мог бы найти путь к решению проблем на стыке дисциплин. Чтобы решать сложные проблемы, которые множатся, как грибы после дождя, нужны междисциплинарные команды. Но такие команды живут недолго. Как только цели проекта достигнуты и решение найдено или хотя бы предложено, команда распускается, потому что на горизонте уже маячит новый кризис, который требует другого сочетания навыков и опыта и нового созвездия экспертов. Добро пожаловать в мир научного фриланса и проектной работы, поддерживаемой грантами.

Грантодатели

Если дары и пожертвования университетам часто поступают от частных лиц, то престижные гранты выделяют благотворительные фонды и правительственные организации.

Опуская детали финансового администрирования, для которого в университетах создаются специальные подразделения (офисы спонсируемых проектов), я бы хотела подчеркнуть отношения между университетами и государством: как и корпоративное спонсорство, правительственные гранты компрометируют идею свободных и независимых интеллектуальных поисков; исследования, которые проводятся на средства грантодателей, неплохо описываются формулой «кто платит, тот и заказывает музыку».

Исследователь-предприниматель из тех, кого стремятся заполучить в свой штат университеты, не только проводит передовые исследования высочайшего класса, но и (и это не менее важно) привлекает (грантовые) средства для финансирования этих исследований и выплат своим сотрудникам. Приносить университету деньги — это давно уже не пожелание и не «украшение для резюме», а необходимое условие для получения постоянной работы, особенно в университетах первого (исследовательского) ряда. Но университеты поощряют поиски грантодателей вовсе не для всестороннего развития и карьерного роста сотрудников. Будучи корпорациями (а именно в них университеты и превращаются), они ищут новые рынки и новые источники дохода. Таким источником являются заложенные в бюджет проекта накладные расходы, ведь предоставляя площадку и персонал для проекта, университеты подчас поглощают до половины суммы гранта по таким статьям расходов, как использование университетского оборудования, оплата коммунальных услуг, медицинское страхование сотрудников проекта, оплата обуче-

ния аспирантов, занятых в проекте, и т.д. Например, мой нынешний университет забирает до 49 % от гранта, выполняемого его сотрудниками, а по некоторым статьям расходов — до 56 %.

Рыночная логика заметна и в выборе направления для будущих исследований. Федеральные агентства и крупные грантодатели дают деньги не по доброте душевной и не из благотворительных побуждений. Спонсируя исследовательские проекты, они хотят видеть, что их инвестиции приносят прибыль. Им также хотелось бы видеть реальные изменения, которые стали результатом их вложений, и почувствовать гордость от своей причастности к ним. Они определяют сферы для инвестиций стратегически, стремясь обойти своих конкурентов. Например, самый большой университет Ирландии — Университетский колледж Дублина и Научный фонд Ирландии (Science Foundation Ireland, SFI) недавно объявили конкурс на должность руководителей высшего звена в 13 проектах в стратегически важных, на их взгляд, областях: производство и биотехнологии, информационные и коммуникационные технологии, цифровое здоровье (connected health), агропромышленный комплекс (agrifood) и энергетика. Каждый из победителей получит 5 млн евро гарантированного финансирования на пять лет.

Приоритеты спонсирующих организаций и их стремление управлять наукой проявляются не только в тесном сотрудничестве между университетом и государством в выборе точек приложения исследовательских усилий и найме «топ-менеджеров», чтобы этими усилиями руководить, но и в условиях для индивидуальных грантов. Например (продолжим ирландскую тему), Ирландский исследовательский совет стремится поддерживать исследования, выполняемые в сотрудничестве, часто с промышленностью и некоммерческими партнерами, и поощряет контакты между исследователями как в локальном, так и в международном масштабах. У чисто теоретического проекта, который не предусматривает партнерства, мало шансов на поддержку. Более того, сотрудничество это не должно быть ни гипотетическим, ни потенциальным. Государство вполне ясно очерчивает свои приоритеты и задает параметры и направления проектов: предельно четкая область исследования, кратчайшая траектория от замысла до внедрения (поэтому в проект с самого начала включаются партнеры-практики), подключение дополнительных фондов, быстрая монетизация результатов. Идея многолетних масштабных исследований, достойных называться фундаментальной университетской наукой, и равная поддержка всех дисциплин ушли далеко на второй план.

Еще один пример влияния грантодателя на организацию научной работы — гранты по цифровой гуманитаристике (ЦГ /

digital humanities, DH) от Американского совета научных обществ (American Council of Learned Societies, ACLS). Любому, кто хотя бы отдаленно знаком с ЦГ, известно, что это командный спорт, основанный на сотрудничестве как минимум между знатоками контента и IT-специалистами. ACLS поощряет союзы между ведущими университетами и небольшими колледжами, которые не могут себе позволить инфраструктуру, необходимую для реализации и последующей поддержки ЦГ-проектов. Любопытно, что ACLS не спонсирует ЦГ-проекты с педагогическим уклоном, которые могли бы обучать новое поколение ЦГ-исследователей и таким образом способствовать формированию ЦГ как отдельной научной дисциплины прежнего типа. Напротив, усилия направляются на альтернативные способы делать науку, на ввод новой методологии, «взлом» прежних дисциплинарных привычек, создание новых связей и сетей в обход факультетских структур, развитие новых форматов и сред, в которых может производиться наука (не в тишине читального зала, а в экспериментальной лаборатории или студии), и на проектную работу с конкретными результатами.

Исследователь-энтузиаст, однако, быстро обнаруживает, что ACLS на самом деле не интересны научные прорывы в ЦГ. Он предпочитает: а) функционирующий проект (с реально существующей базой данных), который уже приобрел кое-какую видимость в форме публикаций, рецензий и цифр на счетчике посещений сайта, и б) признанных ученых в роли научных руководителей проекта <<https://www.acls.org/programs/digitalextension>>. Просматривая на сайте ACLS список проектов-победителей, нетрудно увидеть, что, во-первых, междисциплинарные команды из многочисленных признанных ученых публикуют довольно мало статей и, во-вторых, результаты проектов оформляются главным образом в виде презентаций на конференциях.

В соответствии с предпринимательским подходом к науке грантодатели часто запрашивают подробные планы распространения результатов проекта, но не уточняют, как именно они должны передаваться и не настаивают на докладах, столь нежно любимых учеными старой закалки. Соответственно, бремя изобретения новых способов это делать ложится на плечи самих исследовательских команд. И, откровенно говоря, они нередко выбирают форму старого доброго сборника статей, который и представляют на презентации проекта. В лучшем случае этот сборник загружают в университетский репозиторий и открывают к нему бесплатный доступ онлайн.

Завершая свои заметки об изменениях в исследовательской инфраструктуре современных университетов, я бы хотела на-

помнить о наблюдении, которое сделал Билл Ридингс в начале 1990-х гг., — что университет давно уже не считает своей миссией учить студентов думать и давно перестал быть хранителем ценностей. Вместо этого он занимается скорее информацией, ее производством, обменом и потреблением, в котором участвуют другие корпорации, правительства и индивидуальные клиенты. Оплакивая прежнюю идею университета, которая действительно «лежит в руинах», мы не должны упустить из виду реально существующий университет — «современного монстра» (Д. Харви), зависящего от экономической конкурентоспособности своих исследовательских подразделений.

Пер. с англ. Александры Касаткиной

АЛЕКСАНДР КОЗИНЦЕВ

1

Предложенные вопросы касаются больше ситуации «вокруг науки», чем «в науке», т.е. не столько научного ландшафта как такового, сколько климата, в котором он существует. Это меня, откровенно говоря, волнует все меньше. Гораздо интереснее кажутся изменения, связанные с самой наукой, в частности с распространением научной информации. Все это не зависит от институтов, кафедр, грантов и контрактов, хотя, как и в случае с грантами, на первом месте здесь личная инициатива.

По роду своей деятельности и по складу характера я был и остаюсь одиночкой и анархистом. От того, к какой инфраструктуре я принадлежу и какие метаморфозы она претерпевает, сейчас зависит для меня, в сущности, лишь форма и объем бюрократической отчетности. К счастью, мне не нужно никакое оборудование, я давно уже могу себе позволить не ездить ни в экспедиции, ни даже в командировки. В молодости, правда, ездил довольно много, спасибо и Соросу, и РФФИ, и РГНФ. При рачительном гайдаровском правительстве гранты были нужны, чтобы элементарно выжить и прокормить семью.

Гранты в те времена требовались и для преодоления нашей изолированности. Я при-

Александр Григорьевич Козинцев
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
agkozintsev@gmail.com

обрел свой первый компьютер в Токио в 1989 г. за счет неожиданно свалившегося на меня гранта от Японского общества содействия науке. Но интернет и электронная почта тогда только начинали внедряться. Теперь ситуация радикально иная, и теоретически от нашей изолированности не должно было бы остаться и следа. Однако ее наследие до сих пор не изжито. Гигантские возможности интернета недооцениваются.

Выскажу крамольное мнение: виртуальное общение в сети приобрело такие масштабы, что сделало в значительной мере излишним посещение конференций (если, конечно, они не повод встретиться с близкими друзьями). Принято считать, что конференции неотделимы от жизни ученого, как концерты неотделимы от жизни музыканта. Но Глен Гульд в 32 года оставил концертную деятельность и сосредоточился на студийных записях. У каждого свой стиль, и залог успеха — в избавлении от шаблонов. Да, живое общение не заменишь ничем, но сейчас я говорю о научной эффективности таких встреч. Если иметь в виду только ее, то зачем нужны конференции, если существуют форумы, подобные Academia.edu? Не успеешь вывесить туда свою работу, как ее тут же читают и скачивают все интересующиеся данной тематикой по всему миру. Сколько их? На уже упомянутой Academia.edu число моих подписчиков превышает 1400 (близких коллег среди них, разумеется, меньшинство). Принадлежат ли они к «стабильным и солидным» организациям, мне глубоко безразлично. Наука — это отношения между идеями, а не между организациями, что бы ни писали по этому поводу Бурдые, Латур и все их предшественники из вульгарно-социологического лагеря. Не место красит человека, а человек место¹.

Все ваши подписчики на Academia.edu тут же узнают о ваших последних работах и могут их загрузить. Среднее число загрузок с моей страницы — 15–25 в день, а когда выкладываешь что-нибудь существенное, причем по-английски, бывает и 100, и 200, и больше. Число просмотров одной из моих прошлогодних публикаций перевалило за 4 тысячи. Многих читателей я знаю поименно, благо сайт предоставляет нам такую возможность. Если угодно, можем здесь же, в разделе сообщений,

¹ В эпоху интернета эта поговорка требует еще более сильной формулировки, ибо «место» (аффилиация, должность и пр.) может отсутствовать вовсе. Приведу в качестве примера двух очень авторитетных генетиков-блогеров, аффилиация которых неизвестна, а печатные работы отсутствуют. Один из них — Давид Весоловский, пишущий под ником «Давидский». Другой скрывает даже имя, известен только псевдоним — Диенекес Понтикос. У меня не повернется язык назвать их дилетантами. По-моему, это профессионалы в самом точном смысле этого слова (см.: [Callaway 2010]). Что у них действительно отсутствует, так это наукообразие, и — о ужас! — Давидский в пылу спора не чурается даже обценной лексики. Лично я вполне могу от этого абстрагироваться и печатно ссылаюсь на него совершенно так же, как и на более уважаемых коллег.

написать автору той или иной работы, что побудило нас ее загрузить, и сообщить свое мнение о ней. Сегодня я получил такой отзыв от незнакомого человека, и это было очень приятно. Каждый из нас, в свою очередь, может попросить у коллеги электронную версию его/ее работы. Почти никто не отказывает, даже если речь идет о книге. Можно обсудить и черновые наброски. В обсуждении будут участвовать (если захотят) все, кого автор пригласит, а те, кто не получил приглашения, могут послать ему запрос. Размеры нашего виртуального сообщества необъятны.

Где, на каких конгрессах, самых что ни на есть международных, можно найти столь обширную и столь идеально целевую аудиторию? Да не одну, а несколько, ведь человек может заниматься множеством тем, далеких одна от другой. Если бы и можно было ее найти (предположим невероятное), то на сколько человеко-часов общения на самих конференциях и после них можно было бы рассчитывать? А в интернете нет ни пленарных заседаний, ни секционных, ни регламента, ни необходимости разрываться между секциями или печально стоять у своего постера... Благодать для анархистов вроде меня. Спорить можно хоть до ночи, можно и ночью. Вообразим, что было бы, если бы Сократ дожил до эпохи интернета! Споры затягиваются на несколько дней, недель, месяцев. Дискуссия по моим статьям на сайте «Генофонд.рф» началась в ноябре прошлого года, а последний 99-й пост датирован маем нынешнего. В какой-то момент обсуждения я перестал в нем участвовать, ибо узнал все, что хотел узнать, но мои оппоненты продолжали спорить друг с другом — разве это не замечательно?

А лекции по Zoom? Я никогда прежде им не пользовался, но не было счастья, да несчастье помогло — до чего же эта форма общения удобна! Экономятся час дороги до колледжа, час обратно (с пересадками и риском подцепить если не Covid, то более скромный штамм гриппа). Недавно договаривался со студентами о дате и времени очередной беседы. Оказалось, всех устраивает суббота 9 мая. Праздник? Ну и что? Выпить можно и после занятия. Где сказано, что в праздник нужно только праздновать, а в будни — только работать? Суббота для человека, а не человек для Субботы! Разве такое возможно при нормальном режиме, когда все приурочено к определенной дате, часу и аудитории? Кстати, 20 марта, накануне полного карантина, я прочел (под запись, при почти пустом зале) публичную популярную лекцию про эмоции на Неделе мозга в Первом медицинском университете <<https://www.youtube.com/watch?v=JXwZ-QxZJtQ&feature=youtu.be>>. Куда мне до Глена Гульда — и все-таки чем такая виртуальная лекция хуже обычной? По-моему, лучше, хотя бы тем, что слуша-

тель может в любой момент остановить видео, чтобы разглядеть слайд¹.

Скажу больше — интернет сделал гораздо менее необходимым и посещение библиотек². Эффективность добывания информации в наши дни поразительна. Старая литература в значительной мере оцифрована. Что же касается новой... Каждый день вы находите во «Входящих» множество научных рассылок. Ежедневные списки книг по психологии, археологии, антропологии, лингвистике, “Science Daily”, “Medium Daily Digest”, “EurekAlert”, еженедельные выпуски “Science”, “Nature”, “Scientific Reports” по биологии и т.д. Все это нужно просматривать от и до. Времени занимает немало, но иначе кругозор необратимо сужается, а компетентность уменьшается.

Конечно, из упомянутых источников можно лишь узнать о том, что такие-то статьи и книги опубликованы, а не познакомиться с ними досконально (максимум с их подробным изложением). Раньше приходилось до поры до времени этим ограничиться, ведь сами журналы и монографии до библиотек когда еще доходили. Но два замечательных сайта отодвинули эту эпоху в прошлое. Sci-Hub практически полностью удовлетворяет нашу потребность в новейших статьях. По сегодняшним данным их там лежит в свободном доступе более 80 млн. Library Genesis примерно на две трети, если не на три четверти покрывает и потребность в новых западных монографиях, отчасти и в российских. Что касается последних, то к нашим услугам еще Twirpx, Klex, Koob и результаты неумолимой копирующей деятельности участников наших многочисленных сетевых сообществ в VK и Facebook.

Не так давно я дал интервью создательнице Sci-Hub юной Александре Элбакян, сторонником и почитателем которой являюсь

¹ Восторгаясь «столичными» техническими достижениями и вдобавок изображая во время лекции кавычки с помощью жеста, я позиционирую себя в качестве самого провинциального из провинциалов [Соколов, Титаев 2013: 257]. Замечу, однако, что заведомо неосуществимые притязания иных наших соотечественников на право судить о провинциально-туземной системе со столичной точки зрения есть худшая форма туземства. Удержусь от более экспрессивного слова, хотя, как и встарь, признанья от Европы (в широком смысле) не сникать ни при каком уровне сервиллизма. Провинциалов печалит собственная отсталость, и они всеми силами пытаются ее преодолеть. А туземцы всем довольны, ведь именно в существующем положении дел и состоит их *raison d'être*. Социологическая же разница между самодовольством и злорадством лишь в том, что в первом случае референтная группа совпадает с группой членства, а во втором — нет.

² Реальных, а не виртуальных! И я говорю лишь о своей области. Недавно крупнейший компаративист Аллан Бомхард сделал общедоступной свою гигантскую библиотеку (16 Гб) на Google Диске. Нарушил ли он этим права авторов и издателей? Формально — да. Я с некоторым удивлением увидел там не только свою уже опубликованную работу, но и ту, которая еще только должна была выйти в этом году (редактор журнала прислал ее Бомхарду на рецензию). Да, если придерживаться буквы закона, это нарушает права и мои, и журнала, но кто же из авторов станет протестовать против такого пиратства?

(не одобряю ее хулиганских выходов, хотя Есенин, помнится, тоже хулиганил). Не представляю себе, что бы я делал без ее сайта, во всяком случае ни одной работы на современном уровне написать бы не смог. Согласен с нею, что электронное пиратство, если его вообще можно так назвать, — огромная выгода для науки. Воровство аморально, потому что похищенная ценность становится недоступной хозяину, а здесь все остается на своих местах. Да, несколько уменьшаются доходы издателей, зато ученые (которым журналы ничего не платят, хотя и существуют за их счет, как и за счет налогоплательщиков, на деньги которых финансируется наука) оказываются в выигрыше, да они и по закону имеют право рассылать свои статьи коллегам. Один из мудрых издателей, у которого я попросил разрешения выложить на Academia.edu свою статью из его журнала, ответил так: “It is usually best if I simply don’t know what you do with it”. Притом его журнал так заботится об окупаемости, что, в отличие от подавляющего большинства других, не присваивает статьям doi, ведь где doi, там и Александра Элбакян. Это раздражает наших бюрократов от науки: кому же неясно, что статья без doi — не статья? Но другой журнал недавно потребовал от одного из моих коллег удалить его публикацию с Academia.edu, хотя копирайт там принадлежит только авторам. Это, правда, единственный известный мне случай.

Sci-Hub и LibGen периодически блокируются Роскомнадзором. От кого? Многие ли пользователи интернета не знают о браузере Tor, о котором наслышан едва ли не любой студент? А блокировщикам не мешало бы напомнить строки из стихотворения А.К. Толстого, адресованного цензору М.Н. Лонгинову:

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!

К этому надо прибавить вполне законные электронные Горьковку, РНБ, КиберЛенинку, Google Books и прочие легальные ресурсы наши и западные. Настоящий клад для историков, филологов и просто любителей русской литературы, в том числе эмигрантской, — мюнхенская электронная библиотека ImWerden Андрея Никитина-Перенского. В прошлом году я, не нарушив ничьего копирайта, послал ему электронную версию изданного мною трактата Леонида Пинского и теперь регулярно получаю списки новинок этого собрания. Спасибо и Якову Кротову за свободный доступ к его электронной библиотеке и за то, что он разместил там мою книгу и две статьи.

Некогда мы были оторваны от остального мира. Сегодня, когда слово «спецхран» не вызывает у студентов никаких ассоциаций, проблема одна — где взять время на чтение всего этого.

Пришло время ответить на вопрос, какими должны быть современные научные центры. Полагаю, такими, где руководство следит не столько за тем, исправно ли их сотрудники ходят на работу, ездят ли на конференции, входят ли в состав научных обществ, оргкомитетов, ученых советов, аттестационных комиссий и редколлегий, руководят ли грантами и далее по пунктам ПРНД, сколько за тем, весома ли производимая ими продукция. Если весома, то сами собою со временем возникают и научные школы, не официальные, а виртуальные.

2

Гранты и контракты необходимы на ранних этапах карьеры. Вполне разумно дать человеку с научной степенью, принятому на работу, испытательный срок, возможно очень долгий, в течение которого он обязан всеми способами продемонстрировать талант и работоспособность, после чего получает (или не получает) *tenure*, как в США, *Professur*, как в ФРГ, или что-то в этом роде. Можно (к чему, сейчас, кажется, и идет) выбрать другой путь и сделать всех нас независимо от возраста, стажа и престижа вечными аспирантами и постдоками. Это, конечно, дисциплинирует, но...

Долгосрочное планирование? Да, но только если тема сформулирована достаточно широко. Откуда человек знает, чем ему захочется заняться завтра? Примкнуть к мегапроекту по изучению мобильности? Куда как заманчиво, да дорого яичко к Христову дню. Еще вчера тебя волновали миграции, но сегодня ты заинтересовался, допустим, эмоциями. Как и куда вписаться? В свое время, когда мои штудии совсем уж нигде не вмещались, я решил запланировать собственную, индивидуальную тему НИР. Сказано — сделано, и тему я получил, и фонды были ко мне благосклонны. Но ясно ведь, что все это требует отчетности, а кроме того, смешно быть своим собственным руководителем, нужно пригласить исполнителей. Но мне не нужны исполнители, я из той же породы, что Давидский с Диенекесом.

Некогда, еще в пору активных занятий физической антропологией, я придумал довольно эффективную систему признаков. Но, доказав ее полезность для реконструкции древних миграций, выпустив книгу и подготовив учеников, я предоставил другим собирать на этом поле новые урожаи. Теперь мои коллеги со своими учениками продолжают начатое и руководят собственными темами, а я переключился на вопросы, более для меня актуальные, чтобы потом сделать еще один поворот и т.д.

Могут назвать это легкомыслием, но в моем ментальном лексиконе данное слово располагается поблизости от слова «свобода». Могут сказать, что подобная стратегия, которую я назвал движением поперек жизни, — верный способ ничего в жизни не достичь. Скажу осторожнее: это трудный способ чего-то достичь, ведь Альберти, говоря, что человек может, если пожелает, заниматься чем угодно, жил в прекрасную эпоху кватроченто, когда ничего не знали о темах НИР. Какой же выход? По мне, лучше всего было бы сделать темы НИР и грантов максимально широкими и обтекаемыми, тогда и долгосрочное планирование не проблема. Например: «Человек — его происхождение, единство и многообразие, а также его достоинство и превосходство». Шучу, хотя для меня подобная ренессансная формулировка была бы в самый раз. Срок? Остаток жизни, а это не так и много.

Но у нас сейчас, похоже, решили двигаться в противоположном направлении. В условиях пандемии побит очередной антирекорд: раз мы сидим по домам, от нас потребовали еженедельных отчетов. В принципе можно отчитываться и каждый день, но станем ли мы от этого работать быстрее и лучше? Не уверен: лично у меня, пожалуй, появится несвойственная мне склонность отлынивать от научной деятельности — не зря ведь Павлов описал рефлекс свободы.

Перехожу к самому животрепещущему вопросу.

3

Поскольку результаты научной работы институтов и университетов складываются из индивидуальных показателей и поскольку, повторюсь, человек красит место, а не наоборот, я буду говорить только о том, как оценивается труд каждого из нас. Наукометрические показатели дают очень приблизительное, а порой и искаженное представление о результативности научной работы. Чем обширнее научное сообщество, представляющее то или иное направление, тем, при прочих равных, больше у вас читателей и соответственно цитат. А любителям горных троп на большое число спутников рассчитывать не приходится, и поражение от победы, как известно, отличить тут бывает не просто.

Для наукометрии талант и работоспособность не только недостаточны, но и не необходимы. Вольготнее всего в плане отчетности чувствуют себя, независимо от их ролей, рядовые члены больших виртуальных междисциплинарных коллективов во главе со звездами мировой науки. Быть постоянным участником международных мегапроектов, результаты которых публикуются не иначе как в “Science” и “Nature” за многими десятками подписей, — это в условиях «сырьевой науки» (разновидность «провинциальной») самый надежный способ достичь высокой

цитируемости. Если измерять успешность в единицах Хирша и в журнальных квартилях, то благодаря международному разделению труда любой постдок из такой команды быстро достигает впечатляющих результатов. Пусть его функция состоит лишь в том, чтобы поставлять сырье и давать его техническое описание, все равно взамен он получает полноценное (с точки зрения наукометрии) соавторство.

Администратору повесить свой Хирш при такой системе совсем просто. Бывает, что самая цитируемая его работа (вернее та, где он значится в соавторах) не только не им написана, но и к его научным интересам отношения не имеет. Иногда во главе его библиографического списка в РИНЦ несколько таких работ, а в Web of Science — только они. Западных соавторов, вернее подлинных авторов, такое положение вполне устраивает, ведь от администратора зависит, получают они в дальнейшем материал или нет. Администраторы же порой ворчат: им даже не показали рукопись перед отправкой в печать. «Ах, извините, — оправдываются соавторы, — в следующий раз непременно покажем».

А вот противоположный пример. Я уже упоминал о своей работе в Японии, когда не только материалы, которые я изучал, были предоставлены приглашающей стороной, но и расходы на мою командировку были щедро оплачены ею же, притом что я и не думал подавать заявку на грант JSPS, они сами меня пригласили. Статья по результатам работы была немедленно и без единого изменения опубликована в журнале Японского антропологического общества (написать ее, кажется, и было единственным моим обязательством по грантовому договору). Статью, где тот же материал обработан другими методами, я опубликовал в США. Обе статьи возглавляют список самых цитируемых моих публикаций в Web of Science. Почему же мои японские коллеги заранее согласились на роль «поставщиков сырья», почему по нашему примеру не включили в договор пункт, обязывающий меня сделать их соавторами? Сказав, что они в этом не нуждались, я назову следствие, а не причину. Причина же в том, что человеческое достоинство хоть и не измеряется, в отличие от цитируемости, ни в каких единицах, в определенной системе ценностей во сто крат дороже.

Возвращаясь к цитируемости, какой наукометрической базе доверять? Если ориентироваться на Web of Science, к чему нас сейчас призывают, надо печататься только по-английски. Готов я к этому? Лингвистически — да, психологически — нет, хотя пишу на этом языке все чаще. С 2014 г. у меня вышло на Западе десять работ, в том числе шесть крупных статей и три рецензии (плюс англоязычные статьи в российских изданиях).

Ни одна из моих русскоязычных работ из списка Web of Science, если верить этой базе, не была процитирована ни разу. Правда, вместо нулей там стоят прочерки — это, видимо, означает, что соответствующие цитирования никто не отслеживал. Итак, вот меседж для тех, кто держит нос по ветру: мало публиковаться по-английски — нужно вдобавок *не* публиковаться по-русски, дабы не тратить времени попусту. Никакая геополитическая конъюнктура не заставит меня с этим согласиться. Не соглашусь и с тем, что мой Хирш, скажем, по Google Scholar неполноценен из-за того, что учитывает и русскоязычную часть моей продукции и моей читательской аудитории. Эта аудитория мне очень дорога, особенно если дело касается гуманитарного направления моей работы¹.

Лучше ли ведомственные комиссии, чем наукометрия, не знаю. Тут тоже много подводных камней, скажем тот же административный ресурс. Нас завораживает рассказ Шкловского о гамбургских состязаниях борцов, где учитывались только личные качества и несправедливость была исключена в принципе. Но как достичь этого в наших науках? В каких единицах измеряется авторитет? Честно говоря, не знаю. Но в то, что «есть ценностей незыблемая скала над скучными ошибками веков», верю твердо.

Библиография

Соколов М., Тутаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Callaway E. The Rise of the Genome Bloggers // Nature. 2010. Vol. 468. No. 7326. P. 880–881.

¹ Моя книга о смехе, вышедшая в России, вызвала бурные споры, но лишь худшие из моих студентов жаловались на то, что она непонятна. Многие читатели писали мне лично, чтобы выразить одобрение или, наоборот, возмущение. Расширенный английский вариант, опубликованный в США, получил несколько хвалебных отзывов в печати, но личный контакт с читателями фактически так и не установился. Между тем оба варианта написаны обычным разговорным языком, я бы даже сказал, в научно-популярном стиле. Дело, конечно, не в природных качествах, а в приобретенной за десятилетия гегемонизма невосприимчивости ко всему исходящему из неанглоязычного мира. Не могу удержаться, чтобы не привести разговор между двумя ведущими американскими специалистами по теории комического — философом и лингвистом, который публично, но в отсутствие собеседника, пересказал этот случай на конференции. “Is it normal that you don’t understand a single word?” — спросил философ, имея в виду одну из моих англоязычных работ. На что лингвист (эмигрант из СССР, ученик В.А. Звегинцева) ехидно ответил: “Yes, it’s perfectly normal”, подразумевая не обобщенно-личное значение “you”, а адресатное. Мне же он сказал: «Вы, Саша, диверсант и вредитель», — что свидетельствовало о полном понимании и доставило мне большое удовольствие, ведь я действительно постарался не оставить от его теории камня на камне.

НИКОЛАЙ МИТРОХИН

1

Разумеется, результат работы зависит прежде всего (но не всегда) от основного получателя гранта, который распределяет работу и фиксирует результат. Но, честно говоря, я не вижу большого смысла во временных краткосрочных (менее пяти лет) рабочих коллективах, хотя принимал в последние годы участие в работе нескольких из них. Чаще всего они поддерживают на плаву людей, которым стоило бы сменить занятие наукой на какие-то другие формы академической или внеакадемической деятельности. Фактически мы наблюдаем (уже около двадцати лет) абсолютное перепроизводство аспирантов в соотношении с потенциальными рабочими местами для них. Ворота в аспирантуру широко открыты и даже, скажем так, распахнуты, поскольку производство аспирантов поощряется университетской и академической системой. Однако эта система сознательно умалчивает, что профессором в Германии, т.е. единственным человеком в университетской системе, кому положена постоянная ставка, может стать дай Бог один из полусотни аспирантов. А скорее один из сотни. Очень часто в аспирантуру идут хорошие студенты, которым не хочется прямо сейчас уходить в мир настоящей работы. Однако пребывание в аспирантуре принципиально отличается от студенческой учебы. Тут нужна собственная инициатива в плане выбора темы и методов, значительный самостоятельный труд, умение реализовывать свои идеи, а не угадывать то, что хочет услышать преподаватель. Многие аспиранты не доходят до защиты просто потому, что не могут написать сами ничего удовлетворительного и не привыкли к самостоятельному систематическому труду, к серьезной критике своих работ, так отличающейся от поощрительной риторики преподавателей в студенческие годы. И все же, если рассматривать аспирантуру как реальное образование, в отличие от современных университетских курсов, которые учат всему

Николай Александрович Митрохин
Центр исследований
Восточной Европы
при Бременском университете,
Бремен, Германия
mitrokh@uni-bremen.de

и ничему и не способны дать обществу квалифицированного специалиста (им выпускник университета становится в аспирантуре либо в том учреждении, куда его взяли на работу), то, может быть, такое количество аспирантов не так плохо. Ну пусть пойдут они после защиты диссертации работать младшими научными сотрудниками в музеях и библиотеках, устроятся учителями в гимназии, займут места в редакциях СМИ или станут чиновниками местных администраций.

Однако широкая зона временных мест трудоустройства, начиная от постдоков, позиций лектора-почасовика или лектора на временном контракте, временных мест в исследовательских коллективах, временных мест в администрации факультета или проекта, порождает у аспирантов иллюзию, что не все потеряно. А руководители проектов получают массу дешевой, хотя и чаще всего бестолковой рабочей силы, готовой трудиться за репутацию, за 0,4, 0,5, 0,6, 0,75, 0,8 рабочей ставки. И награждают полной ставкой либо особо ценных, либо сверхтерпеливых к грязной и никому не нужной работе (внутриуниверситетским коммуникациям, например), либо ценимых за какие-то другие специфические качества. Получается такая «богачельня» вечных постдоков и грантовой работы, которая в течение 10–12 ближайших лет неизбежно приводит значительную часть молодых специалистов к необходимости оставить данную сферу, потому что невозможно долго жить таким образом, содержать семью и иметь какие-то долгосрочные финансовые обязательства. Разумеется, человек, получающий меньше ставки, ищет какую-то подработку, что чаще всего сказывается на его результативности. За последний год двое моих хорошо знакомых немецких коллег в возрасте примерно сорока лет из числа таких временных работников, оба авторы монографий, авторы публикаций в солидных изданиях и семейные люди, покинули стезю исторического познания и ушли в IT-индустрию. Не потому, что там больше платили, а потому, что это стабильная работа.

Кроме того, значительный объем времени при работе по стандартным трехлетним (и уж тем более нередким двухлетним) контрактам отнимает необходимость писать новые заявки на работу и затянутые от полугода до года сроки их рассмотрения. Фактически, получив новую работу, человек полгода-год ничего не делает — переезжает на новое место жительства и обустроивается, заканчивает старые долги по прежней тематике, входит в тему, начитывает литературу. Потом у него есть год (а по факту меньше) на работу, за который он реально входит в проект, однако дальше, вместо того чтобы заниматься проектом, он/она начинает готовить заявки к следующему циклу временной рабочей деятельности. В остающееся от них время левой ногой пишется статья или глава в коллективную моно-

графию, которая должна оправдать трехлетнюю деятельность, и совершается (в случае экспедиционных исследований) еще одна поездка. Конечно, и этого времени не хватает на статью, и она доделывается на новой работе. Так что в целом подобная система «проектной деятельности» бесконечно плодит людей, которые не могут сконцентрироваться на какой-то теме и хорошо ее изучить, не умеют и не научатся писать, поскольку на это тоже нужны время и способности. Роспуск проекта через короткий срок к тому же в значительной степени рушит налаженные личные и профессиональные связи, сложившиеся в процессе «притирки», и делает бессмысленным все эти бесконечные коллективные встречи, переговоры и перемещения, которые проходили на начальной стадии работы проекта (тимбилдинг, так сказать) и нередко стоят значительной части его общего бюджета.

Бывают варианты, что у молодого специалиста есть постоянный наставник, например бывший научный руководитель, который обеспечивает ему в какой-то степени постоянную работу. Это люкс-вариант, позволяющий вести более или менее систематичную научную деятельность в относительно стабильном коллективе при университете или исследовательском центре. Но фактически это повторение старой системы, когда научный руководитель мог нанимать сотрудников на постоянную работу или на длинные контракты и расставаться с ними по мере необходимости.

Система временных контрактов порождает и хищников, с которыми мне пришлось столкнуться несколько лет назад, чью деятельность я теперь вынужденно отслеживаю. Это сплоченные группы «временных коллективов» (я знаю таких три), которые, пользуясь связями среди идеологических единомышленников, либо встраиваются в новые проекты, либо получают пролоббированные под эти группы гранты. Они хорошо владеют модной в среде грантодателей и грантовых операторов «актуальной» терминологией, отлично тусуются в профессиональной среде, будучи представлены на всех важных конференциях и других мероприятиях, но в итоге представляют мусорные тексты в виде отчетов или не представляют их вовсе. Кроме того, эти группы, пользуясь временностью контрактов и экстерриториальностью современной научной жизни, стремятся получить несколько грантов одновременно и отчитаться за них текстами, написанными на одном материале. Например, три гранта в трех разных странах у местных грант-операторов (т.е. университетских и исследовательских институций) получает на работу группа из пяти человек на текущие два года по одной и той же модной тематике исходя из того, что в итоге каждый член группы напишет по статье. Частью группы совершается

одна краткосрочная экспедиционная поездка или другой вид несложного поверхностного сбора материалов. В итоге на каждый грант, когда у грантодателя уже прошли все сроки (и вымотаны все нервы) сдается по две (халтурные) статьи, подписанные несколькими членами группы каждая. Оператор гранта, будучи недоволен ситуацией, тем не менее не решается поднимать скандал, поскольку тогда его репутация перед грантодателем будет испорчена и придется возвращать уже израсходованные на работу и группы, и самого грантового оператора средства.

Очевидно, что подобные коллективы, не производящие ничего имеющего научную ценность, но пожирающие огромные средства, существовали и существуют, и на постоянной основе — в Германии в сфере славистики мы имеем один очень яркий и свежий пример. Но временные коллективы-хищники именно в силу мобильности и экстерриториальности могут сделать так, что посторонним лицам будет трудно улавливать КПД их труда.

Как мне видится перспективная рабочая деятельность, обеспечивающая плодотворный научный результат. Прежде всего, мне кажется важным разделить преподавательскую и научную структуру в университетах и тех научных центрах, где сотрудники должны преподавать у студентов. То есть в университетах и других высших учебных заведениях при кафедрах должны остаться один-два *профессора-исследователя* или *доцента-исследователя*. Это место может быть постоянным или временным. Я бы ратовал за одно место профессора-исследователя с десятилетним контрактом (и необходимостью раз в три года проходить комиссию из коллег с отчетом о своей деятельности за это время) и одно место профессора-исследователя с контрактом на три года. На последнее могли бы претендовать сотрудники кафедры, длительное время занятые преподаванием и накопившие предварительный материал для книги или серии статей, которую они хотели бы подготовить за это время. Каждый из профессоров мог бы иметь одного-двух аспирантов в три года в качестве обучаемых специалистов, но не преподавать у студентов.

Аналогичным образом могли бы существовать две ставки доцентов-исследователей с десятилетним и трехлетним сроком работы. Они должны быть освобождены от преподавания полностью. Остальные члены кафедры при этой системе вовсе не обязаны были бы писать какие-либо научные работы, поскольку, как мы знаем, они основательно перерабатывают, занимаясь студентами и административной деятельностью. Но они должны иметь право раз в семь лет уходить на год в исследовательский отпуск, который, возможно, должен заканчи-

ваться статьей. Для управления кафедрой нужен титул профессора, заведующего кафедрой, без наложения на него необходимости публикации каких-либо научных статей. Соответственно должна быть пересмотрена система научных показателей для преподавательского состава, о чем мы поговорим в ответе на третий вопрос.

Отбор в аспирантуру при кафедре или исследовательском центре должен осуществляться по следующим критериям: проявление склонности к самостоятельной научной работе (пусть на микроуровне) в студенческие годы, особенно на старших курсах, когда студент приходит в аспирантуру с готовым проектом своей научной деятельности и заделом, сделанным в этой сфере самостоятельно (включая самостоятельный предварительный сбор материала по теме), с начитанной по данному предмету литературой, далеко выходящей за рамки предлагаемых курсов; способность к критической оценке предмета исследования. Второе важно, поскольку значительная часть активных студентов принадлежат к молодежным субкультурам (в том числе политическим) и видят свое будущее в науке в качестве их апологетов. Как показывает имеющийся опыт, аспирантура не учит их видеть предмет критически, а только укрепляет в убеждениях, в результате почти все приложенные научным руководителем и коллективом кафедры усилия пропадают втуне. Именно поэтому я предлагаю отменить «план по аспирантам» и доплаты научным руководителям за их ведение и, наоборот, заставлять кафедру доказывать на общеуниверситетском совете или совете гуманитарных факультетов необходимость принятия (имярек) в аспирантуру. В этом случае у университета, возможно, найдутся средства на реальные стипендии для немногочисленных аспирантов.

В исследовательских центрах стоит оставить базовое направление исследований. Пересматривать и уточнять его следует не ранее, чем это будет сочтено научным или наблюдательным советом необходимым. Далее система работы будет зависеть от финансирования. Если есть стабильное (прежде всего государственное, или муниципальное, или университетское) финансирование, то должны быть две опции.

Первая — группа *постоянных научных сотрудников* в возрасте 40–65 лет (опционально до 70 и даже 75 лет в случае высоких научных результатов и общенациональной известности) на *постоянных контрактах*, обладающих ученой степенью и особо значимыми публикациями на момент устройства на работу (т.е. монографиями в солидных научных издательствах), серьезных и даже крупных специалистов в определенной проблематике, соответствующей общей проблематике института. Это значит,

что раз в пять лет сотрудник проходит переаттестацию как внутри института, так и, возможно, в рамках наблюдательного совета, который способен оценить количество и качество его результатов, новаторство его тематики, степень активности в научно-организационной деятельности (редакторство в журналах, организация конференций, работа в правлениях фондов и т.п.), одобрить план его работы на следующий период. Средняя ставка постоянного научного сотрудника оценивается в 1,2 среднюю единицу зарплаты (вопрос с повышенным тарифом за выслугу лет решается в соответствии с законодательством). Общее число постоянных научных сотрудников составляет 20–25 % от числа рабочих мест, которые центр может оплатить в рамках постоянного финансирования.

Вторая опция — формирующиеся десятилетние исследовательские группы, которые могут попросить совет исследовательского центра о пролонгации своей деятельности еще на два года. Такой срок вполне возможен и для продолжительных проектов. Например, условный академический «Словарь русских писателей XX века», который будет готовиться и выходить в реальный тридцатилетний срок, разбивается на три блока томов, каждый блок будет подготовлен в рамках этого десятилетнего срока. Предполагается, что частью этих групп будут руководить *постоянные научные сотрудники*. Если они на это идут и успешно защищают проект деятельности исследовательской группы перед экспертным советом института и наблюдательным советом, то их ставка увеличивается до 1,5 средней единицы.

Однако это необязательно. Проект может быть предложен также внешними (внеинститутскими) исследователями в рамках регулярных конкурсов либо людьми, работающими в институте по *контракту специалиста* (см. ниже). В рамках *исследовательской группы* возможны двух-трехлетние контракты в 1 среднюю единицу зарплаты, которые делятся на *временные* и *продлеваемые*. В рамках *временных* контрактов нанимается специалист на проведение конкретных работ (например, на участие в экспедиции для работы с языком, которым он владеет, и последующей расшифровкой записей). В рамках *продлеваемых* контрактов нанимается специалист на весь десятилетний срок, но с возможностью увольнения после истечения трехлетнего срока, в случае если он не проходит переаттестацию в общепрофессиональном комитете по оценке проекта (например, за три года так и не написал никакой статьи или за шесть лет ничего существенного не издал).

Каждый, кто проработал в институте десять лет (из пятнадцатилетнего хронологического периода) по *временным* и *продлеваемым* контрактам, имеет право получить (в порядке очереди

на место) *контракт специалиста* (всего в институте еще 20–25 % рабочих мест отведено под такие позиции). Это означает предоставление ему/ей возможности подать на конкурс института собственный новый проект или же, если проект не будет защищен перед комиссией, возможности до пяти лет работать по 0,75 ставки научного сотрудника, пока специалист не защитит свой полноценный проект, или не войдет в качестве научного сотрудника в один из имеющихся проектов, или не уволится.

Контракт специалиста, равно как и статус *постоянного научного сотрудника*, разумеется, оставляет возможность подавать от имени исследовательского центра грантовую заявку на внешнее финансирование. Исследовательские центры также могут иметь опции для аспирантов, в том числе для принятия их в состав рабочих групп по временным или продлеваемым контрактам.

Исследовательские центры также должны иметь свой блок PR (эффективный, как, например, в венском Institut Wissenschaft der Mensch) и публикации своих и корпоративных изданий (как в Исследовательском центре изучения Восточной Европы при Бременском университете, Германия). Для некоторых центров возможна позиция сотрудника GR. Важен грантовый департамент, который на систематической основе будет заниматься поиском грантов и других внешних источников финансирования.

Директор научного центра избирается на десятилетний период из числа постоянных научных сотрудников центра (или участников конкурса с сопоставимым статусом и тематической специализацией из других научных центров) на ставку 2 единицы от средней зарплаты научного сотрудника. Он не может занимать позицию более двух сроков подряд. За бывшим директором сохраняется статус постоянного научного сотрудника центра на следующий десятилетний срок.

Выражение «научная школа» в этих условиях в значительной степени лишается смысла, и мне лично оно кажется уходящим. В своей академической карьере я видел примеры не более трех серьезных научных школ, которые были связаны с именами серьезных ученых и хороших организаторов. Главным образом их активное развитие шло за счет приглашения большого числа аспирантов. Как складывание, так и работу таких школ предсказать невозможно. Но эти три школы, несмотря на то что они как минимум на треть готовили в итоге посредственных специалистов и раздували число аспирантов, как таковые я оцениваю положительно.

2

На мой взгляд, четыре пятых представляемых даже в научных журналах первой линейки текстов имеют крайне низкую науч-

ной ценностью и нужны исключительно их авторам для отчетов по грантам, кандидатским сочинениям и другим обязательствам. Подавляющее большинство случаев из этих четырех пятых (в наших гуманитарных дисциплинах) — это повтор того, что уже сказано (и недавно) в другом месте и в другое время (возможно, на другом языке) с использованием какого-то своего «материальчика», который был найден в ходе *проектной деятельности*. В лучшем случае их можно использовать как иллюстративный материал к уже отмеченной в первоисточнике магистральной тенденции.

При этом *проектная деятельность*, о которой мы говорили в ответе на первый вопрос, ведет к тому, что многие аспиранты с трудом, но издают свою кандидатскую диссертацию в виде книги (она все-таки писалась в основном в аспирантуре), но испытывают огромную трудность со второй книгой, которая должна раскрыть их уже как сложившихся специалистов. Хорошая книга пишется на основе систематических исследований и в спокойной обстановке, позволяющей сконцентрироваться только на ней, а не разрываться между чтением лекций, административной деятельностью и сотрудничеством в нескольких проектах.

Систематическая работа в определенной научной области с накопленными и систематически собираемыми материалами не только способствует более полноценному использованию этих материалов, но и позволяет глубже их анализировать, знать литературу по теме и вписывать свои тексты в контекст исследований темы. К сожалению, ныне создалась стандартная ситуация, когда большая часть *проектных текстов* тратит полторы страницы на пересказ Бурдьё и Фуко, кратко упоминает пару предшественников, разрабатывающих тему, из тех двадцати, кто реально об этом писал, а потом дарит откровения о том, что автор почитал архивный фонд, или два сайта, или посетил монастырь или село и там обрел вожаемое знание, как работает такой-то механизм социальной связи, который якобы репрезентирует то-то и то-то. То, что эти впечатления могут измениться при знакомстве со схожими, но другими объектами (например, еще пятью религиозными общинами, действующими под общим «лейблом» религиозной конфессии) и выводы надо делать за счет анализа множественных и разнообразных источников (дополняющих тот же архивный фонд), авторам подобных текстов, быть может, и ведомо, но в практику это знание они не воплощают.

Есть еще пара великолепных способов уничтожить результаты уже настоящей научной работы.

Во-первых, издаться в коллективном сборнике, вместо того чтобы издавать книгу. Сборники эти, как правило, никто

не читает, особенно изданные в малотиражных и малоизвестных издательствах. Автору придется серьезно «пиарить» статью, чтобы она попала на глаза хотя бы двадцати-тридцати специалистам, которые заинтересованы в данной теме. Издаются сборники в основном на грантовые деньги и являются результатом как раз *проектной деятельности*. По мне, это на 80 % абсолютно бесполезные и быстро устаревающие издания.

Во-вторых, автор может небрежно (т.е. без реальной научной редактуры и плохо с точки зрения письма и оформления) опубликовать книгу в малоизвестном, но знакомом ему издательстве. Например, одного из региональных российских университетов. А потом заниматься раздариванием выкупленной части тиража по опять же двадцати знакомым специалистам.

В этом отношении мне кажется, что редакции журналов, где редакционный портфель формирует редколлегия во главе с компетентными и знающими, чего они хотят, редакторами, делают куда более интересные издания, чем редакции тех, которые выходят в режиме peer review. Сам многократно был рецензентом и проходил рецензии, и потому знаю, что в последнем случае редакция часто принимает заведомо слабые работы к рассмотрению и скидывает их рецензентам на съедение, чем отвлекает их от дел. Вместе с тем есть слой средних по качеству работ, которые рецензенты начинают обставлять условиями доработки, которые могут показаться чрезмерными и редколлегии (просто решившей, что их слишком много и лучше в публикации отказать), и самому автору (у которого, например, просто нет материала для доработки по таким замечаниям или нет времени и сил, чтобы полностью переработать статью и удовлетворить все пожелания коллеги). Это приводит к утере некоторых текстов, которые могли быть интересны. Но главное в «редакционных» журналах, что они заказывают статьи авторам (которые, по их мнению, сильны), мотивируют их и несут ответственность за публикацию статьи. Тем самым слабые авторы остаются не у дел, средние тексты могут в доработке с хорошим редактором улучшиться, а качество журнала растёт.

Основные изменения за последние годы, кажется, состоят в том, что, несмотря на развитие интернета (а может, и благодаря ему), научное поле распадается. Значительная часть качественных научных журналов и книг не лежат в интернете в открытом доступе, а в библиотеки научная публика перестала ходить, довольствуясь случайным поиском в сети (или даже пусть в Academia.edu и на других похожих ресурсах). Критики уже даже не пишут, что автор статьи или книги не читал и не ссылается на много важных текстов предшественников. Переизбыток вторичной по качеству научной литературы и ее

необязательность заставляют многих авторов игнорировать то, что уже написано коллегами. В том числе статьи и монографии, заслуживающие цитирования в обязательном порядке. Особенно это характерно для иностранных авторов, пишущих на темы истории или о современном постсоветском пространстве, которые стараются игнорировать русскоязычных авторов, пишущих на те же темы (особенно в журнальных публикациях или сборниках).

То есть специалисты по какой-то относительно узкой теме, включенные в среду таких же исследователей, существующую в глобальном мире, примерно знают других исследователей и время от времени встречаются с ними на конференциях, однако буквально шаг в сторону — и в соседней области сформировался свой круг, который слабо связан с этим. Журналы, которые должны состыковывать круги, существуют, но их роль, как мне кажется, за двадцать лет упала по изложенным выше причинам. В лучшем состоянии научные издательства, публикующие монографии и сборники, и система книжной торговли специализированной гуманитарной литературой. В России они переживают расцвет и бум именно потому, что значение журналов уменьшилось, а авторы осознали необходимость публикации монографий (или тематических сборников) для представления своего знания.

Другим изменением для РФ и стран постсоветского пространства стало введение наукометрических показателей, о которых говорится ниже.

3

Наукометрические показатели на постсоветском пространстве превратились в чистое зло, подавляющее реальную научную деятельность. Несколько лет назад я по контракту оценивал истфак ведущего вуза одного не самого бедного центрально-азиатского государства. Кафедры представили списки публикаций своих сотрудников, и меня удивило, что практически все они были сделаны в ранее мне неизвестных голландских, польских и чешских журналах. Причем буквально в трех-четырех. И что более удивительно, все публикации были объемом 3–4 страницы. Когда я попросил принести мне тексты публикаций и обнаружил, что все это можно назвать в лучшем случае тезисами на общеизвестные темы («Методика интервьюирования» или «Вклад (президента страны) в укрепление ее международного положения»), я поинтересовался, почему такой странный объем для работ историков. Мне бойко ответили: «А с нас больше и не спрашивают». (Должен сказать, что только кафедра археологии там отличалась (частично) нормальными публикациями, преимущественно в российских или украинских журналах.) Ректор университета (химик), с которым удалось

встретиться, не видел в этом никакой проблемы и настаивал, что рейтинг факультета по базе Скопус достаточный для требований Министерства (возглавляемого «технократами»), а значит, факультет работает хорошо. Собственно, с того момента я оценил, почему мне на почту валяются такие невероятные объемы рекламы скопусовских изданий, равно как почему несколько ценимых мною московских научных журналов уже несколько лет публикуют исключительно плохие и чрезмерно короткие статьи докторов наук со всего постсоветского пространства. Требование министерствами публикации в скопусовских изданиях для всех преподавателей просто создало гигантский рынок научных фальшивок, подменивший собой нормальные честные немногочисленные публикации, которые, возможно, могли бы подготовить эти преподаватели раз в два-три года. Сказано об этом уже немало и лучше, чем я могу написать тут. И именно это заставило меня в начале ответов на вопросы анкеты сказать: исследователи должны быть выведены из состава преподавателей, а преподавателей не надо заставлять заниматься наукой. Они теперь вроде учителей в старой школе — должны пытаться дать студентам хоть какие-то знания.

В Германии в гуманитарной сфере Скопус и аналогичные банки публикаций, насколько я знаю, не применяются. От коллеги из США и Великобритании я не слышал, чтобы они когда-либо интересовались своим или чужим рейтингом в таких базах. А для рассмотрения кандидатуры человека на ту или иную позицию им пока достаточно списка публикаций и рекомендательных писем.

Что до реальных исследований и исследователей, то мне в CV человека сразу бросаются в глаза следующие пункты: наличие или отсутствие монографии(ий), место ее/их публикации (т.е. насколько престижно издательство), где автор публикует статьи и как часто (в сферах, которые я знаю, есть примерно 20 топовых журналов), публиковался ли он в сборниках, которые стоят на моей книжной полке или, судя по названию, должны на нее попасть. Думаю, если раз в пять-десять лет дирекция университета или министерства будет нуждаться в оценке деятельности исследовательского центра, она могла бы, как и прежде, назначать комиссию из ученых — специалистов в этой или схожих сферах. А для текущего мониторинга можно раз в год собирать с сотрудников информацию о публикациях и прочих видах научной и научно-просветительской активности. Скорее всего, эти отчеты никто никогда реально не смотрит, но если что, сердце академического или министерского чиновника будет ими успокоено. Все равно администраторы университетов не понимают и не могут понять специфику публикаций в конкретной дисциплине.

НИКИТА ПЕТРОВ

1

Первое, что приходит на ум, это метафора автобусных маршрутов для жителей небольшого города. Новый грант, новая институция — другой маршрут, где ты время от времени встречаешь знакомых людей, а незнакомые быстро становятся знакомыми. Причем действие происходит в знакомом и небольшом городе, где все жители говорят на разных языках, но хорошо понимают друг друга. Вероятно, это обусловлено спецификой тех областей знания, которые входят в сферу моих интересов. Заочное знакомство с условно новыми коллегами быстро перерастает в коллегиальное партнерство. Трансфер из институции в институцию — это закономерное развитие науки и преподавания, но при этом точкой идентификации исследователя часто остается *alma mater* и научная школа. Сейчас наблюдается такая тенденция: объединение ведущих научных центров из разных институций для создания временных мегалабораторий (срок работы такого образования — примерно 5 лет). Базовой в российских условиях оказывается зонтичная тема, в рамках которой отдельные дисциплины (и ученые) занимают свои ниши. Главное в таком развитии науки и преподавания — коллегиальность, а твои научные результаты можно уточнить в рамках свободной дискуссии.

2

Научная работа — это долговременный процесс, работа может длиться годами, а оценка результата появится еще через некоторое время. Промежуточные результаты во многом носят тезисный характер и в целом характер заявления о работе, но не показывают ее результат. Меня несколько лет назад поразило рост числа тезисов в публикациях, своих и коллег, как формы публикации. Зачастую это наброски и черновики будущих научных статей, многие из которых так и не были реализованы в виде большой работы. С одной стороны, это неплохо — тезисы формируют своего рода исследовательский архив, к их доработке до полноценной

Никита Викторович Петров

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ /
Московская высшая школа социальных и экономических наук /
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
nik.vik.petrov@gmail.com

публикации можно всегда вернуться. С другой — обилие черновых публикаций расширяет поле поиска, в котором сложно сориентироваться. Подборки работ, которые необходимо прочитать, составляют гигабайты на жестком диске, успеваешь только просмотреть основные работы, остальные оказываются в слепой зоне. Сказанное напоминает идеи в “Ordo amoris” Макса Шеллера: горизонтальный порядок парадоксально приводит к нивелированию вертикальной истины. А краткий ответ на вопрос, заданный редакцией «АФ», полностью иллюстрирует тезисный стиль, о котором я писал выше.

3

«Скопусомания» еще несколько лет назад приводила, прежде всего молодых ученых, к мысли о том, что надо во что бы то ни стало опубликоваться в соответствующих журналах, входящих в нужные базы данных. Критерии успешности выводились из количества таких публикаций: 5–10 за пять лет — значит ты соответствуешь роли руководителя большого гранта типа РФФИ. Постепенно новые журналы входят в базы данных, авторы отчитываются по грантам (сконструируем строчку воображаемого отчета: «Опубликованы 10 статей в журналах, входящих в WoS и Scopus»), грантодатели корректируют формальные критерии, необходимые для подачи на грант, авторы публикуются... И как закономерный результат этого процесса — система оценки результатов научной работы, выстраиваемая несколько лет, легко рушится. Наверное, все заметили, что следующий шаг в наукометрии — учет квартилей журналов, где автор публикуется, — это своего рода костыли, чтобы хоть как-то урегулировать нескончаемый поток публикаций, качество которых отнюдь не гарантируется формальным уровнем журналов. Вероятно, в течение ближайшего времени эта система привязки журналов к базам данных обесценится.

В связи с этим возникает вопрос о профессиональном аудите качества научной работы коллег по цеху. Такой аудит возможен, если создать базу независимых экспертов из профильных лабораторий и научных центров, за каждым из которых будут закреплены определенные поля знаний. Реализация этой задумки относительно проста: надо запустить циркулярное письмо об экспертах на адреса зарекомендовавших себя научных центров, собрать пул имен специалистов, разместить полученные данные в виде тематического указателя на сайтах профильных журналов и организаций. Теперь, когда необходимо будет произвести оценку результатов, достаточно будет обратиться к тому или иному эксперту. Базу данных необходимо пополнять и следить за ее актуальностью, оплачивать работу экспертов — этот проект мог бы вполне быть поддержан многолетним грантом.

ЖАКСЫЛЫК САБИТОВ

Я политолог по образованию, основное направление научных исследований — средневековая история Казахстана (X–XVIII вв.) и междисциплинарные популяционно-генетические исследования этногенеза тюркских народов. По долгу службы я довольно часто общаюсь с коллегами из России, хотя, конечно же, не знаю всех деталей изменений в российской научной сфере. На мой взгляд, нет однозначных позитивных или негативных изменений. Действительно, ученые в разных науках, научных учреждениях, странах и городах неодинаково видят процессы трансформации, которые затронули научную сферу как мира в целом, так и России в частности. «Золотой век» для одних являлся «застойным периодом» для других. При этом Казахстан уже давно имеет собственный уникальный опыт трансформации научного ландшафта, особенно за последние десять лет. Ниже я постараюсь более детально ответить на вопросы «Антропологического форума», акцентируя внимание на опыте Казахстана как в социально-гуманитарных, так и в других науках.

1

До 2011 г. Казахстан жил в рамках институциональной инерции советского прошлого. Единственным кардинальным изменением в период до 2011 г. была ликвидация Национальной Академии наук как главного драйвера развития казахстанской науки. Академия наук Казахской ССР возникла в 1946 г. на основе Казахского филиала АН СССР. В советский период президент Академии наук в неформальной табели о рангах считался вторым человеком в республике. Так, в 1952–1955 гг. президентом был Динмухамед Кунаев, который после этого, в 1960–1962 и 1964–1986 гг., стал первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Казахской ССР. В 1974–1986 гг. Академию наук возглавлял его брат Аскар Кунаев. В 1990-х гг. в академии появилась широкая оппозиция президенту Казахстана Н.А. Назарбаеву. Учитывая сильный авто-

Жаксылык Муратович Сабитов

Национальный центр
государственной научно-
технической экспертизы,
Астана, Казахстан
babasan@yandex.kz

ритет академии в тот период, руководство республики приняло ряд мер для борьбы с ней. Академия лишилась статуса и стала «общественной организацией». В 1996 г. она к тому же была объединена с Министерством науки. В 1999 г. их разъединили, при этом все академические институты, которые прежде относились к Академии наук, стали принадлежать новому министерству. Однако в других научных сферах изменения не были столь глобальными.

В 2011 г. был принят новый закон о науке, который реформатировал все правила игры, существовавшие ранее. Эпоха стабильных солидных организаций закончилась. Появились три вида финансирования: базовое, грантовое и программно-целевое. Базовое выделялось для инфраструктурных затрат, а также для зарплат административно-управленческого и технического персонала. То есть зарплаты для научных сотрудников не предусматривались, их могли выплачивать лишь в том случае, если научные сотрудники выигрывали грантовое или программно-целевое финансирование. Эти два вида финансирования распределялись следующим образом: сначала научные проекты получали независимую оценку от трех анонимных рецензентов, затем на основе этих баллов национальные научные советы (ННС) решали, каким проектам дать финансирование, а каким нет. Вплоть до конкурса 2018–2020 гг. распределение грантового и программно-целевого финансирования зависело целиком и полностью от ННС. И часто на то, кому выдадут грантовое или программно-целевое финансирование, могли влиять ненаучные моменты. При этом программно-целевое финансирование можно назвать «большими грантами». В таких условиях все ученые, в том числе представители социальных и гуманитарных наук, фактически оказались «в зоне турбулентности». Неполучение гранта вело к уходу либо в другую профессию, либо в преподавание в университете, при котором на науку времени просто не оставалось.

Можно привести пример Института истории и этнологии (главного научного исторического института Казахстана), расположенного в Алматы. В 2016 г. его общий бюджет составил около 54 млн тенге (около 11 млн руб.). 51 из 59 сотрудников занимали научные позиции, поэтому не получали зарплаты из базового финансирования. 30 из 54 млн тратились на инфраструктуру и зарплаты административно-управленческого и технического персонала. Оставшиеся научные сотрудники (51 чел.) получали на всех около 24 млн тенге, т.е. 40 тыс. тенге (8000 руб.) в месяц. Для главного научного исторического учреждения страны это очень низкий объем финансирования. При этом в том же году full professor из Назарбаев университета получил за год около 54 млн тенге — такую же заработную плату, что и 59 сотрудни-

ков Института истории и этнологии. Справедливости ради надо отметить, что объем финансирования в государственных НИИ может быть разным и всецело зависит от социальных связей директора института, который для получения финансирования должен крутиться как белка в колесе и большую часть времени проводить в «коридорах власти» в столице Казахстана.

Безусловно, окончание гранта или проекта ведет к распаду команды и уходу части сотрудников в другие организации. В случае Казахстана такая мобильность привела к тому, что начался отток научных сотрудников из НИИ в университеты, где финансирование гораздо более стабильное. Поэтому многие научные центры, которые находятся вне университетов, в новых условиях стагнируют, за исключением тех случаев, когда директор НИИ с помощью широкой социальной сети знакомств выбивает большой бюджет для организации в рамках программно-целевого финансирования или государственных заданий. Таким образом, научные школы, которые существовали до 2011 г. в неуниверситетских НИИ, сегодня либо уже перестали существовать, либо находятся в «академической коме», периодически подавая признаки жизни.

2

Отвечая на второй вопрос, стоит отметить несколько разных аспектов. Один из них — относительно низкая производительность казахстанских ученых. Так, в 2015–2017 гг. грантовое или программно-целевое финансирование от Министерства образования и науки получили 1800 проектов. Если посмотреть результативность этих проектов, то окажется, что их руководители опубликовали только около 600 статей (по данным Web of Science) с указанием номера гранта за все три года реализации проекта. Средняя «стоимость» (соотношение финансовых затрат на одну статью) статьи из базы данных Web of Science в рамках этих проектов составила 100 млн тенге (20 млн руб.). Это вызвано несколькими причинами. Во-первых, низким научным уровнем части казахстанских ученых. Такие люди имитируют развитие науки, а не развивают ее. К примеру, судя по научным отчетам, руководители нередко отчитываются статьями, которые не имеют никакого отношения к проекту. Работая в составе комиссии по проверке шести научных организаций в 2017 г., я обнаружил, что одной и той же статьей в хорошем журнале отчитались три организации из шести. Причем ни один из соавторов статьи не был штатным сотрудником данных НИИ. В лучшем случае некоторые из них выполняли какие-то мелкие работы в рамках проекта, имея при этом зарубежное гражданство. Позже я видел эту же статью в отчетах еще нескольких проектов. При проверке одной программы также выяснилось, что большая часть авторов, чьими статьями отчитались ее руководители, об этом даже не знали и, более того, не получали

по этому проекту зарплату. Обычно такие девиантные паттерны поведения характерны для руководителей старшего поколения, которые ругают «скопусы», считая, что публикация статей в зарубежных журналах приведет к «утечке государственных тайн за рубеж». Часть руководителей этой категории являются постоянными потребителями услуг «хищных журналов».

Руководители исследований в области естественно-технических наук выбирают более изящные формы имитации. Так, в «продвинутых научных организациях» с большими бюджетами часто встречаются случаи покупного соавторства, когда сотрудник, пользуясь административным положением, выплачивает из бюджета своей организации большую сумму зарубежным исследователям, после чего становится их соавтором в действительно сильных или средних статьях, таким образом искусственно увеличивая свой индекс Хирша и другие наукометрические показатели. Также существует практика административного соавторства, когда сотрудники обязаны включать в число соавторов своих начальников, хотя те не внесли никакого вклада в лабораторную работу и написание статьи.

Сильные же ученые стараются не использовать такие механизмы имитации. Они обычно весьма продуктивны, и их новые научные исследования часто продолжают предыдущие. При этом, становясь руководителями, они хорошо адаптируются под жесткие требования новой системы. Иногда доходит до казусов, когда грантовое финансирование еще не получено, но уже выходят серьезные научные статьи с номером этого гранта. Руководители из этой категории нередко имеют много разных грантов (не только государственных), что заставляет их «жонглировать» своей научной продуктивностью. Так, научные статьи, написанные в рамках одного проекта, делятся на все существующие проекты, и, указывая номера разных грантов в разных статьях, руководитель успешно отчитывается по всем проектам. Таких продуктивных «жонглеров» часто зовут на ставку или полставки в научную организацию, зная, что он напишет за три года хотя бы одну статью в рамках проекта без дополнительного финансирования и тем самым требования будут выполнены и отчет будет хорош.

В итоге к 2020 г. научная политика привела к тому, что стала вырисовываться новая табель о рангах ученых Казахстана, в рамках которой появились такие категории, как «простые имитаторы», «изящные имитаторы», «сильные ученые». Если же говорить о социальных и гуманитарных науках, стоит выделить еще группу «академических националистов», которые утверждают, что исследования истории Казахстана, казахской филологии и т.д. неинтересны журналам, входящим в базы данных

Scopus и Web of Science. Также существует очень узкая группа действительно сильных профессионалов (их можно назвать «академическими монахами»), которые не стараются встроиться в новую систему, а производят свою научную продукцию по старинке, вопреки «новейшим тенденциям моды», т.е. вместо написания двух-трех статей в журналах, входящих в базы данных Scopus и Web of Science, пишут монографии и не стремятся получать государственные гранты.

В целом же новая система заставляет быть более мобильным. Там, где теоретически можно написать одну сильную статью, в итоге выходят две статьи послабее, т.к. руководство часто требует количественные, а не качественные показатели. Новая система управления наукой Казахстана привела к тому, что среди представителей естественно-технических наук распространилось правило, которое можно охарактеризовать фразой: «Покажи мне свой Скопус Ай-Ди, и я скажу кто ты». При этом «сильные ученые» стараются отмежеваться от «изящных имитаторов», упрекая их в несостоятельности: «Он — мистер Четвертый Квартиль» (все его статьи в слабых журналах четвертого квартеля), или же: «О чем с ним говорить, у него нет ни одной нормальной статьи первым или корреспондирующим автором».

3

В 2011 г. в Казахстане стартовал новый этап развития науки. Научные степени кандидата и доктора наук были упразднены годом раньше. Для того чтобы получить степень PhD, стало необходимо опубликовать хотя бы одну статью в журнале, входящем в базы данных Scopus и Web of Science. Из эпохи перепроизводства научных степеней мы вступили в эпоху дефицита научных степеней, в которой наукометрические показатели с каждым годом играют все большую роль.

При этом идет сопротивление «старых академиков», которые не боролись против наукометрических показателей в 2011 г., когда их ввели как обязательный индикатор для докторантов. После этого наукометрические показатели совершили серьезную экспансию в другие научные сферы. Так, в 2017 г. Министерство образования и науки (МОН РК) решило ввести пороговые показатели для всех желающих участвовать в распределении грантового и программно-целевого финансирования. Было объявлено, что в конкурсе на гранты имеют право участвовать только ученые, имеющие минимум две статьи в журналах, входящих в базы данных Scopus и Web of Science. Правда, спустя две недели МОН РК отменило это требование под давлением лобби «академиков», которые смогли убедить отца министра МОН РК (бывшего президента Академии наук в 1994–1996 гг.) в том, что эти требования «от лукавого». Но начиная с конкур-

сов 2019 г. наукометрические требования к участникам конкурсов возрастают. При этом для представителей социальных, гуманитарных и военных наук сделаны послабления, вызванные как спецификой этих наук, так и нежеланием получить сильную оппозицию со стороны «академических националистов».

Если говорить про отношение к наукометрии как главному и/или единственному способу оценки научной работы, то здесь у меня двойственное мнение. Действительно, в гуманитарных науках главная единица производства научной продукции — это монография. Поэтому у сильных историков часто нет высоких показателей цитирования или большого числа статей в базах данных Scopus и Web of Science. Но при этом нормальный историк может перестроиться в соответствии с новой системой и начать работать в рамках новых правил. Для гуманитарных наук важен еще язык академических текстов. Так, сильные гуманитарии, которые пишут на казахском, обрекают себя на «100 лет академического одиночества», т.к. ученых их уровня мало, а читающих на казахском языке еще меньше. Русский язык тоже выступает как ограничитель. Если сравнить ученых, писавших на русском и английском языках, то можно увидеть, что историк-корифей, писавший свои книги и статьи на русском с 1980-х гг., имеет схожие наукометрические показатели с ученым из той же сферы, который пишет примерно о том же с середины 2010-х, но на английском.

Наукометрию можно сравнить с ЕНТ (аналог ЕГЭ в России) в образовании. Данную систему можно заслуженно ругать, но лучше нее пока ничего не придумали. Если рассматривать наукометрию в контексте гуманитарных наук в целом и в истории в частности, то думается, что наукометрия не должна быть единственным методом измерения уровня ученого и его научной продукции. Высокие наукометрические показатели зачастую говорят о соответствующем уровне ученого-гуманитария, но их отсутствие не свидетельствует о его научной несостоятельности.

Для оценки представителей гуманитарных наук нужен аналог творческого экзамена, когда специальная комиссия будет оценивать все мастерство гуманитария. Однако здесь мы столкнемся с одной инфраструктурной трудностью. В реалиях Казахстана на результат творческого экзамена может повлиять много вненаучных факторов. И в случае слабого научного сообщества и большого числа слабых ученых в комиссии творческие экзамены часто будут необъективны. Поэтому только путем комбинации двух систем измерения научного уровня ученых можно получить хорошо аргументированную оценку для представителей гуманитарных наук. Но необходимо четко понимать и осознавать достоинства и недостатки двух систем оценивания.

МАРИНА ХАККАРАЙНЕН

Одна моя коллега, университетский профессор, как-то сказала, что не хотела бы сегодня начинать академическую карьеру. Глядя на студентов, особенно уехавших в «большой мир», она думает, что просто физически не выдержала бы этой гонки — бесконечной подачи на гранты, перемещения из одного проекта в другой, переезда из одной страны в другую. Строить академическую карьеру стало труднее... Действительно, за последние годы академическая жизнь сильно изменилась. Не знаю, стало ли намного тяжелее работать — в любые времена есть свои сложности и возможности, но то, что навыки построения академической карьеры и ведения академической жизни прошлых времен сегодня теряют ценность и эффективность, это безусловно. Мы стоим перед фактом, что изменения происходят, и они, на мой взгляд, должны происходить. Но важно понимать, что за такими изменениями стоит и что мы от них хотим и можем получить.

Прежде чем перейти непосредственно к конкретным вопросам «Форума», я бы хотела поставить нынешние изменения, происходящие в институциональном устройстве науки, в более широкий контекст современных политэкономических процессов. Мне всегда казалось, что университеты до последнего держались как острова внерыночной экономики в океане всеобщей коммерциализации. Производимое ими знание являлось мостами, объединяющими прошлое, настоящее и будущее. Знание это было, конечно, исторически-социально-культурно-политически обусловлено, но в идеале оно стремилось быть независимым от сиюминутных оценок, претендуя на отличную от повседневной темпоральность. Эти мосты знания если не вечны, то хотя бы внеформационны. И далее мы уже находим возможность строить ситуативно-полезные конструкции здесь и сейчас на этих крепких платформах-мостах. Но и в будущем это знание может пригодиться

Марина Валентиновна Хаккарайнен
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
marina.hakkarainen@gmail.com

тем, кого мы пока не знаем, но о ком все-таки заботимся. Ведь идеи о богатстве народов Адам Смит оставил на поколения вперед, и мы ими пользуемся до сих пор.

С точки зрения организации у старой академической системы есть достоинства. Она отличается стабильностью: каждый знает в ней свое место и перспективы и работает на них. Я знаю, что в этнографии эту систему принято кулуарно критиковать за то, что она позволяет быть неэффективным — «топтаться на одном месте» в теории, писать «об одном и том же» много лет, создавать «описательные» работы, в то время как от эффективных ученых ждут аналитики, вклада в теорию и вообще больших открытий. Но, на мой взгляд, это недооценка необходимой деятельности, без которой прорыв в великие открытия и теории был бы невозможен. Открытия возникают лишь тогда, когда все «слои» научного знания производятся, накапливаются и работают вместе в разных жанрах и устно, и письменно. Нельзя утверждать, что прежние «стабильные и солидные» структуры не имеют недостатков. Они слишком рьяно охраняют знание и тех, кто его производит, от внешнего мира, делают академическое сообщество слишком закрытым, иерархичным и ригидным, отгораживаясь от мира «обычных людей» своей элитарной ролью создателей вневременного. Неолиберальная идеология упразднила вневременное знание, прикрепив научную деятельность к насущным проблемам сегодняшнего дня. Следствием этого стали изменения в университетских структурах по всему миру. Волна университетской реформы смывает добротные построенные мосты, заменяя их на гибкие структуры, восприимчивые к неолиберальным ценностям и чувствительные к динамике рынков. А рынки капризны.

Мне трудно судить об устройстве науки на базе РАН — я никогда в этой системе не работала. После аспирантуры я до последнего времени работала в Финляндии. В Финляндии с ее социал-демократическими традициями до недавнего времени гарантом работы академической системы было государство. Государство и общество через налоговую систему «скидывались» на поддержание университетов, предоставляя им при этом академические свободы. Общество признавало, что должна быть такая независимая сила, как университетская, академическая среда, оно доверяло университетам, считая, что те сами могут позаботиться и о своем устройстве, и о своей деятельности без вмешательства внешних сил. Между тем мировые тренды в академической жизни положили конец доверию университетам и подвергли «безграничную власть профессоров» критике. Началась долгая университетская реформа. В результате реформы университеты постепенно вступали на путь проектов и рыночных отношений. Я начала свою исследовательскую карьеру

в проектной системе и хочу поделиться своими впечатлениями. Мне повезло работать с Лаурой Ассмус, ныне профессором социальной политики в Университете Восточной Финляндии. Она не сразу, но сумела создать слаженную исследовательскую команду, с которой выполнила много проектов. И это постоянство исследовательской группы было плюсом. В рамках такого постоянства проектная система мне представляется гибкой и эффективной организацией работы над определенной темой. Но как нестабильная / краткосрочная организационная структура она порождает много проблем, системно отражающихся во всех сферах научной деятельности. Остановлюсь на тех, которые считаю важными.

Проектная система, которая следует за неолиберальными ценностями и рынком, разрушает академические солидарности. В проектах работают разные специалисты: руководители, среднее исследовательское звено, младшее исследовательское звено — студенты, администрация, компьютерщики и даже работники кафе. Одни из них формально видны в проекте, другие скрыты, но в идеале все они должны непредвзято и совместно работать над проектами для их успешного осуществления. Однако по факту часто оказывается, что у каждой из этих партий есть свои жизненные задачи и интересы, своя профессиональная этика, которые могут входить в противоречие. Исследовательские проекты, которые обычно выполняются на базе университетов, университетской администрацией могут восприниматься как нечто чужое, как дополнительная нагрузка, мешающая текущей жизни учреждения и отвлекающая офис от основной деятельности — обеспечения учебного процесса. Кроме того, проекты все разные, их много и поэтому их трудно обслуживать. Для своего удобства административные работники стремятся их как можно больше формализовать и унифицировать. Исследователи среднего звена работают, как правило, в нескольких проектах. Они находятся в постоянном поиске более денежных проектов или постоянного места. Это и понятно: в проектной системе они имеют основную исследовательскую нагрузку, но оказываются самой уязвимой группой профессионалов, остающейся после окончания проекта «без выходного пособия». Студенты могут отложить учебу или бросить проект. Профессор — руководитель проекта — должен все эти группы координировать, поддерживать эффективность их работы и одновременно приносить университету все больше и больше дохода, организовывая новые проекты и их финансирование. Собственно исследовательская работа в проекте для его руководителя кажется уже несбыточной мечтой. Кроме того, у каждой из этих партий есть свой порядок работы и профессиональный кодекс. Рабочее законодательство и администрация

не признают свободный график исследовательской работы. Поэтому, несмотря на специфику, исследователю каждый месяц приходится заполнять таблицу человеко-часов, причем не по факту работы, а формально. Кроме того, администрация часто подозревает, что «научники» злоупотребляют средствами, не смотря на то что проекты обычно используют собственные деньги, которыми сами распоряжаются и из которых сами платят университету за организационную поддержку по полному тарифу. Исследователи, в свою очередь, искренне не понимают, зачем им нужно отчитываться по количеству человеко-часов, когда им все равно заплатят ровно столько, сколько назначено, — сверхурочных не будет. К проектным средствам они, как правило, относятся расчетливо и бережно, т.к. от этого зависят их поездки и исследовательские возможности в поле. Их не очень интересуют формальные правила использования денег, и они удивляются недоверию и бюрократическому контролю со стороны администрации. Список противоречий между участниками внутри проектной системы можно продолжить.

Кроме того, в последнее время процветает «академический тейлоризм», в котором наукометрическая «научная организация труда» дает сбои. Многие коллеги-исследователи рассказывают, что от них требуют все больше и больше результата — лекций, статей, выступлений (академических и для широкой публики), заявок на проекты. Деятельность исследователей регулируется не столько офисными нормами и трудовой дисциплиной, сколько профессиональной этикой и меритократическими дискурсами. В результате у них ненормированное рабочее время, нет границы между работой и отдыхом, и при этом они испытывают чувство вины, если не успевают «сделать все». Написание бесконечных проектов-заявок на предложенные фондами темы и университетские позиции выматывает и не оставляет места ни для личной жизни, ни для более глубокого осмысления того, что уже было сделано. Преподавание сверх меры не оставляет времени на публикацию статей, что подрывает профессиональный рейтинг. Обладая знаниями, но оказавшись «не у дел», они ищут возможности институционализации своих знаний, борются за то, чтобы выжить в качестве академического работника, переходят из проекта в проект, переезжают из одного места в другое, а те, кто не преуспел в этом, уходят из академии в другие отрасли или пополняют ряды прекариата. Профессора тоже находятся в трудном положении. Подгоняемые профессиональной этикой и меритократическим дискурсом, они завалены бесконечным количеством работы, которая становится угрозой для здоровья. Университеты при этом ведут себя как завязанные капиталисты, которые управляют работниками при помощи

срочных контрактов, бюрократизированных способов контроля и этического дискурса о правомерном использовании денег налогоплательщиков. «Академический тейлоризм» порождает усталость, неуверенность в завтрашнем дне и фрустрацию.

Такая система работы, безусловно, порождает и большие потери общественных ресурсов. Говорят, что ориентированные на рынок предприятия стремятся к оптимизации ресурсов, когда избавляются от лишних сотрудников. Но то, что в отдельно взятой фирме является оптимизацией, в масштабах общества можно считать растратой. Руководствуясь стремлением получить прибыль, предприятия выкидывают на улицу те трудовые ресурсы, которые для получения прибыли кажутся им непригодными. Иными словами, они не допускают к рыночному обмену людей, которые своей деятельностью могли бы внести вклад в общественную жизнь. При этом создается иллюзия, что рынок — это единственное место обменов. В проектной академической системе стало происходить то же самое с тех пор, как она вступила на путь упорядочения своей деятельности при помощи «свободного рынка». Потому что проектный порядок — это выход на рынок, когда фонды и университеты по сути покупают работу исследователей, обменивая обещанный в заявке на проект результат на оговоренную сумму. Расплачиваясь, они завершают контракт. Обмен закончен, стороны уже ничего не должны ни друг другу, ни миру.

В результате обещанное знание в форме курсов, выступлений, статей формально вырабатывается. Проектные материалы оседают и в личных компьютерах, и в архивах. Университеты стараются задержать проектные наработки в своих стенах в качестве выработанного / полученного товара. Но система коротких проектов не учитывает, что главными наработками являются люди и команды. Поланьи писал в своей «Великой трансформации» о людях, занятых в производстве: «[М]нимый товар под названием “рабочая сила” невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность» [Поланьи 2002: 87].

Наука, как и любая другая человеческая деятельность, это не столько знание само по себе или отчужденное знание на продажу. Наука — это становление людей и общества через знание. Люди собираются в проекты, мобилизуют свои навыки, умения, образование, способности, эмоции, организуют под проекты свою жизнь. Кроме того, они собирают материал, мобилизуя других людей. По окончании проекта большая часть проектных результатов, куда входят и квалификационные наработки иссле-

дователей, и отношения участников, в дальнейшем могут оказаться разрушенными.

Перед научным сообществом стоят три задачи, которые нужно решать в сегодняшних условиях. Первая — люди, вторая — способы презентации научной работы, третья — валидизация научного знания. Какие перспективы у проектной работы? Я думаю, что она может дать хорошие результаты за счет своей гибкости, компактности и стремления к децентрализации работы и результатов. Но сейчас, на мой взгляд, ей часто не хватает лучшей интегрированности в стабильные структуры. Ей также часто не достает большей слитности с жизненными траекториями исследователей. Сегодняшняя проектная работа одновременно оперирует в разных реальностях — между формальными процедурами и вдохновением, о котором говорил Макс Вебер. Формально, если фонд дает исследователю стипендию только на полгода работы, то по меркам капиталистического обмена исследователь и должен работать ровно полгода. И что он за это время соберет, что начитает и наберет в компьютере, что доложит на конференции или семинаре, то и идет в отчет. Потом исследователь прерывается на другой проект или преподавание, по которому ему положены деньги на второе полугодие, и начинает все делать снова — собирать материал, начитывать литературу и писать тексты. Даже если темы этих проектов близки по духу или теории, литература по конкретным вопросам обычно различается и нужно выбирать между старым и новым. Времени на все не хватает. В краткосрочной перспективе одного проекта такая работа кажется непродуктивной. Видимые результаты задерживаются или откладываются на неопределенный срок и забываются за новыми проектами. Знание с предыдущего проекта, бывает, застревает только в компьютере и голове исследователя и может никогда не дойти до стадии научной публикации. Но оно успевает найти свое место в выступлениях на семинарах и конференциях, в неформальных обсуждениях, СМИ, лекциях и курсах. И все эти формы работы чрезвычайно важны в качестве научного результата. Более того, сейчас ведется поиск новых форм предъявления научных результатов, причем не только для коллег, но и для широкой аудитории. Во всяком случае мне в качестве исследователя приходилось работать в таких условиях, и я считаю расширение репертуара деятельности исследователя важной частью отчетности. В то же время полученный проект, т.е. выигранный конкурс, обозримый объем работ и конечный результат, всегда вдохновляет. Мы с энтузиазмом начинаем работать в новом проекте с новыми силами, едем в поле, знакомимся с новыми людьми, набираем знания и впечатления. Мы подводим итоги работы в конце проекта: каково

наше продвижение в теме, в нашем собственном развитии как исследователей?

И все-таки не стоит забывать, что академические исследования — это дело долгое. Особенно в тех сферах знания, которые опираются на общение с людьми. И особенно в антропологии. Антропология — «долгая наука», в которой значимые результаты обычно достигаются в результате многих лет работы. Понять разных людей и их взаимодействие, связи, структуры, понять контекст, меняющиеся условия и затем предъявить свое понимание сообществу — все это занимает время. Здесь можно достичь эффективности, если удастся построить цепочку проектов, связанных траекторией развития идеи, фокусировки или расширения темы, накопления материала, развития теории. Важно, когда есть преемственность от одного проекта к другому. Ведь часто бывает, что сделать наработки для крепких статей в серьезных журналах удастся только ко второму или третьему проекту. В связи с этим нужно решать три задачи. Во-первых, необходимо поддерживать людей, выстраивать для них платформы, на основе которых они смогут свободно объединяться в проекты. Это не только университеты, но и другие объединения, обеспечивающие для проектов инфраструктуру. Во-вторых, внутри сообщества нужны независимые эксперты и экспертные структуры, которые обеспечивают оценку научной работы с обратной связью. В этом случае в долгосрочной перспективе проектной работы происходит накопление материала и опыта, переходящих в личную и групповую профессионализацию, что помогает выстраивать длинные линии производства научного знания. Поэтому, как мне кажется, проектная работа дает хороший результат, если она происходит на базе университета на постоянной основе. В-третьих, нужно налаживать диалог и отношения доверия с внешним миром. Иначе наука теряет людей и не заручается поддержкой широкой аудитории. А научные результаты без людей и в изоляции от общества не имеют ценности.

Библиография

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева и др.; под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 311 с.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Каждый раз, когда мне доводится писать заключения к «Форумам», я радуюсь тому, насколько мы все разные: как по-разному мы видим одни и те же вещи, как по-разному на них реагируем. Правда, на этот раз писать заключения проще, чем обычно: тема настолько всех зацепила, пробудила от спячки такие риторические таланты, что мне, кажется, ничего не остается, как просто повторить некоторые высказанные в репликах соображения и украсить их коллажем из цитат.

Не все авторы посвятили свои тексты ответам на вопросы редколлегии, но мы сочли возможным включить все присланные реплики в этот «Форум», т.к. они интересны сами по себе и знакомят читателя с теми аспектами развития науки, о которых многим из нас неоткуда узнать. Я имею в виду прежде всего реплику казахстанских коллег (Бисенова, Медеуова). В каком-то смысле нам есть чему поучиться у Казахстана, пусть и в негативном смысле: нынешние российские реформы науки во многом повторяют те, что были проведены в Казахстане в 2011 г. В частности, интересно, что там система грантового финансирования социальных и гуманитарных наук «привела к тому, что начался отток научных сотрудников из НИИ в университеты, где финансирование гораздо более стабильное <...> многие научные центры, которые находятся вне университетов, в новых условиях стагнируют», а «научные школы, которые существовали до 2011 г. в неуниверситетских НИИ, сегодня либо уже перестали существовать, либо находятся в “академической коме”» (Сабитов). Показательны и те явно незапланированные результаты, к которым привела Казахстан научная политика его правительства за почти десять лет своего существования: «[С]тала вырисовываться новая табель о рангах ученых Казахстана, в рамках которой появились такие категории, как “простые имитаторы”, “изящные имитаторы” и “сильные ученые”» (Сабитов). Или еще: благодаря новой научной

Николай Борисович Вахтин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
nvakhtin@gmail.com

политике «из эпохи перепроизводства научных степеней мы вступили в эпоху дефицита научных степеней» (Сабитов). Это у российских ученых, как кажется, еще впереди, хотя нелюбимая критика казахстанскими коллегами существующих практик «раздувания своего Хирша» руководителями научно-исследовательских институтов и проектов вполне могла бы быть адресована и многим российским руководителям.

Отмечу, что все реплики несомненно достойны того, чтобы их внимательно прочитать. Тем не менее мне бы хотелось особо выделить три: Александра Желтова, Жаксылыка Сабитова и Марины Хаккарайнен. Первому мы должны быть благодарны за то, что он не пожалел времени и фактически представил масштабную и очень интересную статью на предложенную тему; второй и третья знакомят нас с материалом, соответственно казахстанским и финским, о котором мы знаем недостаточно и который во многих отношениях оказывается поразительно похож на более знакомый нам российский.

Как мы и ожидали, в репликах заметно разделение ответов по «научному возрасту» отвечавших: те, кто не работал в науке в советские времена и никакой иной системы, кроме грантовой, не знает, считают, что и в грантовой системе вполне можно крутиться; те, кто постарше, сетуют, что наука-служение превращается на глазах в науку-услугу, а преподавание — в «образовательные услуги»; те, кто еще старше (Сабитов удачно назвал их «академическими монахами»), скорее занимают позицию «мне все эти ваши проблемы вообще не интересны»: на все внешние по отношению к науке вопросы они смотрят «несколько отстраненно» и спокойно занимаются тем, что им интересно (впрочем, порой страстность реплики заставляет усомниться, что автора мало волнует климат, в котором существует наука).

Наверное, тех из нас, у кого есть советский опыт приспособления к невыносимым условиям работы, вообще трудно чем-либо удивить или испугать: мы всякое видели, способны обходить все препоны и рогатки, отлично умеем имитировать выполнение idiotских требований («срочно изобразить этакий невиданный кулбит» — Березович) и при этом делать свое дело. Молодым труднее.

* * *

Большинство приславших реплики отдадут себе отчет в том, что изменения, более или менее синхронно происходящие в государственной научной политике разных стран, — это не каприз и не случайность. «Мы стоим перед фактом, что изменения происходят, и они, на мой взгляд, должны происходить» (Хак-

карайнен). Причина ясна: «[П]еременами в научном мире движут рыночные силы, допущенные к реструктуризации университетов во имя повышения качества и эффективности» (Ковалева); «университеты до последнего держались как острова вне рыночной экономики в океане всеобщей коммерциализации», но «неолиберальная идеология упразднила вневременное знание, прикрепив научную деятельность к насущным проблемам сегодняшнего дня» (Хаккарайнен). Впрочем, не во всех странах причины реформы системы научных исследований лежат в неолиберализме: судя по одной из реплик казахстанских коллег, в Казахстане после крушения советской формы госзаказа была сформирована новая форма отношений государства и науки в ситуации, когда «“науку ради науки” казахстанский бюджет не потянет» (Бисенова, Медеуова).

Другой вопрос — как именно государственные органы в разных странах осуществляют такую реструктуризацию и как научные работники относятся к их действиям. В этой связи интересным кажется вопрос о субъекте (точнее, если воспользоваться лингвистическим термином, каузаторе) этих изменений. Мы нередко описываем ситуацию с помощью неопределенно-личных конструкций — так, как будто субъекта вообще нет: «В науке сейчас *происходит* <...>. Кардинально *меняются* принципы оценки результативности <...> работы современных ученых создаются *под влиянием необходимости* печатать относительно короткие тексты» (Давыдов; курсив мой. — Н.В.). Но ведь эти изменения не сами собой происходят, и принципы не сами собой меняются, и «необходимость» возникает не по щучьему велению: за всеми этими процессами стоит чья-то воля, чье-то решение, чье-то убеждение, что именно такие принципы организации науки и оценки качества научной работы наиболее эффективны. Мы можем соглашаться или не соглашаться с этими решениями, одобрять или не одобрять те или иные изменения, но мы обязаны, мне кажется, высказывать нашу точку зрения и не имеем права на позицию стороннего наблюдателя.

Другие реплики четко обозначают субъект: «“[Н]аучный ландшафт” структурируют прежде всего <...> внешние материальные условия научной деятельности (меценаты, государство, ФАНО, Минобрнауки и т.д.)» (Желтов), — обращая внимание на быстро расширяющуюся трещину между теми, кто делает науку (и преподает в вузах), и теми, кто управляет этим процессом: «Жесткое разделение на АУП (административно-управленческий персонал) и ППС (профессорско-преподавательский состав) <...> приводит к тому, что многие решения принимаются “менеджерами”, не имеющими отношения ни к преподаванию, ни к науке» (Желтов). А «менеджеры» ученым не доверяют, и во многих репликах мы находим этот мотив — мотив

(не)доверия. Прежде финское общество «доверяло университетам, считая, что те сами могут позаботиться и о своем устройстве, и о своей деятельности без вмешательства внешних сил», однако мировые тренды в академической жизни положили этому конец (Хаккарайнен). Деньги ученым платит государство, «и оно страшно боится переплатить, поэтому в соответствии с ленинскими заветами вводит всюду учет и контроль» (Алимов). Ученые «постоянно испытывают недоверие со стороны управляющих, в принципе даже не академических, структур, как в квалификации, так и в благонадежности» (Вьюгин). «Основная проблема постоянного жесткого контроля (или, выражаясь более мягко, стимулирования публикационной активности), на мой взгляд, состоит в разрушении доверия» (Архангельский). Необходима «презумпция доверия» (Желтов). Исследователи, объединенные во временный проектный коллектив, «удивляются недоверию и бюрократическому контролю со стороны администрации» в вопросах расходования собственных грантовых средств (Хаккарайнен).

В общем, «[в]озникающие отношения выглядят как попытка строгих, но справедливых “родителей”-администраторов заставить наконец работать ленивых и косных “детей”-ученых, которые хотят ничего не делать и получать зарплату. Ученые и преподаватели как-то незаметно превращаются из главных действующих лиц процесса в зависимых, постоянно контролируемых “батраков”, “оказывающих образовательные услуги обучающимся” — так сейчас называется процесс преподавания. Но ведь без них не будет ни науки, ни образования» (Желтов).

Почему *они* (АУП) не доверяют *нам* (ППС)? Почему *они* все время боятся, что *мы их* обманем? Эмоциональное и, скорее всего, несправедливое объяснение могло бы звучать «потому что они судят по себе». Думаю, что дело не в этом: дело в самом разделении на «АУП и ППС». И «неолиберальные тенденции» тут совершенно ни при чем: трудно представить себе коммерческую фирму, которая, чтобы повысить свою рыночную эффективность, обратилась бы за советом к государственному органу, наняла бы на работу команду чиновников, мало смыслящих в том, чем эта фирма занимается. Скорее всего, такая фирма постаралась бы разобраться в ситуации собственными силами.

То же и в нашем случае: чем вводить бесконечные ПРНД и КБПР, не доверить ли самим ученым организацию науки, определение «рейтингов» и распределение денег?

Мне возразят: всем известны многочисленные случаи научного жульничества, фальшивых диссертаций, недобросовестных публикаций — о каком доверии может идти речь? Отличный

пример из Казахстана, хотя такое и в России есть: «[О]дной и той же статьей в хорошем журнале отчитались три организации из шести [получивших исследовательские гранты. — Н.В.]. Причем ни один из соавторов статьи не был штатным сотрудником данных НИИ <...>. Позже я видел эту же статью в отчетах еще нескольких проектов» (Сабитов).

Да, это так, к сожалению — но не ставим ли мы тут телегу впереди лошади? Действительно ли неэтичное поведение ППС заставляет АУП вводить новые и новые формы контроля или эти самые формы контроля вынуждают ППС идти по не всегда честному пути? Полагаю, что оба варианта могут в каких-то случаях оказаться верными. Так, безоглядная опора на рейтинги научных журналов немедленно ведет к коммерциализации этой сферы, появлению жульнических изданий, загадочным образом оказавшихся в базах Scopus или Web of Science и откровенно торгующих своими страницами. «Требование министерствами публикации в скопусовских изданиях для всех преподавателей <...> создало гигантский рынок научных фальшивок» (Митрохин). «Необходимость выполнять завышенные требования <...> заставляет ученых прибегать к публикациям в “хищнических” журналах» (Давыдов). «Вероятно, в течение ближайшего времени эта система привязки журналов к базам данных обесценится» (Петров).

В общем, «[н]аукометрические показатели на постсоветском пространстве превратились в чистое зло, подавляющее реальную научную деятельность» (Митрохин), хотя, как и в предыдущем обсуждении наукометрии (АФ № 40), мнения по этому вопросу разделились. Вот важная мысль: «Наукометрию <...> можно заслуженно ругать, но лучше нее пока ничего не придумали <...>. Высокие наукометрические показатели зачастую говорят о соответствующем уровне ученого-гуманитария, но их отсутствие не свидетельствует о его научной несостоятельности» (Сабитов). «Наукометрические показатели дают очень приблизительное, а порой и искаженное представление о результативности научной работы» (Козинцев). Все авторы реплик более или менее согласны с тем, что «оценка труда ученого не может целиком опираться на числовые показатели» (Давыдов) и что «только путем комбинации двух систем измерения научного уровня ученых можно получить хорошо аргументированную оценку для представителей гуманитарных наук» (Сабитов).

* * *

Кто ответственен за происходящее в нашей жизни: институты (социальные структуры) или индивиды (личности)? Это, как известно, один из проклятых вопросов социальной теории:

любой однозначный ответ на него неполон и неточен. Как шутил когда-то Ричард Пайпс, есть два подхода к объяснению причин неудачи социалистической революции в России: одни считают, что «никуда не годный» русский народ испортил хороший марксизм, другие — что «никуда не годный» марксизм испортил хороший русский народ. Более или менее ясно одно: в разные временные периоды и в разных странах баланс ответственности институтов и индивидов за происходящее наверняка разный.

Наука организована неправильно, говорят одни, ученые и администраторы у нас хорошие, но нужно поменять систему найма и продвижения (или систему контрактов и оценки, или систему распределения средств и выбора тем исследования...) — тогда все будет хорошо. И предлагают разные варианты таких реорганизаций.

В реплике Давыдова вопросы, поставленные редколлегией, переформулируются существенно более детально, с демонстрацией расхождения позиций научных работников и администрации относительно постоянных или временных контрактов и с выводом, что «не следует абсолютизировать суждения о плюсах и минусах той или иной формы контракта» и что «[т]акие практики, как ротация кадров <...>, а также долгосрочное сотрудничество ученого с работодателем, в совокупности являются важнейшими составляющими эффективного научного поиска». То есть ни та ни другая система сама по себе не гарантирует успеха: лишь «сочетание временных и постоянных контрактов в рамках одной организации может создавать благоприятную для научной работы почву». Это несомненно верно, но ясно, что центральный вопрос здесь — в конкретном балансе двух систем: этот баланс наверняка будет разный для разных научных и научно-образовательных учреждений, для разных дисциплин и для разных регионов.

Интересную схему устройства науки на университетских кафедрах предлагает Митрохин: он как раз задумывается о балансе постоянных и временных контрактов, молодых и зрелых ученых, педагогической и исследовательской нагрузки. О том же пишет Хаккарайнен: «[П]роектная работа дает хороший результат, если она происходит на базе университета на постоянной основе».

Неважно, как устроена организация науки, отвечают другие, дело в том, что рычаги управления этой системой находятся не в тех руках, нужно просто поменять людей, занимающих ключевые посты, на других, честных и альтруистических, и все будет хорошо. «[Э]ффективность науки, как и общества в целом, более всего зависит не от формы организации, а от разумности,

честности и доброжелательности членов общества» (Березкин); «человеческое достоинство хоть и не измеряется, в отличие от цитируемости, ни в каких единицах, в определенной системе ценностей во сто крат дороже» (Козинцев). С этим трудно спорить, но не очень ясно, как практически воплотить эти рекомендации.

Вернемся к отношениям науки и государства. Свою позицию в этом вопросе четко формулирует Бесков: государство собирает налоги, государство вкладывает часть этих денег в науку (и, значит, государство определяет, в каком направлении должна двигаться наука), а функция науки — приносить обществу пользу. Позиция вроде бы безупречная, но давайте попробуем заменить слово «государство» на слово «чиновники» — это ведь в данном случае одно и то же! — и позиция окажется совсем не такой привлекательной, в ней немедленно обнаруживаются слабости, и прежде всего вот какая: говорить о степени (не)образованности государства бессмысленно, а вот говорить о степени (не)образованности конкретного чиновника вполне можно и нужно.

К чему эта позиция (с государством в центре) приводит, точно формулирует тот же Бесков: «[М]ы будем рады уже самому факту публикации нашей статьи авторитетным журналом <...>. Публикуя статьи, мы хотим кому-то угодить, перед кем-то отчитаться, среди кого-то выделиться <...>. Нас не заботит, будет ли статья востребована обществом». То есть описанная выше система приводит к результату, противоположному ожидаемому: в ситуации, когда все рычаги в руках государства, наука не может служить обществу.

Однако «[и]зменить ситуацию способно сейчас только государство», и наивно надеяться «на то, что наука сама себя отрегулирует» — «нужна явная политическая воля, способная преодолеть отчаянное сопротивление среды» (Бесков). Не совсем ясно, какая именно среда тут имеется в виду: если чиновная (и слившиеся с ней «администраторы от науки»), то непонятно, как она способна что бы то ни было изменить.

Секрет Полишинеля: существует негласный, тайный сговор, можно сказать, заговор между экспертами и авторами грантовых заявок. Авторы заявок на самом деле часто тянут в течение нескольких лет одну и ту же тему, называя ее части разными наименованиями, отчитываясь за следующий грант статьями из предыдущего (а часто и статьями, вообще не имеющими отношения к теме). Эксперты все это видят — но ведь завтра они сами будут подавать грантовые заявки и начнут вести себя точно так же, потому что, как совершенно справедливо пишет Алимов, серьезную тему за три года сделать нельзя. Поэтому

эксперты закрывают глаза на эти несуразности и, если сама работа хорошая, делают вид, что ничего не заметили. Это возвращает нас к теме доверия: «Основная проблема постоянного жесткого контроля <...> состоит в разрушении доверия. Если университет, фонд или государство постоянно проверяют человека на соответствие формальным требованиям, тот ощущает себя по другую сторону баррикад и, как следствие, начинает придумывать разные способы выполнить эти требования с минимальными затратами, включая не самые честные» (Архангельский).

Состоявшееся обсуждение поставленных редколлегией «АФ» вопросов было нацелено на то, чтобы не только обменяться мнениями, но и по возможности предложить какие-то решения, которые помогли бы улучшить нынешнюю ситуацию. Я выделил три таких «соображения», за которые, как кажется, выступают все или как минимум подавляющее большинство участников.

1. Все участники более или менее согласны в том, что существующая система оценки продуктивности научной работы ведет к опасной перегрузке, к «академическому тейлоризму» — это прежде всего касается тех, кто работает в вузах. От исследователей «требуют все больше и больше результата — лекций, статей, выступлений <...>, заявок на проекты <...>. В результате у них ненормированное рабочее время, нет границы между работой и отдыхом, и при этом они испытывают чувство вины, если не успевают “сделать все”» (Хаккарайнен). Это верно не только для Финляндии: требования российского министерства тоже явно завышены (Давыдов).

2. Все участники более или менее согласны в том, что измерять научный процесс в социальных и гуманитарных науках трехлетками — это нонсенс. Эта мерка «не адаптирована под социальные и гуманитарные науки» (Вайсман). «Наши науки медленные, ничего стоящего в них за три года не сделаешь, да и за десять лет не всегда. Лет двадцать — более или менее нормально» (Березкин). «[А]кадемические исследования — это дело долгое. Особенно в тех сферах знания, которые опираются на общение с людьми» (Хаккарайнен).

3. Наконец, практически все авторы реплик солидарны в оценке абсурдной ситуации, когда в гуманитарных науках статьи оцениваются выше, чем монографии. Еще недавно «отечественная филология “питалась” монографиями, знаменитыми серийными сборниками, словарями, атласами, комментированными изданиями старых текстов и т.д.» (Березович). Да и сегодня многие уверены, что «гуманитарное знание прирастает не статьями, а только монографиями» (Желтов), что «в гуманитарных науках главная единица производства научной продук-

ции — это монография» (Сабитов). Однако при существующей системе оценки продуктивности хорошую книгу написать трудно: такая книга «пишется на основе систематических исследований и в спокойной обстановке, позволяющей сконцентрироваться только на ней, а не разрываться между чтением лекций, административной деятельностью и сотрудничеством в нескольких проектах» (Митрохин).

* * *

Интересный поворот темы предлагает Наталья Ковалева: она выводит появление недолговечных исследовательских коллективов из потребности в междисциплинарности, поскольку только таким способом ученые могут ответить на реальные вызовы. Как только поставленная задача решена, команда распускается, т.к. «на горизонте уже маячит новый кризис, который требует другого сочетания навыков и опыта и нового созвездия экспертов». Это, наверное, и есть та область, в которой оправданны и полезны кратковременные контракты и высокая мобильность. Но в науке есть и другие области, где мобильность превращается в поверхностность, а кратковременные контракты только мешают работать. «[С]истема “проектной деятельности” бесконечно плодит людей, которые не могут сконцентрироваться на какой-то теме и хорошо ее изучить, не умеют и не научатся писать, поскольку на это тоже нужны время и способности» (Митрохин).

В общем «[н]аука — принципиально очень разнообразная деятельность, она не может существовать ни без монографий, ни без статей <...>, ни без конференций, тезисов, рецензий, переводов и т.д.» (Желтов).

Да, наука разнообразна, но есть одно «но». Современный научный мир однополярный: мода на научные теории и исследовательские темы диктуется из единого центра — американских университетов, туда же стремятся перебраться многие ученые. «[Е]стественно, что связанные с ним люди создали систему оценки научных работ исходя из собственных целей, нужд и возможностей. Мы, как бы ни старались, никогда не сможем в эту систему вписаться на равных, причем по одной-единственной и довольно глупой причине: наш родной язык не английский» (Березкин). Многие ученые в России пишут и публикуются по-английски, но это не во всех дисциплинах целесообразно (Березович), и не только потому, что «многие студенты-русисты, хотя мы уже давно не в СССР, до сих пор пренебрегают иностранными языками» (Вьюгин), но и просто по самой природе материала. Англоязычные статьи и читают больше (Козинцев), и рейтинги они повышают значительно

существеннее: «Если сравнить [казахстанских] ученых, писавших на русском и английском языках, то можно увидеть, что историк-корифей, писавший свои книги и статьи на русском с 1980-х гг., имеет схожие наукометрические показатели с ученым из той же сферы, который пишет примерно о том же с середины 2010-х, но на английском» (Сабитов).

Причину этого положения дел коротко, но хлестко описывает Желтов и делает вывод, с которым остается только печально согласиться: после такого двадцатого века, какой пережила наша страна, «возникает скорее вопрос, как в принципе выжили наши наука и образование, а не почему мы не на первых местах рейтингов»¹. Отношение к сложившейся в гуманитарных и социальных науках ситуации у разных ученых разное: некоторые относятся к постоянным потугам чиновников «оптимизировать» отчетность, рейтинги и систему контроля как к данности, с которой приходится жить и как-то выкручиваться, другие — как к ненормальному положению, с которым можно и нужно бороться.

Вывод печальный: «Борьба за честную, серьезную и интересную науку против халтурщиков, жуликов, бездарей и дураков не может быть выиграна. Она будет вестись всегда с переменным успехом при любых формах отчетности и организации» (Безкин).

В заключение этого краткого обзора реплик мне бы хотелось упомянуть две идеи, высказанные их авторами, которые, как мне кажется, могут быть внедрены достаточно легко и которые существенно помогли бы ученым справляться с теми проблемами, которые создают для них не слишком компетентные чиновники.

Первая — это мысль Тимофея Архангельского о заимствовании из практики немецких научных фондов обязательного data management после окончания проекта (принцип FAIR data): собранные данные должны быть приведены к такому виду и храниться в таком месте, чтобы тот, кому они понадобятся, легко мог их найти и ими воспользоваться.

Вторая — это соображение Елены Березович: «[Н]ужны какие-то мгновенно разворачиваемые публикационные “полевые госпитали”, где бы печатались и обсуждались небольшие сообщения и подводились промежуточные итоги исследований». Такие площадки, пожалуй, можно было бы организовать в интер-

¹ Валить все беды, постигшие российских ученых и российскую науку в 1990-е гг., на «гайдаровское правительство» (которое, заметим, просуществовало чуть больше года, с 6 ноября 1991 по 23 декабря 1992 г.) — решение для серьезного ученого, полагаю, слишком простое.

нете — без всяких хиршей и скопусов: вспомним, вслед за Козинцевым, «гамбургский счет».

И наконец, вечное: «[К]огда мы говорим о современных проблемах научной работы, довольно полезным оказывается обратиться к примерам из истории науки» (Давыдов). Кто бы спорил...

Николай Вахтин

Forum: Current Tendencies of the Academic Landscape

This “Forum” deals with recent changes in the institutional structure of academia and their consequences. Discussants talk about new conditions for scholarly research: the state policies of several countries towards social sciences and the humanities, the situation of (young) researchers in research institutes and universities, the system of grants for short-lived projects and *ad hoc* research groups, the criteria for evaluating the results of research and the qualification of scholars, the reliability of quantitative instruments of assessing academic quality, as well as misunderstandings and mutual mistrust between scholars and university administrators. The authors of the remarks identify the most acute challenges, offer solutions that could improve the current situation, and discuss alternative ways to organize research.

Keywords: institutional structure of academia, scholarly policies, assessment of research results.

References

- Beskov A. A., “Slavyanskije runy” na rossijskikh ekranakh: reprezentatsiya neoyazycheskogo mifa’ [Constructing a Mythological Pre-Christian Writing System: Neopagan Representations of Slavic Runes in Russian TV and Films], *PRAXEMA: Problemy vizualnoj semiotiki*, 2019, no. 3, pp. 225–253. doi: 10.23951/2312-7899-2019-3-225-253. (In Russian).
- Beskov A. A., ‘Simvoly razdora: runicheskaja pismennost v zerkale rossijskoj i zapadnoj pressy’ [Symbols of Discord: Runic Writing in the Mirror of Russian and Western Press], *Bulletin of Moscow University*, series 7: Philosophy, 2020, no. 1, pp. 77–92. (In Russian).
- Bourdieu P., *Le sens pratique*. Paris: Les Editions de Minuit, avec le concours de la Maison des Sciences de l’Homme, 1980, 480 pp.
- Callaway E., ‘The Rise of the Genome Bloggers’, *Nature*, 2010, vol. 468, no. 7326, pp. 880–881.
- Derrida J., *De la grammatologie*. Paris: Les Editions de Minuit, 1967, 445 pp.

- ‘Forum: Kollektivnye proekty v sotsialnykh naukakh’ [Forum: Collaborative Projects in the Social Sciences], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 44, pp. 11–80. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-11-80. (In Russian).
- Ingold T., ‘Anthropology Is *Not* Ethnography’, *Proceedings of the British Academy*, 2008, vol. 154, pp. 69–92. doi: 10.5871/bacad/9780197264355.001.0001.
- Mittelstrass J., ‘Humanities under Pressure’, *Humanities*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 80–86. doi: 10.3390/h4010080.
- Polanyi K., *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, foreword by Robert M. MacIver. New York: Farrar & Rinehart, 1944, XIII+305 pp.
- Ritzer G., *The McDonaldization of Society* 5. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2008, XIX+300 pp.
- Schiermeier Q., ‘Russia Aims to Revive Science after Era of Stagnation’, *Nature*, 2020, vol. 579, no. 7799, pp. 332–336. doi: 10.1038/d41586-020-00753-7.
- Sokolov M., Titaev K., ‘Provintsialnaya i tuzemnaya nauka’ [“Provincial” and “Indigenous” Scholarship in the Humanities and Social Sciences], *Antropologicheskij forum*, 2013, no. 19, pp. 239–275. (In Russian).